

**Коми республиканская академия  
государственной службы и управления  
(ГОУ ВО КРАГСИУ)**

**Институт языка, литературы и истории  
ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН»**

**ПРИ ПОДДЕРЖКЕ  
ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ  
И РОССИЙСКОГО ФОНДА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ  
ЧЕЛОВЕКА НА СЕВЕРЕ:  
ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ  
И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ  
(НА МАТЕРИАЛАХ  
РЕСПУБЛИКИ КОМИ)**

**Сборник статей**

УДК 930.2:94(470.13)(063)  
ББК 63.3(Коми)  
Ж71

**Ответственный редактор:**

*А.А. Попов* – д-р ист. наук, проф., гл. научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

**Редакционная коллегия:**

*И.Л. Жеребцов* – д-р ист. наук, директор Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; *П.П. Котов* – канд. ист. наук, зав. сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; *И.И. Ластунов* – канд. ист. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ГОУ ВО КРАГСиУ; *М.В. Таскаев* – канд. ист. наук, зав. отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; *А.Н. Турубанов* – д-р ист. наук, проф., гл. научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; *И.А. Токавина* – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента ГОУ ВО КРАГСиУ; *С.А. Грубская* – гл. специалист-эксперт Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Коми (отв. секретарь).

**Ж71 Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми):**  
сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2019. – 197 с.

ISBN 978-5-93206-383-5

В сборнике статей, подготовленном по материалам симпозиума «Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми)», прошедшего в рамках Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Управление пространственным развитием Европейского Севера России: социально-экономические, политические и исторические аспекты», рассмотрены конкретно-исторические аспекты жизнедеятельности населения Европейского Северо-Востока России за значительный хронологический период (XVIII–XXI вв.). Специальное внимание уделяется анализу источниковой базы и историографии изучения освоения северных территорий.

Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Коми (проект № 19-410-111002/19).

УДК 930.2:94(470.13)(063)  
ББК 63.3(Коми)

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Бровина А.А., Филиппова Т.П.</b> История научного освоения архипелага Новая Земля в конце XIX–XX в.: источники и исследования .....	5
<b>Котов П.П.</b> Система управления уделами и общинное самоуправление: по материалам Европейского Севера России .....	12
<b>Лейман И.И.</b> К вопросу об истории создания Военно-статистического обозрения Российской империи .....	25
<b>Котов П.П., Евсеев А.В.</b> История общественной запашки удельных крестьян России в трудах исследователей .....	41
<b>Куратов О.А.</b> Неземледельческие отхожие промыслы населения Коми края в пореформенные годы: историографический обзор .....	50
<b>Попов С.А.</b> Источники для изучения волостных сборов и расходов в Коми крае в начале XX века .....	54
<b>Хайдуров М.В.</b> Источники по церковной истории Коми края XIX – начала XX в. ....	63
<b>Фахриев Р.Т.</b> Основные проблемы истории Коми края в годы Первой мировой войны в региональных исследованиях .....	68
<b>Костарева Л.М.</b> Из истории развития народных кустарных ремёсел Европейского Севера России: традиционные технологии крашения у коми (зырян) .....	75
<b>Силин В.И., Кучева В.В.</b> Сведения о зырянах в первых русских географических словарях .....	80
<b>Вишнякова Д.В.</b> Половозрастная структура населения г. Усть-Сысольска Вологодской губернии по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. ....	86
<b>Ластунов И.И.</b> Печорский уезд накануне гражданской войны в Коми крае (конец 1917 – начало 1918 г.) .....	92
<b>Каракчиев В.Н.</b> Источники по изучению формирования и деятельности волостных исполнительных комитетов Коми АО в 1920-е гг. ....	98
<b>Котов П.П., Мартыничук Т.А.</b> Общественное дошкольное воспитание в Коми АССР в 1920–1940-х гг. в российской историографии .....	103
<b>Игнатова Н.М.</b> Историография социально-демографических процессов на спецпоселениях в СССР в 1930–50-е гг. ....	112



<b>Нисковская М.И.</b> Сопоставление газет «Заполярная кочегарка» и «Полярная звезда» Воркутинского исправительно-трудового лагеря МВД СССР (1940–1950-е гг.) .....	117
<b>Козлова Д.Т.</b> Рукопись Г.М. Литинского «Театр за Полярным кругом» как источник по истории Воркутинского театра системы ГУЛАГа .....	124
<b>Истомин К.В.</b> Формирование и развитие совхозистских практик среди оленеводов-колхозников и совхозников Коми АССР по данным статистики движения общественных и личных стад. Сопоставление с Мурманской областью .....	136
<b>Колегов Б.Р.</b> Региональная периодическая печать Коми АССР как дополнительный источник при изучении повседневной жизни в республике в XX веке (на примере газеты «Красное Знамя») .....	148
<b>Мацук А.М.</b> Роль министерств и ведомств СССР и РСФСР в развитии системы среднего специального образования на Европейском Севере России в 1950-е–1980-е гг. ....	155
<b>Турубанов А.Н., Тюкавина И.А.</b> Созидательная деятельность И.П. Морозова по развитию лесного комплекса Коми АССР .....	163
<b>Попов А.А., Линкова Н.Ю.</b> История становления и развития электронных СМИ в Республике Коми: на материалах телевидения (итоги, задачи изучения) .....	173
<b>Мацук М.А.</b> История образования в публикациях научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» .....	178
<b>Линкова Н.Ю.</b> Цифровизация телевидения в системе модернизации телекоммуникационной отрасли в Республике Коми .....	184
<b>Таскаев М.В.</b> Научно-исследовательская тема Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Социально-политические, социально-экономические и демографические процессы на Европейском Севере России (по материалам Республики Коми): новые источники и историография». Итоги второго этапа исследований .....	190



**А.А. Бровина,**

*д-р ист. наук, зав. отделом  
гуманитарных междисциплинарных  
исследований ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**Т.П. Филиппова,**

*канд. ист. наук, научный сотрудник  
отдела гуманитарных междисциплинарных  
исследований ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

## **ИСТОРИЯ НАУЧНОГО ОСВОЕНИЯ АРХИПЕЛАГА НОВАЯ ЗЕМЛЯ В КОНЦЕ XIX–XX в.: ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ**

История освоения российского арктического архипелага Новая Земля насчитывает немало интересных и порой трагических страниц. Его изучение всегда сопровождалось колоссальными природно-географическими трудностями. Несмотря на это, российская наука накопила богатый исторический опыт исследований Новой Земли, анализ которого представляет сегодня большой интерес в связи с вектором государственной политики, направленным на усиление внимания к проблемам российской Арктики. Актуальность проведённого исследования обусловлена тем фактом, что в российской историографии имеется относительно небольшое количество работ, посвящённых научному изучению Новой Земли [1].

Изучение архипелага проходило в несколько этапов. Начало исследованиям было положено в конце XVIII – начале XIX в., когда с целью поисков месторождений полезных ископаемых и картирования островов сюда направлялись первые исследовательские экспедиции, финансируемые Академией наук и меценатами: Ф. Розмыслова (1768–1769), В. Лудлова (1806–1807), А.П. Лазарева (1819), Ф.П. Литке (1821–1824), П.К. Пахтусова (1832–1833, 1834–1835), К.М. Бэра (1837), А.К. Цивольки (1838–1839). Их результатами стали описания берегов островов, отрывочные сведения о геологическом строении архипелага. После этих экспедиций русские исследователи не посещали Новую Землю более 30 лет.

Исследования возобновились только в 1880-е гг. и были обусловлены рядом факторов. В 1870-е гг. к активному изучению архипелага приступили учёные Германии, Австрии и Нидерландов. С целью защиты гео-



политических интересов страны в северных морях и закрепления принадлежности Новой Земли российское правительство инициировало процесс её колонизации. Во второй половине 1870-х гг. на архипелаге было заложено первое поселение – Малые Кармакулы. В 1880-е гг. было установлено регулярное пароходное сообщение архипелага с г. Архангельском, что позволило усилить интенсивность научных наблюдений на Новой Земле.

Важной страницей в изучении Новой Земли стали организация и проведение Первого международного полярного года (август 1882 – август 1883). В нём приняли участие более 700 человек из 12 стран, в том числе и России. Результатом стала организация 12 станций в Северном полушарии и двух в Южном (по две полярные станции открыли Россия и США, по одной – Финляндия (входившая в то время в состав Российской империи), Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Швеция, Дания, Норвегия и Голландия) и двух в Антарктиде (Германия, Франция) [2]. Их работа была направлена на изучение колебаний климата во всей Арктике.

Первая полярная станция была открыта Россией на Новой Земле в Малых Кармакулах. Размещение её именно здесь было сопряжено с целью закрепления принадлежности архипелага за Россией. Российская экспедиция Академии наук под руководством гидрографа К.П. Андреева прибыла на архипелаг в начале августа 1882 года. Несмотря на климатические трудности, в эту зимовку состоялось первое пересечение Новой Земли от западного её берега до Карского моря.

В декабре 1894 г. архангельский губернатор А.П. Энгельгардт обратился в Министерство земледелия и государственных имуществ с ходатайством о посылке экспедиции на Новую Землю с целью её геологического изучения и открытия залежей полезных ископаемых. Руководство экспедицией губернатор предложил возложить на геолога Ф.Н. Чернышева [3].

В необходимости изучения Новой Земли Ф.Н. Чернышев был уверен ещё после возвращения из Тиманской экспедиции (1889–1890). В записке, адресованной в Министерство земледелия и государственных имуществ с целью поддержки проведения такой экспедиции, Ф.Н. Чернышев в 1894 г. писал: «[...] Такого рода экспедиция, благополучно окончившись, опять выдвинет на первый план работы русских людей на нашем Ледовитом океане. [...] Откладывать это предприятие крайне нежелательно, так как иностранные исследователи всё более настойчиво стремятся в наши полярные моря, совершая ряд научных экспедиций» [4].

В результате экспедиции, которая состоялась в 1895 г., Ф.Н. Чернышев впервые сформировал общее представление о геологии Новой Земли, составил первую геологическую карту архипелага, дал представление о его орографии, а также показал связь с горными цепями континента Пай-Хоем



и Уралом. Он указал, что южная часть архипелага родственна Пай-Хою, а часть севернее Безымянной губы представляет собой иную тектоническую область [5]. Данное научное мероприятие стало одним из самых результативных в изучении архипелага в XIX в., сформировав дальнейший интерес в его подробном изучении.

На рубеже XIX–XX вв. архипелаг посещали частые небольшие экспедиции. По поручению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1900 г. фауну Новой Земли изучали географ Б.М. Житков и зоолог С.А. Бутурлин. В течение 1900–1901 гг. поездку по восточному берегу совершил А.А. Борисов, в результате подготовив съёмку заливов Медвежьего, Чекина и Незнаемого. Направления исследований архипелага, обозначенные экспедицией Ф.Н. Чернышева, нашли продолжение в изысканиях известного путешественника, геолога В.А. Русанова. В период 1907–1911 гг. он совершил 5 экспедиций на Новую Землю, пересёк несколько раз северный остров пешком, обогнул на лодке Новую Землю с юга [6].

К началу XX в. стало очевидно, что моря и недра Севера России являются крайне перспективными в промышленном отношении. И учёные, и руководство страны понимали это. Продолжение научно-исследовательских изысканий стало в начале XX в. одним из важных аспектов государственной политики на Севере. В стенах Академии наук 1 декабря 1914 г. была создана Постоянная Полярная комиссия. Основной её задачей было определено научное исследование полярных стран вообще и Русского Севера в частности. Это была чрезвычайно гибкая организация, которая постоянно создавала специальные временные подкомиссии [7]. Так, в разное время работали подкомиссии: А.Е. Ферсмана по экспедиции на Новую Землю; К.М. Дерюгина по плану 5-летних исследований на Новой Земле и др. В заслугу комиссии надо поставить расширение деятельности Полярной геофизической обсерватории в Маточкином Шаре в 1917 г., которую по инициативе Полярной комиссии неоднократно инспектировали и инспектировали А.И. Толмачев и Б.Л. Исаченко.

Новый этап в изучении Новой Земли начался в 1920-х гг., когда советское правительство активно приступило к исследованиям недр Севера и исследовательские работы в Арктике приобрели государственное значение и системный характер. Европейский Север России стал фигурировать в планах правительства как основной источник естественных производительных сил страны. Понималась необходимость ширококомасштабных научно-технических исследований территории. Деятельность всех экспедиций начала приводиться в соответствие с ежегодными и 5-летними планами хозяйственного развития страны. Изучение архипелага Новая Земля



советским правительством диктовалось как научными и экономическими задачами, так и политическими соображениями для создания надёжного военного форпоста страны в Арктике.

Постановлением Президиума ВСНХ 4 марта 1920 г. при Высшем Совете народного хозяйства была организована Северная научно-промысловая экспедиция (далее – Севэкспедиция) (с 1925 г. преобразована в Институт по изучению Севера). В число её задач входил поиск полезных ископаемых на арктических территориях – нефти, угля, руды и т.д. Создание такой организации было поддержано Академией наук, научное руководство взял на себя президент Академии наук А.П. Карпинский, начальником назначен Р.Л. Самойлович. С первых лет организации Севэкспедиции начались исследования Новой Земли.

Первая советская экспедиция на архипелаг состоялась летом 1921 года. Под руководством Р.Л. Самойловича работал Новоземельский отряд. Ему предстояло провести метеорологические наблюдения, геологические исследования, а также собрать зоологические и ботанические коллекции. В 1923 г. Новоземельскому отряду Севэкспедиции Р.Л. Самойловича было поручено провести исследования берега от губы Безымянной до Маточкина Шара. На Паньковой Земле участниками экспедиции были выявлены признаки каменных углей, в течение 1924 г. отряд уточнил карту Костина Шара и определил место нового становища – Красино, организованного в 1925 году.

В 1925 г. и 1927 г. на Новую Землю были направлены две экспедиции под руководством Р.Л. Самойловича, которые носили рекогносцировочный характер. Геологические исследования проводились на Северном острове, в районе Горбовых островов, на о. Баренца и в Русской Гавани, где были найдены каменноугольные отложения.

В 1928 г. СНК СССР было принято Постановление «Об усилении научно-исследовательской работы в арктических владениях Союза ССР» [8]. В связи с расширением исследований структура Института по изучению Севера в 1930 г. была пересмотрена, он преобразован во Всесоюзный Арктический институт. В 1931 г. институт организовал сразу две экспедиции на Новую Землю, обе имели геологическую направленность. Экспедиция под руководством В.К. Есипова занималась изучением тектоники, стратиграфии, морфологии и ледников районов губ Крестовой и Сульменево; вторая экспедиция во главе с М.М. Ермолаевым проводила исследования и поисковые работы на Южном берегу Маточкиного Шара.

Дальнейшее изучение Новой Земли относится ко времени Второго международного полярного года (1932–1933), в работе которого приняли участие 44 государства. К подготовке наблюдений на арктическом про-





странстве СССР приступил заранее, в 1931 г. научными экспедициями Всесоюзного Арктического института были открыты полярные станции в бухте Тихой, на острове Домашнем, мысе Желания. В 1932–1933 гг. СССР провёл в Арктике 26 морских экспедиций с целью гидрологического и гидрографического исследования арктического бассейна и прилегающих частей Мирового океана. Так, в задачи экспедиции Всесоюзного Арктического института на ледокольном пароходе «Русанов» в 1932 г., кроме постройки радиостанции на мысе Челюскин и смены полярников на острове Домашнем, входили обследование Североземельских проливов и организация высокогорной гляциологической станции на Новой Земле. Руководил экспедицией Р.Л. Самойлович.

В 1932 г. в заливе Русская Гавань была построена гляциологическая станция (полярная геофизическая обсерватория «Русская Гавань»), которую возглавил М.М. Ермолаев. Задачами обсерватории были сейсмоакустическое зондирование атмосферы, аэрометеорологические работы, определение мощности ледников, геологические и гляциологические работы. Сотрудники станции совершили пешие маршруты по Северному острову. В результате была установлена мощность ледникового покрова, которая составляла 400–500 м [9].

В рамках Второго международного полярного года в 1933 г. Всесоюзным Арктическим институтом были организованы 4 геологические экспедиции для изучения Новой Земли. Западно-Новоземельская (И.Ф. Пустовалов) – геолого-топографические исследования района от залива Иностранцева до Русской Гавани; Восточно-Новоземельская (Б.В. Милорадович) – изучение района между мысом Желания и мысом Спорый Наволок; Северо-Новоземельская экспедиция (Г.В. Горбацкий) – геоморфологические, почвенные наблюдения в районе мыса Желания и залива Красный; экспедиция Б.А. Алферова провела геологическую съёмку Костиного Шара.

После Полярного года советские учёные продолжили изучение островов архипелага. В 1934 г. многочисленные экспедиции под руководством Н.Н. Мутафи, М.М. Ермолаева, А.А. Петренко, Б.А. Алферова и др. охватили всю Новую Землю. Была составлена схема стратиграфии и палеографии островов, обнаружены месторождения свинца, цинка, меди, флюорита, что вносило вклад в составление общей схемы геологического строения и палеографии Арктики. В 1936 г. М.М. Ермолаев опубликовал монографию «Геология Новой Земли», которая подвела итоги изучения архипелага в 1920–1930-е годы. В ней он сделал вывод, во многом определивший дальнейшую судьбу архипелага, об отсутствии в недрах Новой Земли перспективных запасов ископаемых [10].



В связи с началом Второй мировой и Великой Отечественной войн научные исследования на Новой Земле были сведены к минимуму. Архипелаг был вовлечён в развернувшиеся на Севере военные действия, став военно-морской базой СССР в Арктике. Окончание открытых военных конфликтов не возобновило интенсивные научные исследования Новой Земли. Советское правительство было вынуждено адекватно реагировать на вызовы начавшейся «холодной войны». В государственной политике послевоенного времени в отношении арктических территорий балансировали две позиции: военно-стратегическая и экономическая. Выбор между экономическим развитием региона и созданием военно-стратегических зон привёл в 1955 г. к созданию на архипелаге ядерного полигона СССР. Северный остров Новой Земли был полностью эвакуирован, организованные на тот момент научные базы были оставлены. Архипелаг превратилась в закрытую зону.

Национальные стратегические интересы современной России в Арктике созвучны наработкам советского периода. Многие идеи и проекты по стратегическому и социально-экономическому развитию арктических территорий нашли реализацию в современной российской государственной концепции «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (2008). Важным событием, определившим новый этап в изучении архипелага, стала первая в современной российской истории комплексная научная экспедиция на Новую Землю 2018 года. Она была организована под эгидой Северного морского флота и Русского географического общества с целью изучения геологических особенностей и истории освоения архипелага путём реконструкции маршрутов первых исследователей Новой Земли. В этой связи осмысление исторического опыта изучения архипелага Новая Земля важно для решения современных проблем взаимодействия науки и власти, поиска путей взаимовыгодного сотрудничества в Арктическом регионе с целью обеспечения национальной и ресурсной безопасности России.

\* \* \*

1. Белов М.И. Советское арктическое мореплавание, 1917–1932 гг. История открытий и освоения Северного морского пути. – Л.: Морской транспорт, 1959. – Т.3; Пасецкий В.М. Первооткрыватели Новой Земли. – М.: Наука, 1980.

2. Визе В.Ю. Международный полярный год. – Л.: Изд-во Всесоюзного Арктического института, 1932. – С.4.



3. Российский государственный исторический архив. Ф.37. Оп.57. Д.493. Л.2 об.
4. Российский государственный исторический архив. Ф.58. Оп.2. Д.275. Л.1–5.
5. *Чернышев Ф.Н.* Новоземельская экспедиция 1895 года. Сообщение Ф. Чернышева: (Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 20 декабря 1895 г.). – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1896.
6. *Анисимов Ю.А., Оноприенко В.И.* Феодосий Николаевич Чернышев: 1856–1914. – М.: Наука, 1985. – С.75.
7. Российский государственный архив экономики. Ф.3429. Оп.7. Д.889. Л.1–12.
8. Собрание законодательства СССР. – 1928. – № 52. – Ст.464.
9. *Тимонин Н.И.* Первопроходец. Рассказ о Михаиле Михайловиче Ермолаеве // Север. – 2012. – № 5/6. – С.217–227.
10. *Ермолаев М.М.* Геология Новой Земли. Стратиграфия и палеогеография // Труды Всесоюзного Арктического института. Т.LXI: Геология. – Л.: Изд-во Главного управления Северного морского пути, 1936. – С.33.



**П.П. Котов,**

*канд. ист. наук, доцент,  
зав. сектором отечественной  
истории Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ УДЕЛАМИ  
И ОБЩИННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ:  
ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ**

Интерес к истории крестьянства России с начала 1990-х гг. незаслуженно ослаб. Однако это не отменяет того, что крестьянство на протяжении многих столетий представляло основную часть населения страны и во многом определяло социально-экономическую, культурную и другие области её развития. В этой связи остаётся актуальной проблема дальнейшего исследования истории сельского населения, в том числе отдельных его категорий и отдельных регионов России.

Указом Павла I от 05.04.1797 была образована новая категория податного населения России – удельные крестьяне [1]. Они призваны были обеспечивать денежными средствами младших членов императорской фамилии и обслуживать царские дворцы. Различные аспекты их истории как в целом по России [2], так и по регионам уже исследовались [3]. При этом ряд проблем не получили должного освещения. В частности, остаётся слабо исследованной система управления уделами и включение в неё практики общинного самоуправления. Этот аспект по материалам Европейского Севера и будет рассмотрен в предлагаемой статье.

В категорию удельных крестьян по закону от 05.04.1797 включались разные группы «поселян дворцового ведомства». Основная их масса стала именоваться «собственно удельные крестьяне» – по формулировкам документов конца XVIII – первой половины XIX века. Кроме них в категорию удельных (в широком смысле) включались и крестьяне, обслуживавшие многочисленные императорские дворцы и нередко именуемые по-прежнему «дворцовыми». Последние в 1834 г., наряду с частью общих удельных владений, вошли в так называемые государевы имения. Они охватили крестьян Царскосельского, Петергофского и трёх Московских удельных контор и «собственно дворцовых» – Ораниенбаумского, Павловского,



Стрельнинского и Гатчинского имений. Всего в 1797 г. в разряд удельных крестьян в 36 губерниях Российской империи были переведены около 467 тыс. душ мужского населения (далее – д.м.п.), учтённых по V ревизии, из них на Европейский Север приходилось более 42,7 тыс. душ, или свыше 9% от всех удельных поселенцев страны [4].

Изначально основные владения удела на Европейском Севере располагались в Шенкурском уезде – южной оконечности Архангельской губернии – и в Вельском, Тотемском и Сольвычегодском уездах – на севере центральной части Вологодской губернии. Все эти уезды граничили между собой, т.е. основная часть удельных крестьян Севера (98,5% д.м.п. по V ревизии) проживали довольно компактно по берегам р. Ваги, среднего течения Северной Двины и их притокам. Незначительная доля владений удела располагалась на юге Вологодской губернии – по V ревизии в Вологодском уезде числилось 308 д.м.п. и в Кадниковском уезде – 348 д.м.п. [5].

По закону члены императорской семьи имели право не только на равную ежегодную долю из общего дохода с удельных владений. Формально каждый из них мог претендовать на соответствующую часть удельной собственности и получение уже с неё индивидуального содержания [6]. Правда, такой случай произошёл единожды, когда 18 апреля 1809 г. Александр I вознамерился сделать дополнительный свадебный подарок великой княгине Екатерине Павловне (1788–1819). Он распорядился отделить на содержание своей сестры «из удельных имений деревнями удел» [7]. В него включили 59 536 ревизских душ удельных крестьян в 12 губерниях России [8], в том числе 3 898 душ в Тотемском уезде Вологодской губернии [9]. Доходы великой княгини определялись вначале в 300 тыс. руб. ассигнациями. В законе фиксировалось, что «хотя бы в последствии времени доходы сии возрасли свыше трех сотен тысяч рублей, то все сии обращаться должно также в пользу Ея Высочества и Ея потомков» [10]. После смерти Екатерины Павловны половина крестьян перешла в ведение общего удела. Другая половина была оставлена её сыну – принцу П.Г. Ольденбургскому (1812–1881). В 1862 г. он передал и оставшуюся часть в общий удел, из казны которого и стал получать доход на общих основаниях с другими собственниками удельных владений [11].

Следует особо подчеркнуть, что члены императорской семьи являлись своеобразными владельцами земли и крестьян. Собственно, сами они не участвовали (да и не получили такого права) в распоряжении и управлении собственностью. Повторим: за ними закреплялась лишь безусловная возможность на получение строго определённого размера ежегодного дохода. Даже упомянутое имение великой княгини Екатерины Павловны в 1809 г. было оставлено «в общем владении Удела», и оно «ни продано,



ни заложено быть не может» [12]. За княгиней и после 1809 г. оставалось лишь право на получение дохода с выделенной ей удельной собственности. Именно поэтому в документах, особенно часто со второй четверти XIX в., крестьяне и земли царской семьи именовались одинаково – «удельными», без обозначения специфики их статуса.

Для непосредственного управления удельными имуществами, земельными владениями и крестьянами был создан Департамент уделов, преобразованный в 1802 г. в министерство уделов. В 1808 г. оно вновь реорганизуется в Департамент уделов, который с 1826 г. включается в состав Министерства императорского двора и уделов. В 1852 г. в качестве самостоятельного воссоздаётся опять Министерство уделов. Высшие чины удельной администрации в разное время назывались по-разному: председатель Департамента уделов, министр уделов или министр Департамента уделов. Исключение составлял период с 1826 по 1852 г., когда номинально во главе ведомства стоял министр императорского двора и уделов, а реальное руководство осуществлял товарищ министра (вице-президент Департамента уделов) [13].

На местах предполагалось сформировать несколько удельных экспедиций, которые должны были включать в себя по 50 тыс. д.м.п. бывших дворцовых крестьян, учтённых по V ревизии. Однако сразу выявилось, что только в Костромской и Смоленской губерниях проживало требуемое число дворцовых крестьян. В Вятской губернии их насчитывалось около 40 тыс. душ, и в остальных губерниях страны – от силы половину от необходимой нормы для формирования самостоятельных удельных экспедиций. Поэтому в рамках последних стали объединять бывшую дворцовую собственность и крестьян нескольких губерний. «В силу удобства расположения управления» отказались и от неуклонного соблюдения норматива по численности поселен в региональных подразделениях [14]. Окончательно структура местных удельных подразделений закреплялась специальным указом Сената от 10 марта 1798 г. [15].

В итоге в 1797–1798 гг. были образованы 9 удельных экспедиций. На Севере Архангельская удельная экспедиция начала создаваться в феврале 1798 г. [16]. В неё вошли все дворцовые волости Архангельской и Вологодской губерний. При этом произошёл неординарный случай – в состав экспедиции включили экономических крестьян дер. Семушкинской (11 д.м.п. по V ревизии) Ваенской волости Шенкурского уезда, которые в 1793 г. были ошибочно причислены к дворцовым крестьянам. Это выяснилось в 1799 г., началось разбирательство, состоялся суд, но крестьян всё же оставили в ведомстве Архангельской удельной экспедиции [17].



Удельные экспедиции разделялись на приказы, в каждый из которых должно было включаться 3 тыс. ревизских д.м.п. На территориях, где насчитывалось менее 2 тыс. ревизских душ, создавались удельные отделения [18].

Архангельская удельная экспедиция изначально членилась на 14 приказов. В границах одноимённой губернии (в Шенкурском уезде) были созданы Благовещенский, Усть-Паденский, Предтеченский, Великониколаевский, Усть-Важский и Кургоминский удельные приказы. Часть территории Борецкого приказа располагалась на севере Шенкурского уезда, другая часть – на севере Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. В 1800 г. в первом из них «приписных к Борецкому приказу» числилось 1 478 ревизских д.м.п. в 84 селениях, в Сольвычегодском уезде – 1 527 душ в 63 деревнях [19]. В Сольвычегодском же уезде, южнее Борецкого приказа, располагался Афанасьевский приказ. Но основные удельные владения Вологодской губернии сосредоточивались в Вельском и в меньшей доле – Тотемском уездах, в которых были основаны соответственно Кулойскопокровский и Ромашевский приказы. Селения трёх приказов: Спасского, Тавренского и Верховского – располагались на территории обоих упомянутых уездов. До 80% населения ещё одного – Шелоцкого – приказа проживало в Вельском уезде, остальные – в Вологодском и Кадниковском уездах. Тем самым три северных удельных приказа изначально были сформированы на территории двух уездов, один – в пределах трёх уездов, а Борецкий приказ располагался даже в границах двух губерний [20].

По закону 1797 г. удельное ведомство получило право стяжать земли и крестьян у помещиков. Этим правом оно неоднократно пользовалось, в том числе в Вологодской губернии, на территории которой были дворянские имения. Так, в сентябре 1804 г. Департамент уделов приобрёл имение княгини Шаховской. Оно было довольно крупным (свыше 26 тыс. дес.) и располагалось в Сольвычегодском и Великоустюгском уездах. Кроме крепостных, на землях вотчины проживали 26 половников. Они были «исключены из ведомства казенной палаты» и достались уделу бесплатно [21]. После уточнений для податного обложения и в других необходимых случаях удел на территории купленной вотчины стал учитывать 917 ревизских д.м.п. В их числе 476 д.м.п. значились в Великоустюгском уезде, которые заселяли 2 села и 29 деревень [22]. Другие 441 д.м.п. жили в 45 деревнях Сольвычегодского уезда [23]. На территории вотчины Шаховских в 1804 г. было сформировано Кузнецовское удельное отделение.

В ноябре того же 1804 г. удел совершил следующую покупку. Он приобрёл имение помещицы Соколовой, 20 д.м.п. которого обитали в двух деревнях Грязовецкого уезда, остальные 96 душ – в четырёх деревнях Воло-



годского уезда [24]. Эти владения были отнесены к Шелоцкому приказу, части которого отныне располагались уже в четырёх уездах.

В результате приобретения двух упомянутых имений удел расширил свои владения на Севере, удельные крестьяне стали проживать ещё в одном – Грязовецком – уезде, и было сформировано дополнительное низовое звено управления – Кузнецовское отделение.

Удельные экспедиции представляли удельную власть на местах, имели внутреннюю бюрократическую структуру и состояли из иерархии чиновников во главе с управляющим. Напротив, в приказах и приравненных к таковым отделениям вводился принцип крестьянского самоуправления. Во главе приказов крестьяне каждые 3 года на «приказной сходке» (присутствовало по 2 человека от 100 ревизских душ) «назначали из своей среды» приказного выборного (голову), казённого и приказного старост и писаря. В удельных отделениях поселяне не выбирали голову, его функции исполнял один из двух избираемых старшин. Ему и приказному голове подчинялись сельские и деревенские старосты, которые раз в год назначались представителями от каждого двора на сходе соответствующего удельного селения [25].

Все «приказные и сельские начальники» освобождались «от выполнения нарядов и работ», т.е. от натуральных повинностей. Они получали и незначительное ежегодное денежное содержание из «мирских сборов» с крестьян: головы приказов – 20 руб., писари, казённые и приказные старосты – по 15 руб., сельские и деревенские старосты – по 10 руб. [26]. Кроме них, но на безвозмездной основе назначались десятские от каждого двора, которые менялись по очереди через месяц. В удельной деревне, как и у крестьян других категорий, существовали ещё «сотские и десятские земской полиции». Впрочем, они не входили в систему местного удельного управления и «избирались по общему порядку».

Поначалу удельные власти, по сути, не вмешивались в хозяйственные отношения подведомственных крестьян и не до конца учитывали весь спектр сложившихся в течение многих веков общинных порядков. Последние к концу XVIII в. регулировали многие стороны жизнедеятельности крестьян не только в отдельных селениях, но и – в большей степени – по группам селений (сложным общинам). Такие сложные общины дворцовых, затем и удельных крестьян Севера назывались волостями, приходами, боярщинами, четвертями, десятинами. В отдельных случаях они обозначались термином «деревни» (например, «Крюкова деревни»).

В делопроизводственной документации с начала XIX в. общинные объединения удельных поселений всё чаще обозначались общим термином «волость», а с 1850-х гг. и вовсе оставили только этот термин. При соз-





дании уделов в Архангельской губернии насчитывалось 55 упомянутых общинных объединений, в Вологодской – 58 волостей и несколько селений в южных уездах находились вне какой-либо общины. В Вологодской губернии после приобретения в 1804 г. двух помещичьих имений и формирования одной общины все селения оказались объединены в общины, и количество удельных волостей умножилось до 70 [27].

В первое десятилетие существования уделов приказные, волостные, сельские и деревенские сходы, выборы на них соответствующих «крестьянских начальников» проводились довольно свободно, при минимальном контроле со стороны удельных властей. Вменялось лишь присутствие на приказных сходах «одному из членов Экспедиции», но и это на практике далеко не всегда исполнялось, в том числе и в силу малочисленности удельных чиновников. Ведь по штатам 1797 г. в Департамент уделов входило 20 человек, в удельную экспедицию – по норме 8 человек на каждую губернию (допускались отклонения). Удельное ведомство пока сохранило сложившийся опыт сельского крестьянского самоуправления, но внедрило в него более высокий уровень – систему удельных приказов и отделений.

Заметим, что вначале не существовало и тотальной соподчинённости сельских и волостных старост перед приказными выборными, что было характерно для бюрократических учреждений. Многие вопросы, затрагивавшие интересы населения отдельных поселений, волостей или части таковых, решались безотносительно к приказным «чинам» на сельских сходах и старостами самостоятельно. Так, переделы тягловой пашни оставались полностью в ведении волостей [28], как и «оброчка» (аренда) удельных угодий [29]. С другой стороны, при создании удельных приказов и отдельных элементов регламентации некоторое усиление контроля и регулирования жизни крестьян со стороны удельного ведомства усилилось. Например, распределение размеров денежных сборов и натуральных повинностей оставили в ведении волостей, но приказные «чины» должны были контролировать своевременное их исполнение [30]. Впрочем, подобное наблюдалось и в государственной деревне Севера [31]. Это сохранилось в северной деревне и во второй половине XIX – начале XX в. [32]. Дополним: вопросы, связанные с регулированием промысловой деятельности крестьян, во многом перешли к приказам [33], а отходничество в полном объёме оказалось в их ведении [34].

По указу от 05.04.1797 в удельной деревне России, на Севере в том числе, предписывалась необходимость создания продовольственных запасов зерна на случай неурожая [35]. Поэтому было начато формирование сети так называемых сельских хлебных запасных магазинов, иначе говоря – зерновых складов. К каждому из них «приписывались» крестьяне



нескольких населённых пунктов. Внедрение указанного «новшества» определило возникновение новых выборных должностей. Удельные крестьяне должны были избирать из своей среды старост, которые отвечали «за должное устройство и поддержание строений» этих магазинов, своевременный и полный сбор хлеба с крестьян и «правильное распоряжение запасами» [36]. Следует признать, что система сельских хлебных запасных магазинов в удельной деревне довольно долго, как и в отношении ряда других практик низовых учреждений самоуправления, отлаживалась и обязанности выборных по функционированию хлебных магазинов были прописаны в весьма обобщённом и «размытом» виде [37].

Постепенно в системе управления удельными крестьянами стали всё явственней проявляться недостатки. Выявились, что в некоторых регионах чиновники удельных экспедиций располагались вдали от собственно удельных владений. Так, от Архангельска, центра северной экспедиции, до удельных поселений было 500–700 и более вёрст. По некоторым экспедициям это расстояние достигало 2 000 вёрст. Во-вторых, существовала довольно запутанная подчинённость удельных учреждений и Департаменту уделов, и губернским органам власти. И, наконец, низовые органы крестьянского самоуправления обладали «ненужной» самостоятельностью, не имели «должного контроля» со стороны удельных чиновников и в своей деятельности нередко «слабо соотносились друг с другом».

По указу от 05.05.1808 вводилось новое «Положение о Департаменте уделов», по которому в стране создавались 19 удельных имений (контор) и 3 отделения (в губерниях, где менее 10 тыс. удельных крестьян). Они выводились из подчинения общей губернской администрации [38]. На Севере образуются 2 удельные конторы: Архангельская и Вологодская, которые в декабре 1858 г. объединяются в Вельскую контору с центром в г. Вельске, т.к. расстояние основных районов обитания удельных крестьян от губернских городов региона всё же было значительным [39]. Заметим, что изменения границ Вельского и Кадниковского уездов с 1 января 1851 г. не затронули структуру удельного управления [40].

Удельные конторы по-прежнему делились на приказы, но отменялась жёсткая норма их численности – отныне в них могло быть от 2 до 4 тыс. ревизских душ. На территориях, где насчитывалось менее 2 тыс. д.м.п., создавались удельные отделения [41]. Тем самым отделения могли быть и в статусе удельного имения (конторы), и в «ранге» удельного приказа. В рамках первых могли существовать и удельные приказы, и удельные отделения.

После создания в 1808 г. удельных контор произошла реорганизация и системы удельных приказов. На Севере их центры переносятся ближе



к основным группам селений, в связи с этим изменились и некоторые названия. Отныне территории всех удельных приказов в регионе располагались только в границах конкретных уездов, что не выдерживалось в отношении отделений. С этого времени и до реформы 1863 г. в Шенкурском уезде Архангельской губернии существовало 6 приказов: Благовещенский, Усть-Паденский, Великониколаевский, Предтеченский, Усть-Важский и Кургоминский [42]. В Вологодской губернии функционировали: в Вельском уезде – Верховский, Устьвельский и Тавренский приказы, в Тотемском уезде – Спасский и Шевденицкий, в Сольвычегодском уезде – Верхотоемский и Афанасьевский приказы. В Сольвычегодском и Великоустюгском уездах по-прежнему располагалось Кузнецовское отделение. Кроме перечисленных, в 1808 г. создаётся Турундаевское отделение, части которого находились на территории Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов Вологодской губернии [43]. В 1824 г. его состав пополнила купленная вотчина князя Щербатова, 26 селений которой располагались Грязовецком и Кадниковском уездах [44]. Отметим, что с 1809 г. в упомянутый удел великой княгини Екатерины Павловны на Европейском Севере России были включены все поселяне Спасского удельного приказа.

По «Положению о Департаменте делов» от 15 мая 1808 г. очень заметные изменения вводились в систему крестьянского самоуправления. Отныне кандидаты в «начальники приказов» утверждались вначале управляющими удельными конторами и лишь затем избирались крестьянами (да и то не все, некоторые назначались). Штат управления приказов ненамного увеличили, названия ряда должностей изменили и для некоторых из них расширили льготы. Старшим становился голова приказа «из людей честного поведения, рачительных и трудолюбивых в хозяйстве». Он избирался на сходе при обязательном присутствии управляющего удельной конторы или его заместителя и затем утверждался «на бессрочное время» всё тем же руководителем удельного имения. Голова приказа освобождался от телесных наказаний и выполнения натуральных повинностей. Его годовая оплата умножалась до 240 руб. «из сумм мирских» [45]. В помощь ему удельные крестьяне через каждые 3 года выбирали двух заседателей, льготы которых ограничивались только освобождением от «натуральных работ». Писари приказов должны были назначаться управляющими конторами и состоять «в штате Департамента и в действительной службе» с годовым окладом в 200 руб. «из сумм мирских». На Европейском Севере страны практиковался другой путь, также предусмотренный законом. Здесь писари приказов назначались из удельных поселян «без потери крестьянского их состояния». Им, как и заседателям приказов, полагалась плата по 120 руб. в год [46].



После 1808 г. в удельной деревне существенно трансформировалась система не только приказного, но и низового крестьянского самоуправления. Администрация стала не только регламентировать систему волостных общин, изменять границы волостей, проводить ликвидацию ряда из них, осуществлять слияние нескольких волостей в одну общину и т.п. Было в окончательном виде внедрено единое для всех общин название – волость. В результате после 1808 г. в Архангельской губернии вместо бытовавших 55 создаётся 59 общинных объединений. Ещё более существенные изменения были проведены после IX ревизии (особенно в Великониколаевском приказе) – 6 волостей были ликвидированы, ещё 6 – соединены в 3 и 1 волость – вновь сформирована. Тем самым к 1863 г. здесь функционировала 51 волость. В удельной деревне Вологодской губернии после покупки имения князя Щербатова в 1824 г. число волостей возросло до 73 и после IX ревизии – до 77.

По закону от 15.05.1808 сельские и деревенские старосты уже под контролем администрации удельных контор стали избираться на 3 года и им повысили оплату. Регламентировалось и обязательное избрание старост сельских запасных хлебных магазинов. В 1828 г. их функции были переданы приказчикам (с 1832 г. – смотрителям) общественной запашки. Избранные на эти должности крестьяне получали ряд льгот и определённую оплату [47].

Приведённые сведения свидетельствуют о том, что после своего создания удельное ведомство не уделяло достаточного внимания выстраиванию стройной и чёткой системы управления. Оно весьма пассивно относилось к регулированию общинных отношений на подведомственных территориях и включению их в общую взаимосвязь и подчинённости с административной структурой. После выхода указа от 15.05.1808 удел создаёт заметно более упорядоченную административную систему. Вводится контроль над органами низового крестьянского и общинного самоуправления. Эта система начинает весьма жёстко регламентироваться, и отлаженные общинные отношения изменяются исходя из интересов, прежде всего, самого ведомства. Мало того, удел не ограничивается указанной глубинной модификацией общинных отношений, но и внедряет в них новое звено. Это звено навязывается крестьянам и изначально было направлено преимущественно на совершенствование фискальной сферы. Удельное ведомство ввело обязательное контролируемое уравнительное перераспределение земли между крестьянами, которое напрямую было связано с размерами денежных податей и объёмами выполняемых натуральных повинностей. При этом внедрялась круговая порука по безусловной уплате назначенных налогов и сборов – погашение долгов неплательщика возлагалось



на весь «мир» сельского общества. Отметим, что деятельность низовых органов крестьянского самоуправления в отношении фискальных функций в удельной и государственной деревне Севера имела определённое сходство.

\* \* \*

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (далее – ПСЗРИ-1). – Т.ХХIV. – № 17906. – С.525–569.

2. История уделов за столетие их существования. 1797–1897: в 3 т. – СПб., 1901–1902; *Котов П.П.* К вопросу об удельных крестьянах в советской историографии // Проблемы изучения и преподавания историографии истории СССР в высшей школе: межвузовский сб. науч. трудов. – Сыктывкар, 1989. – С.104–111.

3. *Котов П.П.* Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX века // Хозяйство северного крестьянства в XVI – начале XX вв.: межвузовский сб. – Сыктывкар, 1987. – С.21–29; *Котов П.П.* Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2017. – № 4 (32). – С.79–87.

4. История уделов за столетие их существования. 1797–1897... – Т.3. – С.124–129; *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – в первой половине XIX в. (По материалам ревизий). – М.: Наука, 1971; *Котов П.П.* Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2013. – № 1 (130). – С.18–22.

5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.515. Оп.5. Д.7. Л.1 об.–321; Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф.1. Оп.3. Д.277. Л.1 об.–14; Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф.18. Оп.1. Д.31. Л.1 об.–21.

6. ПСЗРИ-1. – Т.ХХIV. – № 17906. – С.537.

7. ПСЗРИ-1. – Т.ХХХ. – № 23593. – С.917.

8. РГИА. Ф.515. Оп.1. Д.21. Л.7–9.

9. РГИА. Ф.515. Оп.7. Д.261. Л.1 об.–53.

10. ПСЗРИ-1. – Т.ХХХ. – № 23593. – С.917.

11. История уделов за столетие их существования. 1797–1897... – Т.1. – С.9–12.

12. ПСЗРИ-1. – Т.ХХХ. – № 23593. – С.917.

13. ПСЗРИ-1. – Т.ХХIV. – № 17906. – С.14–18.



14. ПСЗРИ-1. – Т.ХХIV. – № 17906. – С.539.
15. ПСЗРИ-1. – Т.ХХV. – № 18423. – С.126.
16. РГИА. Ф.515. Оп.10. Д.658. Л.2.
17. РГИА. Ф.515. Оп.1. Д.23. Л.24–25 об.
18. ПСЗРИ-1. – Т.ХХIV. – № 17906. – С.537.
19. РГИА. Ф.515. Оп.5. Д.8. Л.1 об.–60 об.; РГИА. Ф.515. Оп.5. Д.839. Л.56–60.
20. РГИА. Ф.515. Оп.1. Д.13. Л.43–48; РГИА. Ф.515. Оп.7. Д.10. Л.2–27.
21. *Котов П.П.* Удельные крестьяне Великоустюжского уезда // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Серия «Старинные города Вологодской области». – Вологда, 2004. – Вып. 3. – С.141–166; *Котов П.П.* Наделение землёй удельных крестьян Европейского Севера России по реформе 1863 года (на примере материалов Сольвычегодского уезда Вологодской губернии) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2012. – № 1. – С.32–40.
22. *Котов П.П.* Удельная деревня Великоустюжского уезда Вологодской губернии и реформа 26 июня 1863 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5-4 (11). – С.106–112.
23. *Котов П.П.* Наделение землёй удельных крестьян Европейского Севера России по реформе 1863 года (на примере материалов Сольвычегодского уезда Вологодской губернии)...
24. РГИА. Ф.515. Оп.1. Д.13. Л.69–70 об.; Ф.515. Оп.7. Д.37. Л.3–187 об.
25. ПСЗРИ-1. – Т.ХХIV. – № 17906. – С.525–569.
26. ПСЗРИ-1. – Т.ХХIV. – № 17906. – С.561–563.
27. РГИА. Ф.515. Оп.5. Д.7. Л.1 об.–321; Ф.515. Оп.10. Д.658. Л.2; Ф.515. Оп.5. Д.839. Л.56–60; Ф.515. Оп.7. Д.10. Л.2–27; ГААО. Ф.1. Оп.3. Д.277. Л.1 об.–14; Ф.18. Оп.1. Д.31. Л.1 об.–21.
28. *Котов П.П.* Тягловые земли удельных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – № 2 (22). – 2012. – С.45–53.
29. *Котов П.П.* Арендные и покупные земли в удельной деревне Европейского Севера России // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2018. – Февраль. – № 2 (171). – С.49–53.
30. *Котов П.П.* Натуральные повинности удельных крестьян Европейского Севера России // Исторические, философские, политические



и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5 (11): в 4 ч. – Ч.1. – С.108–112.

31. *Котов П.П.* Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории Северного крестьянства (XVII–XIX вв.). – Сыктывкар, 1985. – С.74–86.

32. *Попов С.А.* Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX – начало XX века). – Сыктывкар, 2016.

33. *Котов П.П.* Неземледельческие занятия удельных крестьян Европейского Севера России // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2012. – № 4/1 (76). – С.135–139.

34. *Котов П.П.* Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. – 2012. – Вып. 3. – С.149–155.

35. ПСЗРИ-1. – Т.ХХIV. – № 17906. – С.525–569.

36. *Котов П.П.* Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2013. – № 1 (144). – Вып. 25. – С.90–96.

37. *Котов П.П.* Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 2 (28): в 2 ч. – Ч.1. – С.91–95.

38. ПСЗРИ-1. – Т.ХХХ. – № 23020. – С.226–258.

39. ПСЗРИ-2. – Т.ХХХIII. – Отд.2. – № 33861. – С.451–452; РГИА. Ф.515. Оп.10. Д.587.

40. *Котов П.П.* Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2019. – № 3 (39). – С.65–71. – DOI 10.19110/1994-5655-2019-3-65-71.

41. ПСЗРИ-1. – Т.ХХХ. – № 23020. – С.226–258.

42. РГИА. Ф.515. Оп.10. Д.578. Л.5–6 об.

43. ПСЗРИ-2. – Т.ХХХIII. – Отд.2. – № 33861. – С.451–452.

44. ГАВО. Ф.18. Оп.1. Д.504. Л.32 об.–34 об.; РГИА. Ф.515. Оп.7. Д.2395. Л.1 об.–15 об.; Ф.515. Оп.10. Д.773. Л.1 об.–258; Ф.515. Оп.16. Д.832. Л.53 об.–54.

45. ПСЗРИ-1. – Т.ХХХ. – № 23020. – С.239–240.

46. ПСЗРИ-1. – Т.ХХХ. – № 23020. – С.240–241.



47. *Котов П.П.* Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828–1861 гг.) // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период): межвузовский сб. науч. трудов. – Вологда, 1986. – С.86–95; *Котов П.П.* Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2018. – Т.28. – Вып. 1. – С.13–22.





**И.И. Лейман,**

*канд. ист. наук, ст. научный сотрудник  
лаборатории археографии и публикации  
документов по истории освоения  
Европейского Севера России  
Института языка, литературы  
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

## **К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Военно-статистическое обозрение Российской империи, несмотря на то, что предназначалось, прежде всего, для нужд Военного министерства, является весьма интересным источником для изучения разных сторон повседневной жизни населения в середине XIX в.: занятия, торговля, пути сообщения и т.п. При этом в литературе, за исключением ряда публикаций, практически нет информации об этом уникальном и богатом материалами историческом источнике [1].

Создание информационных и организационных условий для появления Военно-статистического обозрения во многом связано с деятельностью Фёдора Фёдоровича Шуберта (1789–1865) – сына известного учёного, астронома, академика, действительного статского советника Фёдора Ивановича Шуберта [2]. Практический опыт проведения топографических работ Ф.Ф. Шуберт получил ещё в юности: уже в 14 лет он имел «солидные познания, особенно в астрономии и геодезии, а частые командировки на съёмки окончательно сблизили его с военно-топографическими работами» [3]. Астрономические наблюдения юного Ф.Ф. Шуберта в 1803–1804 гг. «в местностях, вовсе не известных до того времени» – на берегах восточном и южном Белого моря, Ладожского и Онежского озёр «явились новыми приобретениями для географии России» [4]. В 1805 г. Ф.Ф. Шуберт вместе с отцом сопровождал посольство Ю.А. Головкина в Китай («находился в составе астрономической экспедиции») и производил магнитные наблюдения по маршруту от Петербурга до Иркутска («вёл астрономический дневник»). В 1806 г. он принимал участие в астрономических работах в Нарве и Ревеле [5].



Последовавшие затем войны «временно отвлекли его от чисто научной деятельности»: с 1806 до 1819 г. Ф.Ф. Шуберт был занят «чисто военной службою, к которой тогдашние военные обстоятельства призывали всякого, носившего военный мундир» [6].

В последующие годы Ф.Ф. Шуберт возвратился к топографической деятельности. В 1819 г. он был назначен начальником 3-го отделения Военно-топографического депо и «непременным членом военно-учёного комитета по квартирмейстерской части»; в 1820 г. – начальником тригонометрической и топографической съёмок Петербургской губернии, в 1822 г. – директором Корпуса военных топографов, положение о котором он разрабатывал лично по поручению князя П.М. Волконского [7]. С деятельностью Ф.Ф. Шуберта связывают значительные улучшения в работе Военно-топографического депо, управляющим которым он стал в 1825 году. В частности, с 1825 по 1830 г. была осуществлена масштабная деятельность по приведению в порядок каталогов карт и инструментов по «новой и удобной системе». В 1826–1827 гг. Ф.Ф. Шуберт составил «Руководство к исчислению тригонометрической съёмки для работ Военно-Топографического Депо», предназначенное для офицеров Корпуса военных топографов [8]. Эта книга «привела в одну систему и многообразие все производившиеся до того времени геодезические работы». В декабре 1827 г. Ф.Ф. Шуберт был назначен директором главного гидрографического депо главного морского штаба Его Императорского Величества [9].

Занимая руководящие должности, Ф.Ф. Шуберт не оставлял и практическую деятельность в области геодезии: в 1831–1833 гг. им были произведены тригонометрические съёмки Псковской и Виленской губерний, топографическая съёмка Псковской губернии, тригонометрическая съёмка берегов Балтийского моря [10].

В 1834 г. Ф.Ф. Шуберт был назначен исправляющим должность генерал-квартирмейстера Генерального штаба Его Императорского Величества. Непосредственному назначению препятствовало то, что «имелся старший его кандидат генерал-адъютант Берг». Кроме того, это могло «повлечь оставление многих занимаемых им должностей, при которых он был почти незаменим» [11]. Вскоре Ф.Ф. Шуберт стал также «непременным членом военной академии и учёного комитета морского министерства» [12].

Ф.Ф. Шуберт был в большей степени учёным, нежели чиновником: «всецело поглощённый своими топографическими и гидрографическими работами», он «довольно равнодушно относился к делам Генерального штаба» [13]. Кроме того, «в управлении делами Генерального штаба он не имел ни авторитетности, ни известности своего предшественника» [14]. Тем не менее именно при Ф.Ф. Шуберте структура Генерального штаба,



его место в Военном министерстве, а также круг задач (включая в значительной степени и топографические работы) были окончательно определены и законодательно закреплены Высочайшим указом правительствующему Сенату «Об учреждении Военного министерства» от 29.03.1836 [15].

Согласно тексту указа, департамент Генерального штаба заключал «в кругу своих действий всё относящееся к общему расположению, квартированию, передвижению и действию военно-сухопутных сил Империи» [16]. Он состоял из пяти отделений: по размещению и движению войск; военно-учёного; счётного; канцелярии; архива. К топографии в большей степени имела отношение деятельность первого и второго отделений; материалы архива впоследствии активно использовались офицерами Генерального штаба при составлении военно-статистических обозрений (об этом речь пойдёт ниже). В круг задач первого отделения (по размещению и движению войск), в частности, входили «расположение и движение войск вообще, перемены в расквартировании и переписка по устройству постоянных помещений для Штабов»; «собрание подробных сведений о местных удобствах разных частей Государства, для расквартирования различного рода войск, и содержание таковых сведений в том порядке, чтобы оныя могли во всяком случае служить с удобностию для составления дислокаций» [17]. «Предметами» второго (военно-учёного) отделения были: «собрание и рассмотрение военно-исторических и статистических сведений о России и иностранных государствах»; «военные обозрения и рекогносцировки»; «собрание военно-топографических известий»; «содержание в порядке маршрутных сведений, усовершенствование оных и составление и рассылка маршрутов, по принадлежности» [18]. Также в управлении Генерального штаба находилось Военно-топографическое депо [19].

В целом размещение и движение войск в указе «Об учреждении Военного министерства» отнесено «к числу высших обязанностей» министерства в целом и Генерального штаба в частности (круг задач по «государственным съемкам и геодезическим работам» в рамках данного направления деятельности должен был осуществляться через Военно-топографическое депо). При этом к «предметам особенной попечительности» Военного министерства отнесены, в том числе, «часть военно-учёная» и «часть топографическая» [20]. По части военно-учёной Военное министерство «для вящей твёрдости и основательности действий» было обязано «содержать подробные сведения о направлении и удобствах сухопутных и водяных сообщений, как внутри Российской империи, так и вне оной», а также «рассматривать все предложения об учреждении вновь таковых сообщений, соображая направления оных, в отношении к видам военным» [21].



Выделение «части топографической» как отдельного и важного направления деятельности Военного министерства было обусловлено необходимостью «иметь всегда полное собрание всех карт и планов как России, так и иностранных Государств», которые должны были служить «главным основанием действий Военного Министерства, по размещению и движению войск, и по всем вообще предметам части Генерального Штаба». Для составления точных и подробных карт Российской империи Военное министерство обязано было проводить «по мере надобности и возможности» военные обозрения, съёмки и рекогносцировки. Эти обязанности возлагались на офицеров Генерального штаба «при содействии Корпуса Топографов». Отдельно указывалось, что Корпус топографов должен был иметь «всегда полное, по штатам и положениям, число чинов и чтобы сии последние имели все познания, необходимые для исправного выполнения их обязанностей». Также в законе был прописан порядок проведения военных обозрений, съёмок и рекогносцировок: «1) Определить местность, где оне должны быть произведены. 2) Исчислять потребные на производство их суммы, на точном основании существующих по сему предмету правил и постановлений. 3) Снабдить чинов, для съёмок и рекогносцировок назначенных, всеми нужными сведениями и материалами. 4) Наблюдать вообще за производством работ и в особенности за точностию и правильностию оных. 5) Установить постоянную отчётность по производству съёмок и рекогносцировок, и по употреблению назначенных на оныя сумм и наблюдать, чтобы она была всегда в полном действии» [22].

Стоявший перед Военным министерством в целом и Генеральным штабом в частности столь широкий круг задач в сфере топографии требовал наличия достаточного объёма актуальной военно-статистической информации, что и предопределило издание соответствующего указа. Уже в конце 1836 г. по представлению Ф.Ф. Шуберта и на основании доклада военного министра генерал-адъютанта графа (впоследствии – князя) А.И. Чернышева императором Николаем Павловичем «высочайше повелено было: Генеральному Штабу составлять и через каждые три года поверять и исправлять Военно-статистические обозрения губерний и областей Российской Империи, для употребления собственно Военного Министерства, главных военных управлений и Генерального Штаба» [23]. Интересно, что ссылка на этот указ есть в ряде источников, однако в соответствующем томе Полного Собрания Законов Российской империи текст данного закона не приводится [24]. В изданном уже в 1857 г. указе отмечено, что «на основании Высочайшего повеления, последовавшего 5 декабря 1836 г. при Департаменте Генерального штаба были отлитографированы и потом отпечатаны для потребностей собственно Военного мини-



стерства, Главных военных управлений и в особенности Генерального штаба, три последовательные издания военно-статистических обозрений губерний и областей Российской Империи, составленных офицерами Генерального штаба» [25].

В феврале 1837 г. был издан ещё один указ, имевший значение для последующего составления обозрений, – «О доставлении в Военно-топографическое депо безденежно разных сочинений и вообще всех изданий, до военного искусства относящихся» [26]. Согласно тексту указа в Военно-топографическое депо необходимо было предоставлять «по два экземпляра издаваемых в пределах Империи, не распространяя сию меру на Царство Польское, карт, планов, статистических таблиц, описаний и других сего рода сведений» [27]. Было отмечено, что цели архива Военно-топографического депо и библиотеки Генерального штаба предопределяют необходимость наличия в них «сочинений по части Топографии, Статистики, Географии, Путешествий, Военной Истории и вообще всех изданий, до какой-либо части военного искусства относящихся» [28]. Цензурные комитеты и цензоры теперь должны были отмечать на поступающих к ним рукописях, «следует ли таковые по издании выслать... в Военно-топографическое депо» [29]. Ранее, в 1835 г., был издан указ «О доставлении в Военно-топографическое депо безденежно со всех издаваемых карт, статистических таблиц и описаний, по два экземпляра» [30]. В указе, в частности, подчёркивалось, что Военно-топографическое депо «есть место общего Архива географических, статистических и военных сведений» [31]. Таким образом, в Военно-топографическом депо начала создаваться база разного рода статистических и географических сведений о Российской империи, впоследствии востребованная офицерами Генерального штаба при составлении Военно-статистических обозрений Российской империи.

Параллельно с этими процессами с 1830-х и до начала 1850-х гг. происходит усиление Корпуса топографов (только в 1852 г. выходит указ «О сокращении штатов некоторых управлений и частей Военного Министерства», в том числе Военно-топографического депо) [32]. Важно отметить, что за качеством подготовки топографов «строго и зорко» следил Ф.Ф. Шуберт. В первое время существования Корпуса топографов производимые здесь работы «отличались большой правильностью и изяществом, так что служили образцами не только для других частей военного ведомства, но и для тех гражданских учреждений, в которых производились съёмочные и чертёжные работы». Однако уже к концу 1830-х гг. «замечается ослабление черчения между офицерами корпуса», что вызвало в 1838 г. «резкий приказ» Ф.Ф. Шуберта, согласно которому все офицеры «от прапорщика до поручика включительно» должны были «чертить



в свободное от занятий время» и ежегодно в конце декабря представлять планы в департамент Генерального штаба. Это позволило выправить ситуацию, однако после того, как в 1843 г. Ф.Ф. Шуберт был освобождён от своей должности в Генеральном штабе, качество подготовки топографов значительно ухудшилось [33].

Отставка Ф.Ф. Шуберта формально была связана с тем, что «вследствие неисправности срочных донесений несвоевременно подано Государю ежемесячное расписание сухопутных войск, не сделано представление к наградам офицерам Генерального штаба». 31 октября 1843 г. Ф.Ф. Шуберт был назначен членом военного совета [34]. И тем не менее именно при Ф.Ф. Шуберте были созданы правовые, организационные условия, а также подготовлены человеческие ресурсы для масштабной работы по сбору сведений и последующего издания Военно-статистического обозрения Российской империи.

Для составления изданных уже в конце 1840-х – начале 1850-х гг. 70 частей 17 томов Военно-статистического обозрения Российской империи, согласно выходным данным изданий было привлечено 59 офицеров Генерального штаба. Большинство офицеров отвечали за составление какой-либо одной части того или иного тома обозрения, однако были и те, кто работал над несколькими его частями. К примеру, подполковник Константин Степанович Безносиков, прикомандированный к Генеральному штабу, состоявший для особых поручений при командире Отдельного Оренбургского корпуса, занимался составлением Военно-статистического обозрения Астраханской, Самарской и Саратовской губерний [35]. Важно отметить, что во всех соответствующих частях обозрений есть предисловия, в которых в общих чертах описана проделанная офицером работа: использованные источники информации, методика сбора материалов и т.п. В целом в составлении Военно-статистического обозрения Российской империи принимали участие офицеры, имевшие звания начиная от поручика и заканчивая генерал-майором.

Лишь в нескольких частях обозрений (в большей степени это относится к тому пятому «Низовые Приволжские губернии» и к тому четырнадцатому «Оренбургский край») в предисловии есть информация о том, каким образом офицерами Генерального штаба производился сбор сведений [36]. Судя по данным текстам, в разных губерниях методика была схожей. Основными источниками информации для военно-статистических обозрений были: сведения, полученные от губернских и уездных властей; сведения, собранные непосредственно на местах офицерами Генерального штаба; материалы из архива Генерального штаба.



Относительно первого варианта – сведений губернских и уездных властей – можно привести следующие примеры. Так, «главнейшие данные при составлении Военно-статистического обозрения Казанской губернии заключались в первоначальных сведениях, доставленных в январе 1849 г. по распоряжению г. начальника Казанской губернии, от городничих и земских исправников» [37]. Кроме того, были запрошены «дополнительные сведения по управлениям государственных имуществ, удельного имения и других гражданских и военных начальств», отчёты Казанского учебного округа по городу Казани [38]. В Саратовской губернии при составлении обозрения опирались на «местные данные, т.е. официальные сведения губернских присутственных мест, земских и городских полиций» [39]. При описании земель киргиз-кайсаков (Оренбургский край) исторические сведения были «заимствованы частью из канцелярии г. Оренбургского военного губернатора», современная статистическая информация была собрана «из официальных документов, полученных по этим предметам из разных управлений края» [40].

В Астраханской губернии были использованы годовые отчёты военного губернатора; дела канцелярии военного губернатора, губернской чертёжной, гражданского губернатора, Саратовской казённой палаты и местной городской и земской полиций; сведения губернского землемера; журналы Департамента горных и соляных дел, Министерства народного просвещения и Министерства государственных имуществ; официальные сведения от офицеров Корпуса инженеров путей сообщения [41].

Для военного-статистического обозрения Самарской губернии также были использованы «сведения, полученные от местного начальства». При этом, однако, было отмечено, что были встречены «затруднения в получении официальных сведений», причиной чему была «новизна состава всех частей губернии, недавнее открытие губернских присутственных мест, в которых ещё не могло быть собрано статистических материалов» [42].

Большая работа по сбору материалов была проделана и непосредственно офицерами Генерального штаба. Так, штабс-капитаном Ромишевским в 1849 г. в течение 4 месяцев пребывания в Казанской губернии были «исследованы личным образом и распросами на самом месте предметы, заслуживающие внимание в военном, промышленном и других отношениях» [43]. Кроме того, он «имел случай пользоваться книгами, относящимися к предмету возложенного на него поручения», однако отмечал, что «подобных материалов в университетской библиотеке и вообще по губернии находится весьма не много и те большей частью известны всем посредством изданных в различные годы сочинений» [44]. Также штабс-капитан Ромишевский ознакомился с журналами «Учёные Записки, изда-



ваемые императорским Казанским университетом), «Казанский Вестник» и «Заволжский муравей». Он отметил, что в своё время «в городе Казани, в монастырях и архивах находилось много источников для древней Казанской истории», однако они «в разные годы сделались жертвами пожаров» [45].

Подполковник К.С. Безносиков для военно-статистического обозрения Самарской губернии использовал «обзор, сделанный на месте», «устные рассказы опытных и сведущих жителей края» и ряд печатных изданий (например, изданную в 1762 г. «Топографию Оренбургской губернии» П.И. Рычкова, «Путешествия профессора Палласа...» П.-С. Палласа, «Географический словарь Российскаго государства» А. Щекатова и др.) [46].

Собирая сведения для обозрения Саратовской губернии, он обращался к губернским ведомостям, а также к «Историческому очерку Саратовского края» А.Ф. Леопольдова [47].

При работе над военно-статистическим обозрением Астраханской губернии К.С. Безносиковым были сделаны многочисленные «собственные наблюдения» и «личные обзоры» (например, «осмотрены во время объездов предпочтительно Эргенские возвышенности» и северо-западные берега Каспийского моря). Им же записаны устные рассказы калмыцких старшин; собраны сведения, данные наказным атаманом Астраханского казачьего войска, и «от разных следующих лиц в Москве, Царицыне и Астрахани». Кроме того, как отмечает К.С. Безносиков, о торговле и промышленности губернии «много сообщено» было в Москве и на Нижегородской ярмарке, «лицами, ведущими коммерческие дела с Астраханью». Также он обращался к материалам губернских ведомостей, различным словарям (например, «Энциклопедическому лексикону Плюшара») и изданиям таких авторов, как И. Гмелин, П.-С. Паллас и др. [48].

Работавший над составлением военно-статистического обозрения земель киргиз-кайсаков полковник И.Ф. Бларамберг использовал сведения, собранные им лично «во время ежегодных его поездок в Киргизскую степь с отрядами с 1841 по 1847 г.», а также материалы членов экспедиции, которую он сопровождал вместе с отрядом до р. Сырдарьи в 1841 г. (записка Н.В. Ханькова о населении Киргизских степей, занимаемых внутреннею и малою ордами; замечания доктора А. Ягмана относительно болезней, господствующих преимущественно между киргиз-кайсаками). Кроме того, часть информации была взята из книги Э. Эверсмана «Естественная история Оренбургского края», изданной в 1840 г. [49].

Наконец, определённый массив сведений, использованный при составлении обозрений, был взят из архива Генерального штаба, что, в частности, отмечено во введениях к Военно-статистическим обозрениям Са-





марской губернии, Астраханской губернии, земель киргиз-кайсаков [50]. Например, «верные и подробные съёмки» Киргизской степи, проводившиеся в 1840-х гг. офицерами Генерального штаба, «доставили ясные в топографическом отношении сведения о значительной части Зауральских степей», а путевые журналы «во время следования военных отрядов в степи достаточно познакомили... с частями ещё не снятыми». В итоге «все это снабдило архив Генерального Штаба отдельного Оренбургского корпуса многочисленными сведениями для составления подробного описания Киргиз-кайсацкой степи, Оренбургского ведомства» [51].

Важно отметить, что офицеры Генерального штаба с вниманием относились ко всем поступавшим сведениям и по возможности старались их перепроверять. Так, штабс-капитан Ромишевский, работавший над военно-статистическим обозрением Казанской губернии, отмечал следующее: «В статистических таблицах и ведомостях, приложенных к описанию, не редко встречаются значительные разности в счетах по одному и тому же предмету. Для единогласия в этом отношении оставалось одно средство: доставленные сведения препроводить обратно для взаимного сличения, на что потребовалось бы снова много времени; а для сравнения чисел при составлении самого описания не имеется оснований, по которым можно сделать подобные изменения в официальных отчётах местных начальств. Упомянутые разницы оказываются преимущественно в ведомостях о народонаселении и пространстве поземельных угодьев, потому что для первого предмета не всеми с одинаковой точностью собираются сведения, которые ежегодно в общей сложности изменяются; для верного же отчёта о количестве земли не достаёт положительных источников, и начальники уездов по различным ведомствам, не имея точных планов или сведений, необходимых для сего предмета, руководствуются сведениями, собираемыми подчинёнными лицами и собственным соображением» [52].

Подполковник К.С. Безносиков, собиравший информацию об Астраханской губернии, замечал, что материалы, представленные местной городской и земской полицией, «по неверности их, приняты немногие» [53].

В обозрении Оренбургской губернии относительно сведений, представленных Оренбургским гражданским губернатором и «частными начальниками края», отмечена «большая разность» в «числах народонаселения». Это объяснялось трудностью «собрании точных сведений о числе разноплеменных народов в таком обширном крае как Оренбургский» [54].

Таким образом, в течение 17 лет, с 1837 по 1854 г., штаб- и обер-офицерами Генерального штаба были составлены, затем при Департаменте Генерального штаба литографированы и напечатаны 3 издания Военно-статистических обозрений 69 губерний и областей империи (оставшиеся



6 губерний и 7 областей Кавказских и Сибирских в этот период были оставлены в виде рукописей). Печатные издания предназначались исключительно для нужд Военного министерства, главных военных управлений и Генерального штаба; широкой общественности тексты были недоступны [55].

Каждые 3 года Военно-статистические обозрения должны были проверяться, исправляться и дополняться, однако эти планы не были приведены в исполнение по причине Крымской войны 1853–1856 гг. и последовавших передвижений войск. С окончанием войны «Господин Военный Министр, Генерал-Адъютант Сухозанет 2-й, по представлению Господина Генерал-Квартирмейстера Главного Штаба Его Императорского Величества, Генерал-Адъютанта Барона Ливена» признал, что «Военно-статистические обозрения губерний и областей Империи, составляемые офицерами Генерального Штаба, заключают в себе много занимательного и любопытного для каждого русского и, сверх того, могут послужить полезным материалом для общей статистики всей Российской Империи» [56]. Пятого июля 1857 г. был издан приказ военного министра «О составлении офицерами Генерального штаба и издании при Департаменте Генерального штаба статистических и военно-статистических описаний семидесяти трёх губерний и областей Империи, Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Кавказского края, Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири, в которых расположены войска гвардии, гренадёров и армии» [57]. Указ предписывал офицерам Генерального штаба приступить к составлению статистических и военно-статистических описаний губерний и областей Российской империи для нового, четвёртого их издания при Департаменте Генерального штаба. Офицеров, на которых возлагались «означенные работы», требовалось снабдить «надлежащими... правилами для руководства и потребными для производства работ материалами». Особо подчёркивалась, что «все начальствующие места и лица Военного ведомства» должны предоставлять «этим офицерам, по требованию их, все необходимые им сведения» и оказывать «всевозможное пособие в успешнейшем исполнении Высочайше возложенных на них работ» [58]. В связи с этим во второй половине 1857 г. Генеральным штабом были начаты статистические работы в 41 губернии и двух областях. Однако в итоге лишь одна книга – пятая часть шестнадцатого тома «Кутаисское генерал-губернаторство» – была издана в 1858 г. [59].

Таким образом, материалы для Военно-статистического обозрения Российской империи начали собирать в 1840-х гг., а с 1848 по 1858 г. типографией Департамента Генерального штаба в Санкт-Петербурге в общем итоге было издано 17 томов обозрения. Каждый том содержал обзор



крупных территориальных образований Российской империи: Великого княжества Финляндии, Царства Польского, Кавказского края, Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири, губерний северо-восточных, северо-западных, юго-западных, Новороссийских, Малороссийских, Великоросийских, Белорусских и др. [60]. Всего к изданию планировалось 18 томов, однако последний так и не был напечатан. Восемнадцатый том должен был быть посвящён Восточной Сибири и по плану включал 5 частей (Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская область, Якутская область, Приморская область). Также не были изданы вторая, третья и четвёртая части шестнадцатого тома (Тифлисская губерния, Шемахинская губерния, Дербентская губерния) и четвёртая часть семнадцатого тома (Семипалатинская область).

Военно-статистическое обозрение Российской империи – это результат большого и кропотливого труда многих людей, прежде всего – офицеров Генерального штаба. Условия для создания обозрения во многом сложились благодаря деятельности учёного, офицера Ф.Ф. Шуберта, руководившего Генеральным штабом с 1834 по 1843 год. После оставления им должности в 1843 г. сбор информации и последующее издание военно-статистических обозрений на базе уже собранных материалов были продолжены, однако в дальнейшем в подобном масштабе эта деятельность уже не возобновлялась.

\* \* \*

1. *Лейман И.И.* Военно-статистическое обозрение Российской империи как источник изучения состояния путей сообщения и торговли на Европейском Севере России в середине XIX в. // Историческая демография. – 2018. – № 2 (22). – С.71–76.

2. *Навроцкий Н.Н.* О жизни и сочинениях г. академика, действительного статского советника и кавалера Федора Ивановича Шуберта // Сочинения Н. Навроцкого, Императорской Академии наук члена-корреспондента и действительного члена разных учёных обществ. – СПб., 1827.

3. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902. – СПб., 1907. – Т.3, отд.4. – С.203.

4. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.203.

5. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.204; Истори-



ческий очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872. – СПб.: [б. и.], 1872. – С.103.

6. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.204; Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872... – С.103.

7. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.205–206; Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872... – С.84, 102–105.

8. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.206; Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1802–1902... – С.103–104.

9. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.209.

10. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.206; Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1802–1902... – С.5, 104.

11. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.207; Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1802–1902... – С.105.

12. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.207.

13. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.207.

14. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872. – СПб.: [б. и.], 1872. – С.184.

15. Высочайше утверждённое Учреждение военного Министерства. № 9038. 29 марта 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Том XI. Отделение 1. 1836 г. – СПб., 1837.

16. Высочайше утверждённое Учреждение военного Министерства. № 9038. 29 марта 1836 г. ... – С.250.

17. Высочайше утверждённое Учреждение военного Министерства. № 9038. 29 марта 1836 г. ... – С.251.

18. Высочайше утверждённое Учреждение военного Министерства. № 9038. 29 марта 1836 г. ... – С.251.



19. Высочайше утверждённое Учреждение военного Министерства. № 9038. 29 марта 1836 г. ... – С.250.
20. Высочайше утверждённое Учреждение военного Министерства. № 9038. 29 марта 1836 г. ... – С.306.
21. Высочайше утверждённое Учреждение военного Министерства. № 9038. 29 марта 1836 г. ... – С.307.
22. Высочайше утверждённое Учреждение военного Министерства. № 9038. 29 марта 1836 г. ... – С.306–307.
23. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16: Кавказский край. Ч.5: Кутаисское генерал-губернаторство. – СПб., 1858. – С.1.
24. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16: Кавказский край. Ч.5: Кутаисское генерал-губернаторство... – С.1; О составлении офицерами Генерального штаба и издание при Департаменте Генерального штаба статистических и военно-статистических описаний семидесяти трёх губерний и областей Империи, Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Кавказского края, Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири, в которых расположены войска гвардии, гренадёров и армии. № 32041. 5 июля 1857 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т.XXXII. Отделение 1. 1857 г. – СПб., 1858. – С.583.
25. О составлении офицерами Генерального штаба и издание при Департаменте Генерального штаба статистических и военно-статистических описаний семидесяти трёх губерний и областей Империи, Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Кавказского края, Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири, в которых расположены войска гвардии, гренадёров и армии. № 32041. 5 июля 1857 г. ... – С.583.
26. О доставлении в Военно-топографическое депо безденежно разных сочинений и вообще всех изданий, до военного искусства относящихся. № 9974. 28 февраля 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т.ХII. Отделение 1. 1837 г. – СПб., 1838. – С.120.
27. О доставлении в Военно-топографическое депо безденежно разных сочинений и вообще всех изданий, до военного искусства относящихся. № 9974. 28 февраля 1837 г. ... – С.120.
28. О доставлении в Военно-топографическое депо безденежно разных сочинений и вообще всех изданий, до военного искусства относящихся. № 9974. 28 февраля 1837 г. ... – С.121.
29. О доставлении в Военно-топографическое депо безденежно разных сочинений и вообще всех изданий, до военного искусства относящихся. № 9974. 28 февраля 1837 г. ... – С.121.



30. О доставлении в Военно-топографическое депо безденежно со всех издаваемых карт, статистических таблиц и описаний, по два экземпляра. № 8526. 2 ноября 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т.X. Отделение 1. 1835 г. – СПб., 1836.

31. О доставлении в Военно-топографическое депо безденежно со всех издаваемых карт, статистических таблиц и описаний, по два экземпляра. № 8526. 2 ноября 1835 г. ... – С.1061.

32. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872... – С.206–209; О сокращении штатов некоторых управлений и частей Военного Министерства. № 25893. 10 января 1852 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т.XVII. Отделение 1. 1852 г. – СПб., 1853. – С.10.

33. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872... – С.207–208.

34. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки // Столетие Военного Министерства. 1802–1902... – С.207.

35. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.3: Самарская губерния. – СПб., 1853; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.4: Саратовская губерния. – СПб., 1852; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.5: Астраханская губерния. – СПб., 1852.

36. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.3: Самарская губерния... – С.1–2; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.4: Саратовская губерния... – С.1–4; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.5: Астраханская губерния... – С.1–2; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.1: Казанская губерния. – СПб., 1850. – С.1–4; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14: Оренбургский край. Ч.2: Оренбургская губерния. – СПб., 1848. – С.1–2; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14: Оренбургский край. Ч.3: Земли Киргиз-Кайсаков Оренбургского ведомства. – СПб., 1848. – С.3.

37. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.1: Казанская губерния... – С.1.

38. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.1: Казанская губерния... – С.1, 3.

39. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.4: Саратовская губерния... – С.4.



40. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14: Оренбургский край. Ч.3: Земли Киргиз-Кайсаков Оренбургского ведомства... – С.3.
41. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.5: Астраханская губерния... – С.1–2.
42. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.3: Самарская губерния... – С.2.
43. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.1: Казанская губерния... – С.1.
44. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.1: Казанская губерния... – С.2.
45. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.1: Казанская губерния... – С.3–4.
46. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.1: Казанская губерния... – С.2.
47. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.4: Саратовская губерния... – С.4.
48. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.5: Астраханская губерния... – С.1–2.
49. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14: Оренбургский край. Ч.3: Земли Киргиз-Кайсаков Оренбургского ведомства... – С.2–3.
50. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.3: Самарская губерния... – С.2; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.5: Астраханская губерния... – С.2; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14: Оренбургский край. Ч.3: Земли Киргиз-Кайсаков Оренбургского ведомства... – С.2.
51. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14: Оренбургский край. Ч.3: Земли Киргиз-Кайсаков Оренбургского ведомства... – С.2.
52. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.1: Казанская губерния... – С.1–2.
53. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5: Низовые Приволжские губернии. Ч.5: Астраханская губерния... – С.2.
54. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14: Оренбургский край. Ч.2: Оренбургская губерния... – С.2.
55. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16: Кавказский край. Ч.5: Кутаисское генерал-губернаторство... – С.2.



56. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16: Кавказский край. Ч.5: Кутаисское генерал-губернаторство... – С.2–3.

57. О составлении офицерами Генерального штаба и издание при Департаменте Генерального штаба статистических и военно-статистических описаний семидесяти трёх губерний и областей Империи, Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Кавказского края, Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири, в которых расположены войска гвардии, гренадёров и армии. № 32041. 5 июля 1857 г. ... – С.583.

58. О составлении офицерами Генерального штаба и издание при Департаменте Генерального штаба статистических и военно-статистических описаний семидесяти трёх губерний и областей Империи, Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Кавказского края, Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири, в которых расположены войска гвардии, гренадёров и армии. № 32041. 5 июля 1857 г. ... – С.583.

59. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16: Кавказский край. Ч.5: Кутаисское генерал-губернаторство...

60. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16: Кавказский край. Ч.5: Кутаисское генерал-губернаторство... – С.2, 6.





**П.П. Котов,**

*канд. ист. наук, доцент,  
зав. сектором отечественной  
истории Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**А.В. Евсеев,**

*аспирант сектора отечественной  
истории Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗАПАШКИ  
УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН РОССИИ  
В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

На протяжении большей части истории России крестьяне составляли основу её населения и вплоть до начала XX в. играли определяющую роль в развитии всех сторон жизнедеятельности державы. Из трёх основных категорий крестьян России, сложившихся с течением времени, наибольшее внимание в исторической науке уделено помещичьим и государственным поселянам. В меньшей степени в орбиту внимания учёных входили удельные крестьяне (данная категория населения была образована Указом Павла I от 05.04.1797) [1], призванные обеспечивать существование императорской семьи. До 1863 г. удельные крестьяне составляли около 4% сельских жителей России, в некоторых регионах эти цифры доходили до 15–20%, в других – отсутствовали [2], на Европейском Севере страны они составляли около 10% [3].

Подчеркнём факт «неравномерного» исследования различных аспектов жизни удельных поселян, как в тематическом, так и в региональном отношении. Даже в историографических обзорах степень изученности ряда проблем истории удельной деревни почти (или даже вовсе) не обозначена. Одной из таких проблем является история общественной запашки, о которой в достаточной степени не имеют представления не только граждане нашей страны, далёкие от исторической науки.

При создании уделов в 1797 г. был учтён опыт неудачных попыток создания в России хлебных запасов на случай неурожая. В этой связи



удельное ведомство впервые в русской деревне вводило системное формирование резервов продовольствия (зерна, муки и круп) на случай недородов [4]. Опыт удельной деревни сразу был подхвачен и распространён на все группы сельских и городских жителей империи. С течением времени изменялись виды запасного продовольствия, их объёмы в расчёте на человека, нормы ежегодных душевых сборов и другое, но сам принцип оставался неизменным. Для хранения создаваемых резервов строились сельские запасные хлебные магазины [5]. Постепенно выяснилось, что как своевременного, так и нормативного наполнения зерном этих магазинов не происходило. Поэтому в 1828–1829 гг. в удельной деревне России была введена общественная запашка, просуществовавшая до 1861 г. [6]. Под неё была отделена часть тягловой пашни [7]. На выделенных участках пашни весь цикл сельскохозяйственных работ обязали производить удельных труженников [8].

В некоторых историографических обзорах уровень исследования истории общественной запашки удельных крестьян России вообще не оценивается [9], в других – лишь упоминается факт существования такого явления, которое не выделяется в особую проблему [10]. Правда, в отдельных трудах акцентируется внимание на необходимости специального изучения общественной запашки в удельной деревне, но отсутствует развёрнутая оценка степени изученности проблемы в целом по России [11].

Первоначально отрывистые и неупорядоченные данные об удельной деревне отражались в известных «военно-статистических», «экономико-исторических» и других подобных описаниях. Во второй половине XIX – начале XX в. в силу выявленных причин [12] в центре интересов И.И. Вильсона [13], И.М. Красноперова [14], А.И. Васильчикова [15], Л.В. Ходского [16], П.А. Голубева [17] и других исследователей оказалось изучение вопросов отмены крепостного права удельных крестьян. В этих и других досоветских трудах, отражавших некоторые иные аспекты жизни удельных поселян [18], почти не упоминается такое явление, как общественная запашка. Исключением служит «История уделов», задуманная к столетнему юбилею ведомства, но изданная лишь в начале XX столетия [19]. В ней отображается причина введения общественной запашки и утверждается, что в результате в удельной деревне были предотвращены случаи голода при неурожаях. Общественная запашка в «Истории уделов» оценивается как сугубо положительное явление и как результат «отеческой заботы» в рамках политики попечительства удельного ведомства.

В 1920–1940-х гг. в немногочисленных работах по удельной деревне в целом по России и по отдельным её регионам затрагивается главным образом история реформы 26 июня 1863 г., тогда как тема общественной



запашки выпадает из поля зрения [20]. Вполне понятно, что это явление даже не было упомянуто в первых изданиях Большой [21] и Малой советской энциклопедии [22].

С середины 1950-х гг. в нашей стране активизируется изучение проблем отмены крепостного права, в том числе и в удельной деревне. Г.И. Богатикова провела подобное исследование в целом по России [23]. Вслед за ней в 1960–1980-х гг. отмену крепостного права по реформе 26 июня 1863 г. в целом по стране оценили П.А. Зайончковский [24] и Н.М. Дружинин [25], по Среднему Поволжью её проанализировал Ю.М. Смыков [26], по Нижегородской губернии – А.В. Седов [27]. Было издано и значительное количество трудов о ликвидации крепостного права на территориях проживания ряда финно-угорских народов Поволжья и башкир. Этот вопрос по Мордовии рассмотрен Л.С. Рябинским [28], по Чувашии – И.Д. Кузнецовым [29], по Башкирии – Б.С. Давлетбаевым [30]. Во всех указанных трудах историки лишь упоминали об отмене общественной запашки в 1861 г. как предтече урезания крестьянских наделов в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года.

Отдавая своеобразную дань истории этого вопроса, Н.П. Гриценко также публикует статью об отмене крепостничества в уделах Среднего Поволжья [31]. С другой стороны, в сфере его внимания оказался более широкий круг вопросов истории удельной деревни. В частности, он проанализировал податное обложение удельных крестьян Среднего Поволжья и в противоположность одному из главных посылов «Истории уделов» пришёл к выводу о том, что общественная запашка не несла никакого положительного тренда. Её введение в Среднем Поволжье, как показал Н.П. Гриценко, сразу вызвало активный протест удельных поселян [32] и рассматривалось им только в качестве «новой натуральной повинности», которая лишь усилила эксплуатацию крестьян [33]. В результате, по выражению автора, «крестьяне должны были работать большую часть своего времени на общественной запашке» [34]. С этим мнением солидаризировались А.И. Парусов [35], Ф.А. Фургин [36], Л.Р. Горланов [37] и другие исследователи. Не случайно и они рассматривали общественную запашку в качестве одной из причин «классовых выступлений в удельной деревне».

Следует признать, что в советской исторической науке тема общественной запашки не получила достаточного освещения, рассматривалась в редких региональных исследованиях и довольно однобоко – как один из видов натуральных повинностей. Именно поэтому сведения об общественной запашке или отсутствовали, или ограничивались лишь её упоминанием в обобщающих трудах даже по истории крестьянства России [38] и отдельных её регионов – Европейского Севера [39], Северо-Запада [40] и др.



Вне сомнения, история общественной запашки значительней, чем это отражено в существующих исследованиях, и это отчётливо проявилась при изучении её истории на Европейском Севере России в трудах П.П. Котова. Прежде всего, он показал истоки общественной запашки – введение запасных хлебных магазинов [41]. В работах собственно по истории общественной запашки региона он не только исследовал процесс её введения, но и впервые в историографии проанализировал очень высокую урожайность хлебов на ней, влияние «нормы урожая» на увеличение сборов зерновых, воздействие практики обработки общественных полей на внедрение новых хлебных культур, орудий труда, агротехнических приёмов и других «новшеств» на крестьянских полях [42]. Признавая общественную запашку в качестве новой повинности [43], он, в отличие от предшественников, опровергает её преувеличенную тяжесть для удельных крестьян и считает, что на ней каждый удельный работник трудился 2–3 дня в году. Однако П.П. Котов анализирует и другую сторону явления и доказывает, что общественная запашка ограничивала свободу неземледельческой деятельности и отходничества удельных поселян [44], чего не было в государственной деревне Севера [45]. Автор уточнил значение общественной запашки для проведения политики «попечительства» [46] и сокращения крестьянских надделов в ходе отмены крепостного права в 1863 г. [47]. Его заслугой является и то, что он впервые проанализировал значение привлекаемых архивных материалов для важного уточнения – о степени объективности данных губернаторских отчётов о посевах и урожаях хлебов в России [48].

К сожалению, разносторонняя характеристика истории общественной запашки в постсоветский период так и остаётся только по удельной деревне Европейского Севера и не находит существенного отражения в редких публикациях и диссертациях [49]. Тем самым актуализируется необходимость специального исследования такого явления, как общественная запашка в удельной деревне России, что расширит знание о жизни русской деревни и позволит уточнить ряд спорных вопросов по аграрной истории страны, в том числе в источниковедческом отношении.

\* \* \*

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (далее – ПСЗРИ-1). – Т.ХХIV. – № 17906. – С.525–569.

2. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – в первой половине XIX в. (По материалам ревизий). – М., 1971.



3. *Котов П.П.* Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2013. – № 1 (130). – Февраль. – С.18–22.

4. *Котов П.П.* Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 2-1 (28). – С.91–95.

5. *Котов П.П.* Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века... – С.91–95; *Котов П.П.* Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2013. – № 1 (144). – Вып. 25. – С.90–96.

6. *Котов П.П.* Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828–1861 гг.) // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период): межвузовский сб. науч. трудов. – Вологда, 1986. – С.86–95; *Котов П.П.* Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2018. – Т.28. – № 1. – С.13–22.

7. *Котов П.П.* Тягловые земли удельных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – 2012. – № 2 (22). – С.45–53.

8. *Котов П.П.* Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828–1861 гг.)... – С.86–95; *Котов П.П.* Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера... – С.13–22.

9. *Ивашута Л.П.* Проблемы удельной деревни в Советской исторической литературе // Вопросы истории Урала: сборник. – Свердловск, 1976. – № 14. – С.106–117; *Рябинский Л.С.* Некоторые вопросы историографии и источниковедения реформ 1863–1866 гг. в отношении удельных и государственных крестьян // Учёные записки кафедры истории КПСС Московского педагогического института им. Н.К. Крупской. – М., 1963. – Т.133. – С.681–696.

10. *Гриценко Н.П.* Удельные крестьяне Среднего Поволжья: Очерки. – Грозный, 1959; *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. – Изд. 3-е. – М., 1968.



11. *Котов П.П.* К вопросу об удельных крестьянах в советской историографии // Проблемы изучения и преподавания историографии истории СССР в высшей школе: межвузовский сб. – Сыктывкар: Пермский ун-т, 1989. – С.104–111; *Котов П.П.* Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2017. – № 4 (32). – С.79–87.

12. *Котов П.П.* Удельные крестьяне Европейского Севера России и реформа 26 июня 1863 года в досоветской историографии // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). – Сыктывкар, 2018. – С.17–18.

13. *Вильсон И.* Выкупные за землю платежи бывших удельных крестьян. 1871–1876 // Записки императорского русского географического общества. – СПб., 1879. – Т.5. – С.318–380.

14. *Красноперов И.* Экономическое положение бывших удельных крестьян Самарской губернии // Юридический вестник. – 1888. – Т.26. – № 8. – С.512–561.

15. *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. – 2-е изд. – СПб., 1881. – Т.1. – С.63 (1-е изд. 1876 г.).

16. *Ходский Л.В.* Земля и земледелец: Экономическое и статистическое исследование: в 2 т. – СПб., 1891. – Т.2. – С.12–125.

17. *Голубев П.* Удельные земли и их происхождение // Вестник Европы. – 1907. – Кн. 10. – С.752–776.

18. *Котов П.П.* Удельные крестьяне Европейского Севера России и реформа 26 июня 1863 года в досоветской историографии...

19. История уделов за столетие их существования. 1797–1897: в 3 т. – СПб., 1901–1902.

20. *Мартынов М.* Казна, уделы и крестьяне на севере перед революцией 1917 г. // Труд в России. – Л., 1924. – Вып. 2. – С.117–132; *Суздаlev А.* Союз шенкурских крестьян: Из истории крестьянского движения в Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1905–1906 гг. // Красная летопись. – 1924. – № 4; *Субботин А.* Крестьянское движение в Вологодской губернии в 1905–1907 гг. // Сборник статей о революционном движении 1905–1907 гг. в Вологодской губернии / под ред. В.Н. Новосельского. – Вологда: Вологодск. истпарт., 1925; *Потылицин А.И.* Крестьянское революционное движение на Севере 1905–1907 гг. – Архангельск, 1930; *Мороховец Е.А.* Крестьянская реформа 1861 г. – М., 1937; *Левашев В.* Реформа 1861 г. в Самарской и Симбирской губерниях. – Куйбышев, 1940.



21. Большая советская энциклопедия. – 1-е изд.: в 65 т. Доп. том «СССР» без номера. – М., 1926–1947.
22. Малая советская энциклопедия. – 1-е изд.: 10 т. – М., 1928–1931.
23. *Богатикова Г.И.* Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне // Исторические записки. – 1958. – Т.63. – С.81–123.
24. *Зайончковский П.А.* Указ. соч.
25. *Дружинин Н.М.* Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 года // Исторические записки. – 1970. – Т.85. – С.159–206.
26. *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). – М., 1984.
27. *Седов А.В.* Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне Нижегородской губернии // Учёные записки Горьковского университета. – Горький, 1964. – Вып. 72. – Т.1. – С.479–499.
28. *Рябинский Л.С.* Некоторые вопросы историографии и источниковедения реформ 1863–1866 гг. в отношении удельных и государственных крестьян.; *Рябинский Л.С.* Реформа 1863 г. в удельной деревне Мордовии // Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовской АССР. Вып. 24: Серия историческая. – 1963. – С.80–93.
29. *Кузнецов И.Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма // Учёные записки НИИ языка, литературы, истории и экономики Чувашской АССР. – Чебоксары, 1963. – Вып. 24. – С.31–48.
30. *Давлетбаев Б.С.* Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. – М., 1983.
31. *Гриценко Н.П.* Отмена крепостного права в удельной деревне Среднего Поволжья и волнения крестьян в связи с реформой 1863 года // Учёные записки Грозненского пединститута. Вып. 2: Серия историческая. – Грозный, 1956. – № 9. – С.62–97.
32. *Гриценко Н.П.* Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой (1828–1860) // Учёные записки Ульяновского пединститута. – Ульяновск, 1953. – Вып. 5. – С.139–208; *Гриценко Н.П.* Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю // Вопросы истории. – 1954. – № 10. – С.108–115.
33. *Гриценко Н.П.* Усиление феодальной эксплуатации удельных крестьян в условиях кризиса крепостного права // Исторические записки. – 1956. – Т.58. – С.186–207; *Гриценко Н.П.* Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами // Учёные записки Чечено-Ингушского пединститута. Вып. 2: Серия историческая. – Грозный, 1958. – № 10. – С.249–287.
34. *Гриценко Н.П.* Удельные крестьяне Среднего Поволжья: Очерки... – С.328.



35. *Парусов А.И.* К вопросу о разложении и борьбе удельных крестьян в России в первой четверти XIX века // Учёные записки Горьковского пед-института иностранных языков. – Горький, 1959. – Вып. 12. – С.219–235.

36. *Фургин Ф.А.* Удельные крестьяне накануне и в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: 6 т. – М., 1962. – Т.2. – С.156–188.

37. *Горланов Л.Р.* Классовая борьба удельных крестьян России в первой трети XIX в. // Научные труды Тюменского университета: сборник. – Тюмень, 1977. – № 41. – С.26–41; *Горланов Л.Р.* Землевладение и феодальные повинности удельных крестьян в Нечерноземной полосе России (1797–1863) // Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян в Нечерноземной полосе (XVI – первая половина XIX в.). – Смоленск, 1982. – С.94–121.

38. История крестьянства СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. – М., 1993. – Т.3.

39. История северного крестьянства. – Архангельск, 1984. – Т.1.

40. История крестьянства Северо-Запада России: период феодализма. – СПб., 1994.

41. *Котов П.П.* Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века... – С.91–95; *Котов П.П.* Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX вев... – С.90–96.

42. *Котов П.П.* Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828–1861 гг.)... – С.86–95; *Котов П.П.* Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера... – С.13–22.

43. *Котов П.П.* Натуральные повинности удельных крестьян Европейского Севера России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5 (11): в 4 ч. – Ч.1. – С.108–112.

44. *Котов П.П.* Неземледельческие занятия удельных крестьян Европейского Севера России // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2012. – № 4/1 (76). – С.135–139; *Котов П.П.* Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. – 2012. – Вып. 3. – С.149–155.

45. *Котов П.П.* Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социаль-





но-демографические аспекты истории Северного крестьянства (XVII–XIX вв.). – Сыктывкар, 1985. – С.74–86.

46. *Котов П.П.* Политика попечительства удела и её результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Серия 5 «История и филология». – 2012. – Вып. 3. – С.103–107; *Котов П.П.* Архивные источники о политике попечительства и уровне грамотности в удельной деревне Европейского Севера России // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография): сб. статей. – Сыктывкар, 2017. – С.61–67.

47. *Котов П.П.* О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1988. – С.54–63; *Котов П.П.* К вопросу о реформе 1863 г. на Севере // Изучение аграрной истории Европейского Севера на современном этапе: сб. статей. – Сыктывкар, 1989. – С.78–83.

48. *Котов П.П.* Материалы об общественной запашке удельных крестьян Европейского Севера России как исторический источник // Петербургские чтения – 97. – СПб., 1997. – С.453–457; *Котов П.П.* Вопросы изучения уровня земледелия в России конца XVIII – начала XIX веков на примере Европейского Севера // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2011. – № 13 (108). – Вып. 19. – С.111–118.

49. *Дунаева Н.В.* Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец 18 – первая половина 19 в.). – СПб., 2006; *Копица М.Н.* Аграрная реформа в удельной и государственной деревне // Преподавание истории в школе. – 2011. – № 1. – С.6–12; *Халтурин Н.И.* Хозяйство удельных крестьян Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII – середине XIX веков // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 1. – С.128–132.



**О.А. Куратов,**  
*аспирант Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

## **НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

В отечественной исторической науке наблюдается повышенный интерес к процессам, протекавшим в российском обществе в рамках пореформенной аграрной модернизации второй половины XIX века. Особую актуальность в рамках данной темы приобретает проблема неземледельческих отхожих промыслов крестьянского населения, поскольку данная отрасль является важным показателем социального и экономического развития. Неземледельческие отхожие промыслы (далее – отходничество) определяются как временный уход крестьян из деревень, т.е. с мест постоянного жительства, на заработки в районы развитой промышленности и сельского хозяйства [1]. Обратимся к истории изучения отходничества на территории Коми края в период аграрной модернизации во второй половине XIX века.

Ещё в дореволюционный период отмечался интерес статистиков, экономистов, социологов и этнографов к этой теме. В работах, посвящённых отхожим промыслам на территории Европейской части России, исследователи наглядно показали размах перемещений крестьянства [2]. В них также рассматривались условия, в которых пребывали крестьяне. Из числа дореволюционных исследований, посвящённых отходничеству, стоит отметить статистические материалы В.Ф. Попова, который отмечал упадок охотничьего промысла на территории Коми края, что более всего было заметно в волостях, близлежащих к Усть-Сысольску [3]. Тем не менее в дореволюционный период специальных исследований, посвящённых отходничеству на территории Коми края, опубликовано не было. В данный период историко-демографические сюжеты сами по себе ещё не выделялись в самостоятельные исследования.

После выделения территории, населённой коми-зырянами, в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы (1921)



начинается постепенное становление академической исторической науки в регионе. Демографические процессы на территории Коми края со временем начали изучать системно. Однако стоит отметить, что период складывания капиталистических отношений на территории Коми края интересовал исследователей значительно меньше, чем период феодализма. Это нашло отражение как в советской, так и в современной региональной историографии. Так, достигнуты значительные успехи в изучении неземледельческих занятий населения Коми края в период до проведения либеральных реформ Александра II [4].

В целом изучение отходничества пореформенного периода ограничивается обозначением направлений и указанием числа отходников за отдельные годы. Так, Н.Д. Конаков отмечает, что в наиболее густо заселённой южной части Коми края во второй половине XIX в. наблюдался самый интенсивный рост неземледельческого отхода. К началу XX в. наблюдался рост неземледельческих промыслов, что вызвало существенные изменения в соотношении числа занимавшихся ими лиц и лиц, занятых традиционными промыслами (такими как охота и рыболовство), и выразилось в уменьшении общего числа промысловых регистраций. В целом автор делает вывод о том, что развитие неземледельческого отхода лишь подвело итог продолжавшегося уже несколько столетий процесса дифференциации территории расселения народа коми на районы с различными хозяйственно-экономическими укладами. Бурный рост неземледельческих отхожих промыслов, как указывает Н.Д. Конаков, был вызван потребностью населения в расширении промысловой деятельности, которую уже не могли удовлетворить присваивающие отрасли [5]. В исследовании, посвящённом истории уездного г. Усть-Сысольска, М.Б. Рогачев и А.И. Цой показывают, что подобная картина была характерна и для городских обывателей [6].

Д.И. Пинаевский в диссертации, посвящённой народонаселению Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX в., приводит ряд сведений касательно соотношения временно отсутствующего и временно пребывающего населения и числа постоянного на обозначенной территории. Исследование Д.И. Пинаевского, построенное на материалах обширного региона, включает в себя данные и по Усть-Сысольскому, и Яренскому уезду. Так, автор отмечает, что для Усть-Сысольска, который выделяется высоким процентом временно отсутствующего населения (более 10%), были характерны те же процессы, что и для сельского населения. Одной из особенностей отходничества для Усть-Сысольского и Яренского уездов в конце XIX в. он называет преимущественно зимний временный уход большей части населения (прежде всего мужского) с мест



постоянного проживания за их пределы [7]. Д.И. Пинаевский делает вывод о том, что Усть-Сысольский уезд являлся важнейшим поставщиком мужских рабочих рук в соседние уезды и губернии, что свидетельствует о весьма скудном состоянии рынка труда в самом уезде. При низкой плотности населения и малочисленности местные жители были не в состоянии обеспечить свои потребности и вынуждены были искать заработок на стороне [8].

О.Е. Бондаренко в статье, основанной на материалах переписи 1897 г., также приводит некоторые сведения о миграционных процессах, протекавших на территории Коми края в конце века. Как справедливо отмечает автор, край в пореформенную эпоху продолжал оставаться слабо освоенной местностью. По данным О.Е. Бондаренко, на конец XIX в. за его пределами находилось около 18% населения [9].

Д.Д. Балуева описала развитие в Коми крае лесного промысла, занимавшего особое место в структуре экономики региона и притягивавшего значительное количество отходников, во второй половине XIX в. [10].

Таким образом, несмотря на то, что в последние годы наблюдается значительный прогресс в изучении различных аспектов демографической истории Европейского Севера России, тема неземледельческих отхожих промыслов на территории Коми края во второй половине XIX в. не нашла широкого отражения в историографии по проблемам демографических процессов. Комплексного изучения темы проведено не было, и в целом регион фактически не затрагивался исследователями. Тем не менее в региональной историографии были сделаны успехи в изучении количества населения, вовлечённого в неземледельческие отхожие промыслы в отдельных уездах, проанализированы разнообразные причины возросшего спроса на наёмную рабочую силу из числа крестьян и горожан на территории Коми края, а также изучены основные отрасли неземледельческого отходничества в пореформенные годы.

\* \* \*

1. Отходничество (Большая советская энциклопедия) // Академик. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/117574> (дата обращения: 15.07.2019).

2. *Весин А.П.* Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. – 1887. – № 2. – С.102–124; *Кириллов Л.А.* К вопросу о внеземледельческом отходе крестьянского населения. – СПб., 1899.

3. *Попов В.Ф.* Сборник сведений о состоянии промыслового населения и характеристика зимы 1900–1901 года и начала весны в сельскохозяйственном отношении. – Вологда, 1902. – С.20.



4. *Котов П.П.* Внеземледельческие занятия населения Коми края в конце XVIII – первой половине XIX веков // Научные доклады. Серия препринтов. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1999. – № 17-99. – С.3–29; *Котов П.П.* Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник СПбГУ. – 2012. – Сер. 2. – Вып. 3. – С.149–155.

5. *Конаков Н.Д.* Присваивающие отрасли хозяйства коми в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы социально-экономической истории Коми края. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1980. – Вып. 29. – С.98–107.

6. *Рогачев М.Б., Цой А.И.* Усть-Сысольск: страницы истории. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1989.

7. *Пинаевский Д.И.* Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 1999. – С.96.

8. *Пинаевский Д.И.* Указ. соч. – С.92.

9. *Бондаренко О.Е.* Население Коми края в конце XIX века (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1983. – Вып. 23. – С.154–164.

10. *Балуева Д.Д.* Лесные рабочие Коми края во второй половине XIX в. // Историко-филологический сборник АН СССР. – Сыктывкар, 1970. – Вып. 12. – С.27.



**С.А. Попов,**

*канд. ист. наук, ст. научный  
сотрудник Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

### **ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОЛОСТНЫХ СБОРОВ И РАСХОДОВ В КОМИ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Изучение социально-экономического развития сельского общества на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX в. – одна из актуальных проблем отечественной историографии. Наибольшую активность в этом проявили специалисты советского периода, что было закономерно, т.к. данное направление исследований занимало ведущее место в исторической науке того времени. Итогом их изысканий стало издание в 1985 г. коллективной монографии, посвящённой истории северного крестьянства в период капитализма [1]. В постсоветский период был продолжен анализ различных аспектов аграрной истории указанного региона, устойчивый интерес к которым сохраняется и на современном этапе, свидетельством чему является публикация ряда научных трудов [2].

Неиссякаемый интерес к проблемам аграрной истории дореволюционного периода вызван наличием богатейшего комплекса исторических документов. В отечественном источниковедении накоплен значительный опыт их изучения. Например, в 1984 г. Т.Г. Кучина отмечала, что «наиболее успешно до сих пор изучались источники по социально-экономической истории, делопроизводственные, массовые» [3]. Однако значительное количество материалов по-прежнему остаются мало вовлечёнными в научный оборот, на что ещё в начале 1990-х гг. обратил внимание П.А. Колесников [4]. К ним можно отнести данные, раскрывающие экономическое развитие деревни Коми края после отмены крепостного права. В частности, на фоне многочисленных исследований системы налогообложения и повинностей сельского общества обращает на себя внимание незначительное количество источниковедческих работ по данной проблематике [5]. В процессе изучения указанного аспекта были выявлены единичные труды В.В. Шаньгиной [6], М.А. Мацука [7], В.И. Чупрова [8] и других исследователей.



В начале XX в. крестьяне Коми края исполняли различные платежи и повинности, которые условно подразделялись на 3 группы: общегосударственные, местные и смешанные [9]. Финансовую часть составляли: окладные сборы с надельных удобных для сельскохозяйственного пользования земель сельских обществ (выкупные платежи, государственный поземельный налог, земские сборы); лесной налог за пользование лесом; мирские сборы на волостные и сельские потребности, а также страховые платежи. Порядок их взыскания регламентировался, прежде всего, «Положением о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ» от 23.06.1899 [10]. Заметим также, что значительную долю указанных статей местное население платило с конца XVIII в. [11].

Наибольший удельный вес в годовых окладах крестьян занимали мирские сборы. В отдельных сельских обществах их размер превосходил земские платежи. Сумма, которую должен был заплатить каждый домохозяин, определялась «миром». Она была величиной не постоянной и имела тенденцию к увеличению. По подсчётам М.А. Мацука, с 1886 по 1902 г. по Усть-Сысольскому уезду общий объём собранных средств возрос почти в 3 раза [12]. Впрочем, это было характерно для всей Европейской России [13]. Одновременно данный вид платежей был весьма «запутанным». Выражалось это, с одной стороны, в существовании многочисленных целей его использования, а с другой – в расхождении по волостям и сельским обществам суммы, взимаемой с крестьян. Разобраться в этих тонкостях помогают раскладочные и учётные приговоры крестьянских сходов, внушительный комплекс которых сохранился в фондах Национального архива Республики Коми (далее – НА РК) [14]. По утверждению В.И. Чупрова и В.В. Шаньгиной, они «содержат полный перечень денежных повинностей (кроме рекрутских) сельских обществ в соответствии с окладом» [15]. Не умаляя достоинств отмеченных источников, автор склонен считать, что не меньшую ценность в исследовании проблемы имеют иные документы волостных правлений, в которых содержатся статистические сведения о приходе и расходе мирских сумм. К ним относится «Ведомость по состоянию и движению волостных сельских сборов» (далее – «Ведомость...»).

Настоящий труд посвящён рассмотрению представленной в «Ведомости...» информации в сопоставлении её со сведениями, фиксировавшимися в раскладочных приговорах крестьянских сходов. Концентрируясь на анализе структуры документа, автор целенаправленно не акцентирует внимание на степени достоверности и точности представленного в них статистического материала, т.к. этот вопрос заслуживает отдельного изучения. Отметим, что ранее источник не являлся предметом исследования



региональных специалистов. На наш взгляд, он заслуживает внимания и будет востребован в научном сообществе. Ведь, как отметил М.А. Мацук, каждый введенный в научный оборот документ, приводящий новый фактический материал по анализируемой проблеме, представляет интерес [16].

Основу работы составил комплекс документов, в которых содержатся данные о доходе и сборе (расходе) мирских сумм за 1912 г., что обусловлено следующими причинами. Во-первых, они охватывают все волости Усть-Сысольского уезда. По Яренскому уезду нами выявлены документы лишь по Глотовской волости [17]. Во-вторых, по мнению автора, этого количества достаточно для реализации поставленной цели. Скомплектованы источники в фонде НА РК «Усть-Сысольский уездный съезд земских начальников Вологодской губернии» [18].

Для осведомления о положении дел в деревне уездный съезд земских начальников ежегодно запрашивал информацию о: поступлении и расходовании мирских сумм; выдаче ссуд населению из общественных хлебозапасных магазинов и делопроизводстве волостных судов. Сведения использовались при написании годовых отчетов для губернского статистического комитета. Заметим, что, обработав полученную информацию, съезд представлял её как в общем виде по уезду, так и в разрезе по каждой волости [19]. Полученные данные привлекались комитетом для составления губернаторских отчетов [20]. Обращает на себя внимание тот факт, что запрос в волостное правление поступал не от земского начальника, в ведомство которого оно входило, а непосредственно от съезда [21]. Хотя в соответствии со структурой управления в уезде представляется логичным, чтобы по земскому участку сведения поступали начальнику, который, аккумулируя их, направлял бы в съезд общую информацию.

Рассматриваемый вид документа автор склонен относить к делопроизводственным материалам, т.к. он являлся итогом деятельности волостных правлений. Кроме того, это массовый источник, в котором представлена информация о доходах и расходах крестьян, которые были ежегодными и характерными для всех административно-территориальных единиц Коми края [22]. Данные о мирских суммах заносились писарем в специально разработанный формуляр, который рассылался по волостям. В случае отсутствия в правлении бланков крестьянские должностные лица могли обратиться на то внимание уездного съезда. Так, например, 1 марта 1913 г. Шешкинское волостное правление на поступившее предписание сообщило, что «... ведомость о ссудах, выданных из магазинов по Шешкинской волости представлена 17 февраля с/г за № 143, а ведомости по делопроизводству волостного суда: 1) о числе уголовных дел, 2) о числе гражданских дел за 1912 год представлены 15 февраля 1913 года за № 127





и 128; в виду этого представление ведомостей по другим, каким либо формам, по указанным выше предметам, для Правления крайне затруднительно, за неимением этих форм» [23]. 16 марта съезд направил в волость необходимые формуляры, на что указывает помета, присутствующая на процитированном документе.

Анализ комплекса источников позволяет автору судить о том, что зачастую в распоряжении аппарата крестьянского управления не было необходимых «заготовок» материалов. Так, несмотря на наличие разработанных бланков, писарь нередко представлял в уездный съезд «Ведомость...» в рукописном виде. В частности, из 39 документов, выявленных по Усть-Сысольскому уезду, лишь 10 были составлены на печатном формуляре\*. Преобладание материалов, оформленных прописью, по нашему предположению, было вызвано отсутствием в волостях на момент создания ответа требовавшихся форм. В итоге, чтобы исполнить предписание вышестоящего учреждения, крестьянским должностным лицам приходилось воспроизводить текст от руки.

Как правило, документы оформлялись в двух экземплярах: оригинал посылался адресату, а копия оставалась на местах. Так, например, на указанной ранее «Ведомости...» по Глотовской волости присутствует пометка «Отпуск»\*\* [24]. Следовательно, исследователи, интересующиеся рассматриваемым источником, могут найти его в архивных фондах, в которых содержатся материалы по уездному съезду земских начальников или по волостному правлению.

Документ состоит из двух частей: «Мирские сборы и доходы» и «Мирские сборы». Отметим, что в формуляр вносилась общая сумма средств по сельским обществам и волости. В первом блоке отражены статьи доходов, представленные 12 наименованиями:

- 1) остатка от предшествовавших лет к первому января отчётного года состояло;
- 2) годового сбора по раскладке в отчётном году поступило;
- 3) поступило недоимок по сборам за прежние годы;
- 4) доходы от разного рода оброчных статей;

---

\* Используя печатный бланк, писарь лишь вписывал в название документа наименование волости и напротив статей дохода и сбора указывал соответствующую сумму.

\*\* Данная формулировка на делопроизводственном документе второй половины XIX – начала XX в. означала, что это копия (более подробно см.: Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1973. – С.313).



- 5) сбора на пастьбу скота;
- 6) поступлений от продажи имущества;
- 7) сбор с паспортов и билетов;
- 8) сборов за засвидетельствование сделок;
- 9) штрафов и взысканий;
- 10) пожертвований в пользу мирских сумм;
- 11) поступления от заключения займов;
- 12) других поступлений, не вошедших в указанные статьи [25].

В единичных правлениях писарем вводились в «Ведомость...» дополнительные источники поступлений, которые, как правило, были разовыми. В частности, по Слободской и Шешкинской волостям в печатные бланки был дописан пункт, раскрывающий прибыль «По книгам сберегательной кассы» [26].

Во второй раздел включены волостные и сельские расходы, которые несли крестьяне в течение года. Они сгруппированы по назначению платежей, где каждый блок, в свою очередь, объединял от 2 до 13 статей. Укажем их:

- 1) содержание личного состава волостной администрации, суда и канцелярии (6\*);
- 2) содержание личного состава сельских администраций (3);
- 3) хозяйственные и служебные расходы волостной и сельской администрации (5);
- 4) сельскохозяйственные по волостям и сельским обществам расходы (11);
- 5) расходы по охране общественной безопасности (7);
- 6) разные расходы по управлению и ведению волостных по обществу дел (13);
- 7) расходы на хлебозапасные магазины (2);
- 8) расходы на религиозные потребности (4);
- 9) расходы на народное образование (2);
- 10) расходы на медицинскую часть (5);
- 11) расходы на исправление дорог и содержание почт (2);
- 12) расходы на пожарную часть (2);
- 13) расходы на благотворительность (2) [27].

Как видно, в источнике зафиксирован внушительный перечень статей, отражавших бюджет сельских обществ в начале XX века. В зависимости от поставленных исследователем задач каждый из разделов пред-

---

\* В скобках указано общее количество статей, представленных в группе расходов.



ставляет интерес как в отдельности, так и в комплексе. Например, данные об остатке средств от предыдущих лет на начало отчётного года, а также сопоставление доходов с расходами на конец календарного года позволяют рассуждать о наличии дефицита и профицита в экономике деревни. Информация о доходах правления за выдачу паспортов и бланков, о расходах, понесённых на образование, благотворительность и медицину, может привлекаться при исследовании этнодемографических процессов, происходивших в крестьянском обществе.

Рассматривая структуру «Ведомости...», характеризующую затраты домохозяев, укажем, что многие статьи в ней соответствовали мирским сборам, имевшимся в раскладочном приговоре. В частности, в последнем дана аналогичная роспись средств, требовавшихся на содержание волостной и сельской администраций, на канцелярские и хозяйственные расходы правлений, на религиозные и общественные надобности и др. [28]. Значительным подспорьем для специалистов служит произведённая составителем бланка градация расходов по целевому назначению. В то время как в приговорах схода вначале распределялись средства, необходимые для функционирования крестьянского аппарата управления, а далее – без чётко прослеживаемого принципа – на остальные расходы общества.

К преимуществу первого документа над вторым, на первый взгляд, можно отнести значительное превосходство объёма информации в количественном эквиваленте статей финансовых издержек общества. Полноценные данные по ним могли бы дать специалистам весьма существенную информацию о волостном бюджете. Однако этот положительный момент нивелируется при обращении пользователя к статистическому материалу источника. Заполнение граф бланков должностными лицами волостного правления осуществлялось неудовлетворительно.

В рассмотренном автором комплексе материалов данные по всем волостям имеются только по направлениям, раскрывающим расходы: на содержание личного состава волостной и сельской (при наличии последней в волости) администраций, суда и канцелярии; на хозяйственные и служебные нужды; разные потребности по управлению и ведению волостных и общественных дел, а также на пожарную часть. По большинству правлений прописаны затраты, связанные с сельскохозяйственными нуждами, религиозными потребностями населения, благотворительностью, народным образованием, содержанием и ремонтом дорог, а также деятельностью хлебозапасных магазинов. При этом необходимо подчеркнуть, что, как правило, не по всем имеющимся в отмеченных блоках позициям присутствуют сведения. В каждом из них распределение денежных средств произведено по отдельным статьям расхода. Исключение составили раздел, посвя-



щённый жалованью аппарата волостного правления и суда, где по каждой волости заполнены все пункты, и параграф (также содержащий полную информацию) «Расходы на религиозные потребности» по Помоздинской волости [29]. Что касается сбора средств на охрану общественного порядка, то информация содержится только по 5 административным единицам. В частности, по Нёбдинской, Богородской, Деревянской, Помоздинской и Троицко-Печорской волостям прописано «жалованье десятским» [30]; по Корткеросской и Кочергинской волостям – «устройство и содержание арестанских помещений» [31]; по Воронцовской – «расходы по содержанию и препровождению арестантов» [32]. В свою очередь в «Ведомости...» по всем волостям отсутствуют сведения о тратах на медицинскую часть.

Аналогичная ситуация наблюдается в отношении заполнения бланков в части «Мирские сборы и доходы». Из 12 источников поступления средств исследователь имеет возможность представить общую картину по всем волостям уезда только по первым двум пунктам. В ряде документов составителем внесена сумма по третьей, четвёртой и двенадцатой статьям и в единичных случаях – по шестой (Межадорская и Визингская волости), девятой (Гривенская и Мьелдинская волости), десятой (Нившерская волость) и одиннадцатой (Благовещенская, Визингская и Шиловская волости) позициям.

Подводя итог, отметим, что проанализированный источник содержит информацию как о доходах, так и расходах волостных правлений. В этом отношении он имеет преимущество над раскладочными приговорами сходов, в которых отражена лишь расходная часть крестьянского бюджета. Кроме этого, если в решениях общего собрания домохозяев распределялись планируемые в течение года платежи сельских жителей, то в «Ведомости...» указаны конечные результаты проведённых правлением финансовых операций в календарном году. Также следует подчеркнуть, что оба документа во многом схожи относительно представленных в них статей затрат сельских жителей. В целом «Ведомости...» являются историческим источником, который может стать востребованным специалистами, занимающимися изучением вопросов аграрной, экономической истории, а также этнодемографических аспектов.

\* \* \*

1. История северного крестьянства: в 2 т. Т.2: Период капитализма / под ред. Ю.А. Полякова. – Архангельск, 1985.

2. Попов С.А. Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX – начало XX века). – Сыктывкар, 2016; Котов П.П.



Производство зерновых хлебов в Коми крае в начале XX в. // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. – Сыктывкар, 1996. – С.13–22; *Котов П.П.* Арендные и покупные земли в удельной деревне Европейского Севера России // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия «История и филология». – 2018. – № 2 (171). – С.49–53; *Кораблев Н.А.* Проведение Столыпинской аграрной реформы в Карелии: проблемы землеустройства // Труды Карельского научного центра РАН. – 2012. – № 4. – С.93–103.

3. *Кучина Т.Г.* К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин (статьи и материалы). – М., 1984. – С.40.

4. *Колесников П.А.* История северного крестьянства: проблемы и перспективы исследования // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: межвузовский сб. науч. трудов / отв. ред. А.В. Камкин. – Вологда, 1992. – С.7.

5. Библиографический указатель работ Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (1970–2014). Вып. 5: Труды историков отдела истории и этнографии: в 2 ч. – Сыктывкар, 2015.

6. *Шаньгина В.В.* Источники по изучению социально-экономического развития пореформенной деревни Коми края // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. – Сыктывкар, 1993. – Вып. 54. – С.29–39.

7. *Мацук М.А.* Государственные налоги крестьян Ленской волости Яренского уезда 1887 г. // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми: тезисы докладов науч.-практ. конф., посвящённой 75-летию Общества изучения Коми края. – Сыктывкар, 1997. – С.72–73.

8. *Чупров В.И.* Приговоры и прошения коми крестьян как источник по изучению их экономических требований накануне и в годы революции 1905–1907 гг. // Археография и источниковедение (Северный археографический сборник). – Сыктывкар, 1977. – Вып. IV. – С.124–129.

9. *Котов П.П.* Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.): межвузовский сб. науч. статей. – Сыктывкар, 1985. – С.75.

10. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3. – СПб., 1902. – Т.19. – Отд. 1. – № 17286.



11. *Котов П.П.* Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. .; *Беленкина Т.И.* Подати и повинности крестьян Коми края в конце XVIII – первой половине XIX века // Крестьянство коми края (досоветский период). – Сыктывкар, 1986. – С.26–34. – Вып. 38.

12. *Мацук М.А.* Эволюция тягла бывших государственных крестьян Европейского Севера России на рубеже XIX–XX веков (на материалах Усть-Сысольского уезда) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2014. – № 3 (27). – С.88.

13. *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. – М., 1984. – С.77–83.

14. Национальный архив Республики Коми (далее – НА РК). Ф.27. Оп.1. Д.4, 9, 33.

15. *Чуров В.И., Шаньгина В.В.* Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.). – Сыктывкар, 2013. – С.35.

16. *Мацук М.А.* Государственные налоги крестьян Ленской волости Яренского уезда 1887 г. ... – С.72.

17. НА РК. Ф.47. Оп.2. Д.61. Л.7–7 об., 10–10 об.

18. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55.

19. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.234–241, 244 об.–246.

20. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.232.

21. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.107.

22. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.54. 60 об.

23. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.16–16 об.

24. НА РК. Ф.47. Оп.2. Д.61. Л.7–7 об., 10–10 об.

25. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.8, 127 об.

26. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.5, 17.

27. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.51–52 об.

28. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.186.

29. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.195–195 об.

30. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.47об., 134, 159, 195, 198 об.

31. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.30, 134 об.

32. НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.55. Л.90.



**М.В. Хайдуров,**

*канд. ист. наук, ст. научный сотрудник*

*Института языка, литературы*

*и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

## **ИСТОЧНИКИ ПО ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ КОМИ КРАЯ XIX – НАЧАЛА XX в.**

Настоящая работа представляет собой краткий обзор письменных источников по церковной истории Коми края XIX – начала XX вв. Отдельные вопросы регионального церковного источниковедения уже рассматривались в литературе [1].

Исторические источники по церковной истории XIX – начала XX в. обширны и разнообразны. Их разновидности в целом типичны для российской истории данного периода (законодательные акты, делопроизводительная документация, актовый материал и т.п.). В самом общем виде их можно разделить на источники документального и нарративного характера. Некоторые из них опубликованы, большая же часть представлена материалами, отложившимися в различных архивохранилищах и музеях, применительно к региону изучения это в первую очередь соответствующие учреждения Сыктывкара, Вологды и Архангельска.

Значительную группу источников составляют законодательные акты. Императорские указы и указы св. Синода, распоряжения органов светской и церковной власти отражают церковную политику абсолютистского государства, её основные направления и содержание. К их числу относятся также различные регламенты и уставы, определявшие и регулировавшие структуру и функции церковных учреждений, например, «Духовный регламент» (1721) и «Устав духовных консисторий» (1841). Этот вид источников был детально изучен ещё в дореволюционное время, став основой для фундаментальных работ по общероссийской церковной истории и получив своё развитие в советской и постсоветской историографии [2].

Наиболее обширная группа источников представлена материалами делопроизводства церковных и светских учреждений. Первостепенное значение не только в этой группе, но и во всём комплексе источников по истории церкви XIX – начала XX в. имеют клировые ведомости.

Клировые ведомости (в более ранней формулировке – «Ведомости о священноцерковнослужителях, их жёнах и обоего пола детях») пред-



ставляют собой ежегодные отчёты причтов отдельных приходов перед вышестоящим церковным руководством. Их форма на протяжении рассматриваемого периода претерпевала некоторые изменения. До 1829 г. они оформлялись в виде таблиц, включавших в себя сведения о происхождении, возрасте, семейном положении, образовании, штрафах всех лиц духовного звания прихода. Помимо духовенства, в ведомости указывались члены их семей, заштатные священноцерковнослужители и вдовствующие и сиротствующие лица духовного звания. Давалось краткое описание церкви, прихода, церковных владений, указывались размер руги и других доходов причта, численность прихожан, расстояние до епархиального центра и ближайших церквей.

В 1829 г. Синодом была установлена новая форма клировых ведомостей, которые стали состоять из трёх частей. В первой части приводились сведения о самой церкви, её владениях, источниках и размерах доходов. Вторая часть («О причте означенной церкви») содержала собственно сведения о духовенстве и членах их семей. Круг вопросов здесь был несколько расширен по сравнению с прежней формой ведомостей: давались краткий послужной список священноцерковнослужителей, количество проведённых за год проповедей, сведения о родственных связях внутри причта. Третья часть содержала информацию о прихожанах данной церкви. Дальнейшие изменения в форме клировых ведомостей заключались в некотором расширении круга рассматриваемых вопросов.

Клировые ведомости дают богатый и зачастую уникальный материал, который позволяет осветить такие вопросы, как православная топонимика, состав приходов, происхождение, численность и половозрастной состав духовного сословия, уровень его образования, источники и размеры доходов, родственные связи и родословные отдельных родов, соотношение между штатной и наличной численностью духовенства и между численностью причта и прихожан, перемещения духовных лиц по приходам уезда, а также отдельные вопросы о деятельности духовенства и его правонарушениях. Существенной положительной чертой этого источника является широта охватываемых вопросов и то, что клировые ведомости велись непрерывно и сохранились почти за весь XIX и начало XX в. по подавляющему большинству приходов Коми края, что позволяет оценить не только статику, но и динамику указанных показателей на протяжении всего рассматриваемого периода. К отрицательным сторонам можно отнести встречающиеся пробелы в сведениях, а также размытость и неоднозначность некоторых формулировок и субъективизм в отношении отдельных вопросов, как, например, относительно уровня материального обеспечения и его оценки духовенством. Впрочем, последнее может рассматриваться в некоторых





случаях и как достоинство, позволяя выявить некоторые нюансы в самооценке священноцерковнослужителями собственного положения.

В целом этот массовый и ценнейший источник даёт возможность проведения статистического анализа и создания «скелета» региональной церковной истории в её социальном измерении, чем, разумеется, его потенциал не ограничивается.

Помимо клировых ведомостей, обширный массив актовой и делопроизводственной документации представлен самыми разнообразными материалами: всевозможными рапортами, доношениями, прошениями и отчётами духовенства, а также указами и распоряжениями духовных правлений и духовных консисторий по соответствующим делам.

В этой значительной по составу группе источников выделим полугодовые журналы благочинных, составлявшиеся по результатам осмотра приходов церковного округа (благочиния) благочинными священниками и включавшие в себя разнообразные сведения, в частности, о состоянии церкви, образовании и материальном положении духовенства и т.д.

Среди отчётной документации отдельный интерес представляют и опекунские отчёты, а также отчёты о сборе денежных средств и пожертвований на различные нужды, которые позволяют выяснить некоторые аспекты материального положения и быта священноцерковнослужителей, а также особенности обеспечения заштатного духовенства, вдовствующих и сиротствующих лиц духовного звания.

Помимо делопроизводственной документации, исходившей от представителей церкви, отдельные вопросы, связанные с функционированием приходской общины и отношениями между духовенством и крестьянами, рассматриваются в протоколах сельских сходов.

Следующий вид источников представлен материалами периодической печати, к которой относятся «Вологодские епархиальные ведомости», издававшиеся с 1864 г., и «Архангельские епархиальные ведомости» (с 1885 г.). Они состояли из двух частей: официальной, в которой печатались указы, постановления и распоряжения Синода и епархиального начальства, и неофициальной («Прибавления»), в которой публиковались статьи и сообщения относительно различных сторон жизни духовенства Вологодской и Архангельской епархий. «Епархиальные ведомости» содержали сведения о перемещениях и назначениях священноцерковнослужителей, увольнениях, освещали отдельные вопросы жизни и деятельности клира.

Группа географических и статистических описаний представлена рядом источников общероссийского (в частности, см. работу И. Преображенского [3]) и регионального масштаба. Сведения статистического характера содержатся в «Памятных книжках» Вологодской и Архангельской



губерний, выходивших ежегодно с середины XIX века. Они дают дополнительные данные о численности как церкви по губерниям (включая уезды Коми края), так и населения и о его распределении по вероисповеданиям и сословиям. Кроме того, имеется ряд сочинений, посвящённых непосредственно Коми краю, в их числе описание Печорского края, содержащее ряд сведений об особенностях развития приходской системы и быта духовенства, приходской повседневности [4]. В отличие от статистических описаний (включая памятные книжки), указанное сочинение является уже нарративным, повествовательным источником. К подобным трудам относятся книга Ф.А. Арсеньева об Ульяновском монастыре [5] и «Описание Устьвыма» М. Михайлова (Вологда, 1851), а также «Церковно-историческое описание Вотчинского прихода», составленное священником П. Шаламовым и изданное в 1911 году. Информация в последнем пересекается клировыми ведомостями в части сведений о приходе, что несколько снижает его самостоятельную ценность.

К источникам личного происхождения, которыми мы располагаем, относится литература мемуарного характера, к которой относятся, например, произведения А.О. Ишимовой и П.В. Засодимского [6]. Детская писательница А.О. Ишимова, попавшая 1820-е гг. в Усть-Сысольск 15-летней девочкой в связи с опалой отца, написала позднее неоконченную повесть «Зырянка», где уделила внимание и быту семьи протопопа Димитрия. Некоторые наблюдения по этому вопросу (естественно, с учётом критики такого специфического источника) позволяют дополнить картину жизни устьсысольского духовенства.

Очерк П.В. Засодимского «Лесное царство» относится к 1870-м гг., но автор зачастую обращается в нём к более раннему времени, используя свидетельства очевидцев. Интерес представляют наблюдения и рассуждения П.В. Засодимского о материальном положении духовенства (к последнему автор относится с явным сочувствием), о взаимоотношениях духовенства и прихожан.

Наконец, крупную группу нарративных источников составляют церковно-приходские летописи, появившиеся в 1860-х годах. Представляя собой «симбиоз приходской документации и нарративного авторского текста» [7], церковно-приходские летописи в качестве комплексного источника дают богатейший и в значительной степени уникальный материал. Они содержат информацию об истории населённых пунктов, церквей, приходов, о хозяйственной деятельности населения, повседневной и праздничной жизни, религиозности, развитии образования, а также этнографические данные, сведения об отношении духовенства к событиям различного уровня (от локального до общероссийского), влиянии глобальных событий



на приходскую жизнь, взаимоотношениях внутри причта и между причтом и прихожанами. Массовый характер этого источника позволяет применять к нему количественные методы исследования (не только внутри отдельного текста, но и в сопоставлении текстов разных летописей [8]). Добавим, что в настоящее время выявленные в архивах церковно-приходские летописи Коми края готовятся к публикации.

Таким образом, видовое разнообразие имеющихся исторических источников, их количество и хорошая репрезентативность дают богатые возможности для исследования самого широкого круга вопросов церковной истории Коми края XIX – начала XX века.

\* \* \*

1. *Малкова Т.А.* Летопись и делопроизводство церкви как источник по истории села Пезмог // Вестник культуры Коми АССР. – 1992. – № 1; *Хайдуров М.В.* Основные направления изучения церковной истории синодального периода в Республике Коми // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2016. – № 1 (33). – С.20–35.

2. См., напр.: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство со времени реформы Петра. – Казань, 1873.

3. *Преображенский И.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. – СПб., 1897.

4. Государственный архив Архангельской области. Ф.29. Оп.31. Д.1562.

5. Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская ново-общежительная обитель. – Сыктывкар, 1995.

6. См.: В делях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми / сост. З.Я. Немшилова. – Сыктывкар, 1983.

7. *Биланчук Р.П., Истомин А.А.* Церковно-приходская летопись Дмитриевской Николаевской церкви Вельского уезда Вологодской губернии 1868–1913 годов как источник по истории и культуре верхней Устья // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 2: Исследования и материалы. Статьи и сообщения VII–IX межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвящённых памяти М.И. Романова. – 2014. – С.362.

8. *Хайдуров М.В.* Церковно-приходские летописи Коми края конца XIX – начала XX в.: опыт анализа // Исторические аспекты освоения Европейского северо-востока (исследования, источники, историография): сб. статей / отв. ред. А.А. Попов. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018. – С.46–56.



**Р.Т. Фахриев,**

*аспирант сектора отечественной  
истории Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

## **ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОМИ КРАЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Первая мировая война – одно из самых драматических событий в истории XX века. У современных исследователей очень большой интерес вызывает роль провинции в этот экстремальный период. Изучаются самые разнообразные проблемы, возникшие в результате влияния войны на жизнь регионов.

В истории изучения Коми края в годы Первой мировой войны можно выделить следующие этапы. В начале 1930-х гг. преобладало влияние школы М.Н. Покровского, которая опиралась на ленинскую концепцию взаимосвязи внутренней и внешней политики Российской империи. Первая мировая война рассматривалась как предпосылка Великой Октябрьской социалистической революции. Такой подход или значительные его элементы достаточно долго определяли освещение истории Коми края в годы Первой мировой войны.

В 1920–1930-х гг. в обобщающих работах Н.И. Ульянова и В.М. Подорова было положено начало исследованию демографических проблем Коми края в годы Первой мировой войны [1]. Однако данная тема не была выделена в самостоятельный раздел, давалась только общая характеристика рабочих. В работах советского периода по этой проблематике ярко прослеживается влияние внешнеполитического фактора, несоответствие установок школы М.Н. Покровского об ответственности Российской империи в возникновении Первой мировой войны в условиях новой международной обстановки, вызванной агрессивной внешней политикой Германии. Поэтому в работах второй половины 50-х – первой половины 60-х гг. XX в., посвящённых истории Коми в период Первой мировой войны, практически не учитывались факты и выводы, содержащиеся в первых обобщающих работах начала 1930-х гг., которые создавались под влиянием школы М.Н. Покровского.



Период «оттепели» привёл к реабилитации М.Н. Покровского и его последователей, это нашло отражение в том, что выводы и оценки Н.И. Ульянова и В.М. Подорова стали включаться в исследования конца 1960–1980-х годов. Продолжателем традиций исследователей 1920–1930-х гг. по истории Коми края в период Первой мировой войны стала Л.И. Сурина. В её исследованиях прослеживается преемственность концепции с работами предшественников. Новизна её трудов заключалась в значительном расширении фактических сведений о социально-экономическом и политическом положении и, в частности, об отраслевой структуре промышленного производства на территории Коми края в годы Первой мировой войны. В отличие от М.Н. Подорова, в работах 60–80-х гг. XX в. предметом специального изучения становятся не только промышленность, но и сельское хозяйство и крестьянство. Следует отметить, что в советский период постепенно нарастал интерес к анализу различных проблем истории Коми края в годы Первой мировой войны, и данный период стал выделяться в самостоятельный раздел. Однако большинство работ советского периода – 1960–1980-х гг. – оказались представлены трудами Л.И. Суриной. Она первая обратилась к изучению мобилизации на территории Коми края в годы Первой мировой войны. Правда, демографические аспекты ни в трудах Л.И. Суриной, ни в редких исследованиях других учёных не получили должного развития. В частности, не изучалось участие населения этого региона Российской империи в военных действиях на фронтах Первой мировой войны, хотя отдельные вопросы – экономическое развитие, классовая борьба – получили освещение [2].

Распад СССР привёл к смене всей системы общественного устройства. Это стало важным фактором трансформации российской исторической науки. Проблема преемственности и разрыва в изучении истории Первой мировой войны остаётся предметом дискуссий методологического характера. В работах историков Коми постсоветского периода прослеживается преемственность советской концепции о том, что, например, на территории края в годы Первой мировой сложились предпосылки для победы советской власти [3].

С другой стороны, стали анализироваться некоторые аспекты, которые не затрагивались ранее, и практиковаться отдельные новые подходы. Так, получили оценку вопросы, которые были связаны с изменением в административно-территориальном устройстве северных губерний и волостным правлением в Коми крае и которые отчасти способствовали в 1920 гг. становлению автономии коми-зырян [4].

В советский период в исторических исследованиях фиксировалось, по сути, лишь ухудшение социально-экономического положения населе-



ния Коми края при «царизме» вообще и особенно в годы войн, наметились и отходы. В 1990 – начале 2000-х гг. не только расширяется исследование ряда проблем, затрагиваются новые пласты социально-экономической истории, но и начинают практиковаться новые подходы к оценке этих проблем. Например, в трудах П.П. Котова, в том числе и по периоду Первой мировой войны, освещается развитие картофелеводства в Коми крае [5] и даётся оценка уровня земледелия [6]. В то же время в целом анализ экономического развития Коми края в рассматриваемый нами период остаётся актуальным, и многие важные проблемы по-прежнему не получили должного анализа.

В 1990-х – начале 2000-х гг. историки Республики Коми концентрируют внимание на изучении механизмов социальной взаимопомощи, которые были призваны компенсировать негативные последствия шедшей войны [7]. В отдельных работах наметилась и тема развития медицинского обслуживания населения Коми края в годы [8]. В них получили оценку и вопросы, связанные с усилиями по предотвращению эпидемий в крае. И всё-таки, на наш взгляд, исследование указанных проблем не до конца завершено.

В трудах 1990–2000-х гг. рядом историков затрагиваются и новые вопросы. Именно в постсоветский период Первая мировая война показана как событие, в котором проявился патриотизм населения Коми края как на её фронтах, так и в тылу.

С конца 90-х гг. XX в. появляются первые статьи, посвящённые истории военнопленных Германии и Австро-Венгрии, высланных на территорию Коми края, в Усть-Сысольск. В трудах О.Е. Бондаренко впервые охарактеризованы пункты размещения военнопленных, исследованы условия их содержания и места размещения, предприняты попытки определить точное число военнопленных [9].

В отличие от советского периода, в 1990–2000-х гг. во многих работах внимание сместилось на микроуровень: человек, индивидуальность, духовность, менталитет, в частности военный, а наряду с ними – быт, психология, да и вообще жизнь на войне и в тылу. Выделим особо заслугу историков Республики Коми: по результатам их исследований были «возвращены», по сути из небытия, сотни имён солдат Первой мировой войны, уроженцев Коми края [10].

В отличие от советского периода, в 1990–2000-х гг. доминирующей формой представления результатов региональных научных исследований Первой мировой войны стали статьи. Тем более значимым для исторической науки Республики Коми оказалось появление первого монографического исследования по истории Коми края в этот период [11].



В отличие от советского в постсоветский период, важным фактором стало изменение государственной политики в отношении Первой мировой войны. Столетний юбилей начала войны стал импульсом для исследовательской и публицистической деятельности и в Республике Коми. Было подготовлено коллективное издание, посвящённое важнейшему событию в истории Коми края. В его создании приняли участие историки ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, специалисты Национального архива Республики Коми и сотрудники Национального музея Республики Коми [12]. Здесь большое внимание было уделено демографическим аспектам, указан перечень воинских формирований, в которых воевали солдаты из Коми края. Большая часть статьи представляет собой характеристику социально-экономической и политической обстановки в 1914–1917 гг.; должное внимание уделено деятельности Русской православной церкви в суровые для Отечества годы войны.

Анализ историографии, посвящённой истории Коми края в годы Первой мировой войны, позволяет сделать следующие выводы. В советский период особое внимание исследователей было сконцентрировано только на социально-экономическом положении этого региона. Результаты исследований были представлены в обобщающих работах по истории Коми края [13]. Более плодотворно история Коми края в 1914–1918 гг. исследовалась в постсоветский период. Однако при обращении к обобщающим работам по истории Коми края можно сделать вывод о том, что, несмотря на широкий круг вопросов, раскрытых исследователями в данный период, например благотворительность, участие населения Коми края в боевых действиях и некоторые другие, остаётся ряд проблем, лишь слегка затронутых или не изученных вовсе [14].

\* \* \*

1. *Ульянов Н.И.* Очерки истории народа Коми-Зырян. – Л., 1932. – С.119–122; *Подоров В.М.* Очерки по истории Коми (Зырян и Пермьков). – Сыктывкар, 1933. – Т.2. – С.151–152.

2. *Сурина Л.И.* Коми край в годы Первой мировой войны // История Коми АССР. – Сыктывкар, 1978. – С.182–187; *Сурина Л.И.* На далёкой окраине. – Сыктывкар, 1973. – С.67–77; *Сурина Л.И.* Положение крестьянства в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Вопросы истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1975. – С.101–102; *Сурина Л.И.* Коми край в период между двумя революциями (1908 – февраль 1917) // Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1955. – Т.1. – С.315–345; *Сурина Л.И.* Социально-экономические отношения в Коми крае в начале XX в. //



Социально-экономические отношения в Коми крае последней трети XIX – начале XX вв. – Сыктывкар, 1967. – С.60–63.

3. *Чупров В.И.* Выступления рабочих Коми края в годы Первой мировой войны // Защита Отечества: история и современность. – Сыктывкар, 2001. – С.143–145; *Чупров В.И.* Социально-политическая жизнь коми деревни в начале XX в. // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории республики Коми XX в. – Сыктывкар, 1996. – С.7.

4. *Котов П.П.* Административно-территориальное деление Коми края до 1917 г. // Центральный государственный архив Республики Коми: Путеводитель. – Сыктывкар, 1992. – С.285–292; *Котов П.П.* Предыстория образования автономной области Коми: Коми край в системе административно-территориального деления России в конце XIX – начале XX вв. // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность: тезисы докладов на Всероссийской науч. конф. – Сыктывкар, 1991. – С.21; *Котов П.П., Семушина Н.И.* Архангельская и Вологодская губернии в системе административно-территориального деления России в XVIII – начале XX веков // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России: тезисы докладов науч. конф. – Сыктывкар, 1992. – С.20–21; *Попов С.А.* Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX – начало XX века). – Сыктывкар, 2016.

5. *Котов П.П.* Развитие картофелеводства в Коми крае в XVIII – начале XX вв. // Коми деревня в XX веке: история, современность, перспективы: тезисы науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 1995. – С.48–51; *Котов П.П.* Распространение картофеля на Севере // Тезисы XI Коми республиканской молодёжной науч. конф. – Сыктывкар, 1990. – С.32.

6. *Котов П.П.* Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX века. – Сыктывкар, 1996; *Котов П.П.* Производство зерновых хлебов в Коми крае в начале XX в. // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. – Сыктывкар, 1996. – С.13–22.

7. *Бондаренко О.Е.* Учреждения детского призрения в Усть-Сысольском уезде (1908–1919 гг.) // Человек как объект социально-психологической работы. – Сыктывкар, 1996. – С.134–141; *Бондаренко О.Е.* Всякое дело благо // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. – Киров, 1996. – С.20–25; *Бондаренко О.Е.* Оказать... содействие посильным пожертвованием деньгами, материалом и личным трудом // Повседневная жизнь Коми края. – Сыктывкар, 2009. – Вып. 4. – С.53–61; *Бондаренко О.Е., Фадеева Л.Т.* Русская Православная церковь и благотворительность в Коми крае (вторая половина XIX – нач. XX вв.) // Социальное





служение Русской Православной церкви: исторический опыт и современное состояние. – Сыктывкар, 1998. – С.58–63; *Котов П.П., Пилипенко В.А.* Деятельность органов здравоохранения по охране материнства и младенчества в Коми АССР в 1920–1930-х годах // Двинская земля. – Котлас, 2010. – Вып. 6. – С.173–181; *Котов П.П., Пилипенко В.А.* Становление системы ясельных учреждений Коми АССР в 1920–1930-х годах // Февральские чтения: сб. материалов Региональной науч.-практ. конф., посвящённой 55-летию высшего образования в Республике Коми / отв. за выпуск Н.А. Юшкова. – Сыктывкар: Сыктывкарский лесной институт, 2007. – С.253–256; *Котов П.П., Хотимова Л.В.* Виды призрения детей в начале XX века на территории Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX–XX вв.: тезисы науч.-практ. конф. – Яренск, 2003. – Ч.1. – С.89–92; *Сурков Н.И.* Благотворительная деятельность земских училищ Усть-Сысольского уезда в годы Первой мировой войны // Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества. – Сыктывкар, 1997. – С.120–125; *Сурков Н.И.* Деятельность Усть-Сысольского уездного попечительства детских приютов // Страницы истории социальной работы в Коми крае (1960–1918). – Сыктывкар, 1998. – С.160–179; *Сурков Н.И.* Исторический опыт социальной работы с бедными детьми, малолетними преступниками, сиротами в Коми крае в начале XX в. // Человек как объект социально-психологической работы. – Сыктывкар, 1996. – С.141–155; *Сурков Н.И.* О судьбе приходских попечительств Усть-Сысольского уезда в годы Первой мировой войны // Социальное служение Русской Православной Церкви: исторический опыт и современное состояние. – Сыктывкар, 1998. – С.72–78; *Чупров В.И.* Крестьянская община в Коми крае в начале XX в. и её роль в организации кооперативно-благотворительной деятельности // Повседневная жизнь Коми края. – Сыктывкар, 2009. – Вып. 3. – С.42–51.

8. *Котов П.П., Пилипенко В.А.* Здравоохранение в Коми АССР в 1920–1930-х годах: становление и развитие. – Сыктывкар, 2011; *Котов П.П., Пилипенко В.А.* Организация противоэпидемической деятельности в Коми АССР в 1920–30-х годах // Февральские чтения: науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава и аспирантов Сыктывкарского лесного института по итогам научно-исследовательских работ за 2004 год: сб. материалов в 2 т. / отв. ред. Ю.Я. Чукуреев. – Сыктывкар, 2005. – Т.2. – С.47–55.

9. *Бондаренко О.Е.* Военнопленные в Усть-Сысольске в годы Первой мировой войны // Вестник Сыктывкарского госуниверситета. – Сыктывкар, 1997. – Вып. 2. – С.61–69; *Бондаренко О.Е.* Военнообязанные



Германии и Австро-Венгрии в Коми крае в годы первой мировой войны // Проблемы истории России XVIII–XX в. – Сыктывкар, 1997. – С.50–57; *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Военнопленные в Коми крае в XVIII – начале XX веков // Воинский подвиг защитников Отечества. – Вологда, 2000. – Т.2. – С.56–60; *Таскаев М.В.* Австрийские военнопленные в Коми // Родники Пармы. – Сыктывкар, 2000. – Вып. 5. – С.13–16.

10. *Бондаренко О.Е., Галева М.А.* Желая военную службу // Участие жителей Коми в войнах и вооружённых конфликтах (XI–XX века): труды Коми отделения АВИН. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1. – С.108–120; *Митюшева Н.* Строптивый легион // Участие жителей Коми края в войнах и вооружённых конфликтах XX века: труды Коми отделения АВИН. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 2. – С.4–8; *Попов С.А.* Источники по изучению мобилизационных процессов в годы Первой мировой войны в Коми крае // Европейский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): к 65-летию Победы. – Сыктывкар, 2010. – С.18–21; *Сурков Н.И.* На службе Отечеству: монография. – Сыктывкар, 2011. – С.243; *Сурков Н.И.* Судьбы солдат-участников Первой мировой войны (по материалам Национального архива Республики Коми) // Участие жителей Коми края в войнах и вооружённых конфликтах XX века: труды Коми отделения АВИН. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 2. – С.121–125.

11. *Бондаренко О.Е.* Коми край в период Первой мировой войны: монография. – Сыктывкар, 2014.

12. Коми край в годы Первой мировой войны (1914–1918): сб. документов и материалов. – Сыктывкар, 2014.

13. Очерки по истории Коми АССР: в 2 т. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1955. – Т.1; История Коми АССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1978; История Коми АССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1981.

14. История Коми с древнейших времён до конца XX века. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004. – Т.2; История Коми с древнейших времён до современности. – Сыктывкар: Анбур, 2011. – Т.2.



**Л.М. Костарева,**  
*аспирант Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

## **ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ КУСТАРНЫХ РЕМЁСЕЛ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КРАШЕНИЯ У КОМИ (ЗЫРЯН)**

Территория и природные условия проживания народа обуславливают преобладание некоторых видов народных ремёсел за счёт доступности определённых природных материалов. У коми (зырян) такими материалами издавна были глина, дерево, различное растительное сырьё.

Большинство народных ремёсел существовали в кустарной форме, характеризующейся применением в домашнем хозяйстве и основанной на ручном труде. Использование местного природного сырья и материалов, ручной способ изготовления составляют основу таких ремёсел коми (зырян), как обработка глины, дерева, берёсты, натуральное крашение.

***Натуральное (естественное) крашение*** – это пропитка волокон или тканей красящим веществом, извлечённым из природного сырья (растений, грибов, лишайников). До появления искусственных красителей натуральное крашение было единственным способом окрашивания текстильных материалов.

Коми (зыряне) издавна научились добывать природные красители и получать различные оттенки цветов, используя красящие свойства местных растений, лишайников, грибов и глин.

Красильное ремесло распространено в культуре всех народов, знакомых с прядением, ткачеством, вязанием, в том числе и народов Европейского Севера России. К сожалению, эта тематика мало проработана в историко-этнографических трудах, специализированных исследований проводилось крайне мало.

Информацию о традиционной технологии окрашивания текстиля у коми (зырян) содержат труды конца XIX – начала XX в. Н.Д. Голицына [1] и Г.А. Старцева [2], а также исследования второй половины XX в.



Г.В. Шипуновой [3], Г.Н. Романовой [4] и Л.С. Грибовой [5]. Изучению этнографических источников конца XIX – начала XX в., содержащих информацию о технологическом процессе крашения шерстяной пряжи в традиции коми (зырян), посвящена статья современного исследователя Н.Г. Гагиевой [6].

В источниках редко встречается описание полного процесса крашения (подготовка материала к крашению, процесс окрашивания, протравливание материала и закрепление цвета). Чаще всего в них присутствуют сведения о красителе, при этом указывается местное название красильного материала (растения, гриба и пр.), немного сведений и о технологическом процессе крашения. Информация об используемых протравах и закрепителях почти отсутствует. В этой связи подтвердить верность рецепта возможно лишь экспериментальным путём.

Коми (зыряне) имели богатые традиции узорного вязания и в совершенстве владели технологией обработки шерсти. Натуральное крашение использовалось в основном для шерстяной пряжи. Род волокна определял рецептуру окрашивания и краситель, используемый для его покраски. Шерсть, как волокно животного происхождения, окрашивается легче и интенсивнее, чем волокна растительного происхождения (лён, хлопок, конопля, крапива).

Комплекс процессов по крашению начинался с заготовки **красителя**. Его извлекали из свежего или высушенного природного сырья путём вываривания или выдерживания в воде. Заготавливали краситель в определённое время, учитывая особенности используемых красильных растений: листья собирали в начале июня, цветы – в период цветения, листья и ботву – до цветения, кору – весной, когда она легко отделяется, корни и коренья – или весной до цветения растения, или осенью.

Вторым этапом являлась **подготовка материала к крашению**. Для крашения использовали шерстяную нить натурального белого цвета из овечьей, реже – козьей шерсти. Самопряденую шерсть обезжировали в щёлоке или растворе соды и мыла. Домотканое полотно смягчили стиркой в щёлоке, суровые ткани предварительно отбеливали.

Третий этап крашения включал в себя два процесса: **приготовление отвара красителя и приготовление раствора протравы**. Последовательность этих процессов зависела от способа крашения: крашение с предварительной протравой, крашение одновременно с протравой или крашение с последующей протравой.

**Протрава** – это соли металлов, а **протравливание** – нанесение солей металлов на текстильные волокна. Некоторые природные красители сами по себе очень стойкие и не требуют протравливания. Для прочного



соединения с волокном большинству натуральных красителей требуется обработка ткани или пряжи солями различных металлов (в основном алюминия, меди, железа, хрома, олова). Меняя способ протравливания и саму протраву, мастер мог получать различные цвета, используя один вид сырья.

Коми (зыряне) при крашении в качестве протрав использовали: квасцы, которые также применяли при выделке шкур; медный и железный купорос; серный колчедан и болотную руду, содержащую окись железа. Также использовали жижу из-под точильного камня.

Для приготовления отвара красителя подготовленное сырьё заливали водой, доводили до кипения и выдерживали на слабом огне. Цветы и травы «томили» 30 минут, кору, шишки и корни – 2–4 часа. На 100 г пряжи готовили в среднем 3–4 л красильного раствора.

В качестве закрепителя при выварке красителя или промывке материала после крашения добавляли уксусную кислоту или кислый хлебный квас, что делало итоговый цвет ярче и насыщенней. Для намеренного затемнения цвета окрашенную пряжу опускали в щёлок либо щёлок добавляли при выварке красителя из сырья. Также в процессе крашения добавляли поваренную соль.

В книге Г.А. Старцева «Революция и зыряне» описан процесс крашения одежды корой или глиной с добавлением керосина, отчего ткань приобретала блеск [7]. При крашении использовались естественные процессы брожения и квашения.

Следующий этап – **крашение**. Пряжу красили целыми мотками либо укладывали внутри тары рядами, пересыпая красителем. После окрашивания материал по итогу выполаскивали до стойкого цвета.

Для получения жёлтого цвета использовали корень подмаренника с одновременной протравой квасцами, сушёные цветы и листья дрока красильного с предварительной протравой квасцами и добавлением кислого хлебного кваса при крашении, мох зеленицу.

Оранжевый цвет получали при крашении бородачатым лишайником без протравы, берёзовым грибом, предварительно выщелоченным в горячей воде.

При крашении сушёными листьями берёзы или осины (с предварительной протравой квасцами и последующим закреплением щёлоком), а также при крашении корнем и ботвой конского щавеля получали различные оттенки зелёного цвета.

Для получения чёрного цвета использовали отвар свежего щавеля и кору ольхи, вываренную с добавлением болотной руды или жижи из-под точильного камня.



Синий цвет получался при крашении сушёными стеблями плауна с последующим закреплением в отваре сандала или щёлоче.

Оттенки красного получали при крашении соцветиями подмаренника с одновременной протравой квасцами, плодами брусники с той же протравой и корой лиственницы (перебродивший отвар с добавлением муки).

Коричневый цвет – естественный цвет шерсти. Также его получали посредством крашения белой шерсти в отваре коры ольхи.

Красильщики также использовали технику комбинированного крашения, при котором материал окрашивался последовательно в разных красильных отварах для получения желаемого цвета.

Коми (зыряне) – народ промысловый, знания о красящих свойствах растений они использовали и в промысловой деятельности: отвар из коры и листьев растений – для дубления кожи. Рыболовы красили природным сырьём снасти. По словам М.В. Попова (Корткеросский район, с. Вомын, 1962 г.), отец его и дед красили рыболовные сети в жёлто-коричневый цвет отваром берёзового листа с уксусом.

Процесс крашения занимал довольно много времени, т.к. состоял из ряда этапов, и не гарантировал получение желаемого цвета, поскольку результат зависел от множества факторов (вида красителя, времени и формы его заготовки, жёсткости воды). Поэтому с появлением на рынке в конце XIX в. искусственных красителей, которые пёстро, а главное – быстро, окрашивали волокна как растительного, так и животного происхождения, натуральные красители отошли на второй план. Ремесло натурального крашения стало забываться, а вскоре кануло в лету.

Лёгкость использования искусственных красителей привела к униобразию и потере колористических особенностей окрашенных предметов одежды коми (зырян) уже в конце XIX – первой трети XX века. Отметим, что процесс этот носил общий характер для всех регионов России.

Взросший интерес к традиционной культуре дал новый виток развития забытых и устаревших ремёсел и технологий. Активно идёт процесс из возрождения, сохранения и развития. Натуральное крашение – одно из таких направлений.

Как у нас в стране, так и за рубежом, почти полтора века предпочтение отдавалось искусственным красителям, поскольку они обеспечивают стабильную окраску при незначительном количестве красителя и имеют низкую стоимость. Сегодня отношение к искусственным красителям меняется. Это связано с тем, что они чрезвычайно неустойчивы к воздействию солнечных лучей, щёлочей и даже воды. Кроме того, ткани, окрашенные некоторыми искусственными красителями, могут навредить человеку, чего не происходит при использовании натуральных красителей.



Естественное крашение – это возможность самостоятельного окрашивания текстильных материалов, а всё, что нужно для создания красителя, буквально растёт «под ногами».

Процесс создания натурально окрашенного текстиля является экологически безопасным: от происхождения материала-красителя до простоты утилизации и возможности повторного использования. Также не требуются дополнительные затраты на производство растительных красителей – большинство из них произрастает повсеместно.

Забытые сегодня ремёсла имели практику использования в повседневной жизни и были востребованы: технологии естественного окрашивания натуральных материалов применялись для окрашивания шерстяной нити для вязания, льняных и конопляных полотен для пошива одежды. С уходом практики использования этих ремёсел и появлением более дешёвой и быстрой альтернативной технологии исчезло и само ремесло.

Восстановление забытых ремёсел и технологий требует разработки актуальной методики их изучения и применения в нынешней среде, что позволит этим направлениям развиваться и найти свою нишу в современной культуре.

\* \* \*

1. *Голицин Н.Д.* Обзорение Печорского края архангельским губернатором действительным статским советником князем Н.Д. Голицыным летом 1887 года. – Архангельск, 1883.

2. *Старцев Г.* Революция и зыряне. (Культура и быт) // Революция в деревне. – М.; Л., 1924.

3. *Шушунова Г.В.* Народное искусство коми: узорные тканье, вязание, вышивка // Советская этнография. – 1960. – № 2. – С.57–70.

4. *Романова Г.Н.* Традиционные домашние ремёсла и кустарные промыслы коми (конец XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 1975.

5. *Грибова Л.С.* Декоративно-прикладное искусство народов коми. – М.: Наука, 1980.

6. *Гагиева Н.Г.* Технологический процесс крашения шерстяной пряжи в традиции коми (зыряне) конца XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (21): в 3 ч. – Ч. II. – С.48–51. – URL: [http://scjournal.ru/articles/issn\\_1997-292X\\_2012\\_7-2\\_11.pdf](http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_7-2_11.pdf) (дата обращения: 31.10.2019).

7. *Старцев Г.* Указ. соч. – С.112.



УДК 930.2:913

**В.И. Силин,**

*д-р геогр. наук, гл. научный  
сотрудник Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**В.В. Кучева,**

*ФГБОУ ВО «Сыктывкарский  
государственный университет  
имени Питирима Сорокина»*

### **СВЕДЕНИЯ О ЗЫРЯНАХ В ПЕРВЫХ РУССКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ**

Первые русские географические словари («лексиконы») были опубликованы в конце XVIII – начале XIX в., по ним можно представить уровень развития географической науки на тот период времени. В каждом словаре мы можем найти сведения о народах, проживавших на территории Европейского Севера России, в том числе о зырянах (коми).

Первый в России «Географический лексикон Российского государства» был издан в 1773 г. Верейским воеводой Фёдором Афанасьевичем Полуниным (1735 или 1736 – не позднее 1788). Ф. Полунин после окончания Сухопутного шляхетского корпуса был определён «к гражданским наукам». В августе 1756 г. был выпущен из корпуса в чине армейского поручика для определения на вакантную секретарскую должность. В 1764 г. – коллежский асессор и секретарь Сената, в 1765–1781 гг. – воевода в г. Верея Московской губернии, с 1779 г. – надворный Советник [1]. Занимался литературными переводами с европейских языков. Находясь на службе, издал «Географический лексикон...», составленный на основе сведений, напечатанных Г.Ф. Миллером в «Ежемесячных сочинениях», «Географии» А.Ф. Бюшинга и ряде других источников. Словарь был посвящён Великой Государыне Екатерине II. В 1770 г. «Лексикон» был сдан автором в типографию Московского университета; по инициативе книгоиздателя Х.Л. Вера и с согласия Полунина был отредактирован и значительно дополнен Ф. Миллером и опубликован с его предисловием (1773). В Предисловии Ф. Миллер даёт оценку истории создания словаря: во-первых, он подчёркивает актуальность и даже «запоздалость» издания, во-вторых, отдаёт первенство создания словаря Ф. Полунину, подчёркивая значимость своего





личного участия; в-третьих, выделяет независимость данного «Лексикона» от составленного ранее и неопубликованного словаря В.Н. Татищева.

Как отмечается на титульном листе, в лексиконе указаны реки, озёра, моря, горы, города обширной Российской империи. В наше время описание гор, рек, заводов и т.д. имеет очень важное значение как показатель формирования географических представлений о развитии природы и государства. В «Лексиконе», в том числе, описаны народы, проживавшие на обширной территории государства. Наши предки в словаре Полунина описаны очень кратко: «Сыряны, народ с пермяками одного языка, да следовательно и одного происхождения, живет по р. Вычегде, и по впадающим в оную рекам, обращен в одно время с Пермьяками в Христианскую веру. Мужики говорят также по русски, но женщины русского языка мало знают» [2].

Из городов нашему читателю будут интересны описания Архангельска, Вологды, Великого Устюга. Описания Усть-Сысольска у Полунина нет, потому что статус уездного города Усть-Сысольский погост получил только в 1780 году.

Интересны исторические данные, которые приводит Полунин для топонима «Пермь»: «... Имя Пермь сей стране осталось от древней северной области Биармии, которая еще до Рюрика, праотца Великих князей Руссийских, имела собственных своих государей, мужеством и войнами славных, и простиралась от рек Вишеры и Печоры к западу даже до Финляндии. Но со временем вся оная страна подвластна стала Новгороду, а потом Великим Князем Руссийским. В государствование Великого Князя Димитрия Ивановича Донского проповедана впервые в Пермии Христианская вера Святым Стефаном первым Епископом Великопермским, который пребывание свое имел на устье реки Выма, впадающей в реку Вычегду, а Вычегда в Двину, и преставился в Москве в 1396 году. По причине, что сия страна прежде принадлежала к Новгороду, то хотя уже совершенно покорен был Великим Князем Руссийским, но утвержденный в Москве Новгородский приказ еще и долго после того, и даже до времени Государя Императора Петра Великого, правил всеми оными областями, которые когда от Новагорода зависели. В том числе была и Пермь и главное воеводское правление было в Чердыне. Грамоты от Государя писались в Великую Пермь к воеводе Имреку, а разумелось в Чердынь. Жители называются Пермьяки, которые, как и однородцы их Сыряне Сольвычегодского уезда, говорят особым языком, на котором Святыи Стефан Великопермский, как в житии его напечатано, преложил божественные книги, и особливую на то азбуку выдумал. Но сих трудов его и азбуки никаких следов не осталось. Великою называлась Пермь, не токмо по великой ее обшир-



ности, но и потому что есть в Сольвычегодском уезде, одна Сырянская волость под именем Малая Пермца, чем сверх сходства языков и доказывається, что Сыряне от Пермьяков не различны, но что оба за один народ почитаемы быть должны» [3].

В 1792 г. был издан «Географический, исторический, политический и гражданский лексикон» В.Н. Татищева (написан словарь был ещё в 1744 г.) [4].

Василий Никитич Татищев (1686–1750) в представлении не нуждается – основатель многих городов, государственный деятель, воин, историк – автор первого капитального труда «История Российская», географ. Род Татищевых происходил от Рюриковичей.

Известный специалист по истории географии О.А. Александровская пишет: «Ещё до его опубликования, с “Лексиконом” Татищева были знакомы не только профессора Академии наук, но и более широкий круг русских учёных. Известно, что список этого труда имели И.Н. Болтин (1735–1792), П.И. Рычков (1712–1777), знал его и М.М. Щербатов (1753–1790)... В 1793 г. “Лексикон Российский” был опубликован в незавершённом виде (до слова “ключник”), спустя 40 лет со времени смерти автора. И хотя “Лексикон” Татищева вышел в свет после “Географического лексикона Российского государства” Ф. Полунина (М., 1773; с поправками, дополнениями и предисловием Г.Ф. Миллера) и несколько более полного “Географического словаря” Л. Максимовича (СПб., 1786–1789), и по времени создания и по времени бытования “Лексикон Российский” вошёл в научный оборот раньше обоих указанных словарей. К тому же труд Полунина, имевший статьи от А до Я, по объёму был существенно меньше работы Татищева» [5].

В лексиконе В.Н. Татищева отмечается: «Зыряна река, течет в Вычегду», «Зыряне народ сарматсой, в Вычегодском уезде, преже с протчими Пермы именованы, и большая часть Стефаном крещены, несколько доднесь осталось» [6]. В других словарях река Зыряна не упоминается. Расшифровка топонима «Зыряне» имеет давнюю историю, но оставим это специалистам-филологам [7].

В 1788–1789 гг. выходит 6-томный словарь Российского государства Льва Максимовича [8].

В этом словаре есть упоминание об Усть-Сысольске: «Усть-Сысольск, с 1780 года город Вологодского наместничества, преже бывший волостью, лежит при реке Сыsole, которая ниже его впадает в Вычегду, расстоянием от С-Петербурга в 1 400, от Москвы в 1 300, а от Вологды в 876,5 верстах. В оном бывает годовая ярмарка ноября с 26 по 29 число, на которой скупают у промышленников мягкую рухлядь» [9]. Также упо-



мянуты зыряне: «Зыряне, народ, находящийся в соседстве и наибольшем поколенном сродстве с Пермьями, живут по большей части по рекам: Вычегде, Выму и Сысолу. Они отправляют весьма скудное земледелие. Многие из них вместе с Остяками, переправившись через Уральский хребет, удалились к Оби, а другие в старых местах остались. Как они, так и Пермьяки обращены в XIV в. в Христианскую веру, почему отправляется у них и Божия вера на словенском языке, на котором имеют также потребные для закона книги. Как в нравах, так и в образе жизни от русских не отличаются» [10].

Хотелось бы ещё упомянуть интересное издание, вышедшее через несколько лет – Географический словарь Российского государства, составленный Львом Максимовичем (1-й том, совместно с А. Щекатовым) и Афанасием Щекатовым (все тома) 1801–1809 гг. в 7 томах [11]. В этом издании даны подробные характеристики различных регионов обширной Российской империи. Несмотря на то, что к этому времени практически не было достаточно подробных сведений о нашем крае, кроме характеристики, приведённой в описаниях своего путешествия И.И. Лепехиным, В. Щекатову удалось собрать интереснейший материал, характеризующий территорию и народ, на ней проживающий.

Открыв страницу, где приведено описание Усть-Сысольска, узнаём не совсем точные, но интересные данные: «Уездные жители упражняются в земледелии и крестьянском домостроительстве: а по большей части в звериных промыслах, как в ловле медведей, волков, оленей, рысей, росомах, красных лисиц, куниц, норок, зайцев, горностаев, а наипаче белки. Добытое продают приезжающих разных мест купцам, чистой белки по 40 рублей, полубелки по 20 рублей, зелени по 10 рубл. сотня: коей иногда бывает до трех тысяч и более. Сверх того больше-семейных, некоторые находятся, для имеющих в сем уезде железных заводов, в добывании руды, извести, в рубке дров, в жжении угля, и прочих обыкновенных заводских работах. Некоторых же волостей жители, как выше помянуто, ставят дрова на Сереговский соляной завод: а некоторые отходят по паспортам, в разные Российские города и Сибирь; а по большей части на барках и судах к городу Архангельску» [12]. Как видно из этой записи, в крае шёл активный отток населения как на восток, так и к Архангельску.

Про жителей в этой заметке написано немного: «Жители сея округи, только тем от прочих отличаются, что потребляют язык Зырянский, и в нравах своих пред обывателями других округ, грубее» [13]. Вместе с тем в части словаря есть характеристика термина «Зыряне», которой посвящены много страниц. Полное описание зырян будет опубликовано в журнале «Дым Отечества». Здесь А. Щекатов рассматривает, основываясь



на многочисленных литературных источниках, процесс происхождения понятия «зыряне», формирования этнической территории, а в заключение пишет: «Что же следует до образа тех зырян жизни, то они как в оной, так и в платье живут опрятнее прочих Вологодской губернии деревенских жителей: молодые из них бреют бороды, а старые ходят не бривши; женщины их особливо опрятны: они исправляют мужские работы, как то: пашут землю и косят траву, да и ездят на лошадях верхом» [14].

Рассмотрение работ А. Полунина, В. Татищева, Л. Максимовича и А. Щекатова позволяет сделать вывод о достаточно полной информации, имеющейся в столице в начале прошлого века и касающейся занятости местного населения, природных ресурсов и других показателей.

\* \* \*

1. *Лазарчук В.М.* Фёдор Афанасьевич Полунин. – URL: [https://russian\\_xviii\\_centure.academic.ru/654/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD\\_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80\\_%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87](https://russian_xviii_centure.academic.ru/654/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80_%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87)

2. *Полунин Ф.А.* Географический лексикон Российскаго государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и прочия достопамятныя места обширной Российской империи. – М., 1773. – С.376.

3. *Полунин Ф.А.* Указ. соч. – С.246.

4. *Татищев В.Н.* Лексикон Российский исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения / под ред. С.Н. Валка. – Л.: Наука, 1979. – С.153–360.

5. *Александровская О.А.* Первый русский энциклопедический словарь и его географическое содержание // Годичная научная конференция. – М.: Диполь-Т, 2003. – С.452–454.

6. *Татищев В.Н.* Указ. соч. – Т.3. – С.60.

7. *Цыганов Е.А.* Зыряне – загадочный этноним // Родники пармы. – Сыктывкар, 1990. – С.19–22.

8. *Максимович Л.М.* Новый и полный географический словарь Российскаго государства: в 6 ч. – М.: Университетская типография Н. Новикова, 1788–1789.

9. *Максимович Л.М.* Указ. соч. – С.87.

10. *Максимович Л.М.* Указ. соч. – С.62.



11. Географический словарь Российскаго государства, сочиненный в настоящем онаго виде: в 7 ч. / Л.М. Максимович; А. Щекатов. – М.: В Университетской типографии, Хр. Клаудия, 1801–1809.

12. Усть-Сысольск. Зыряне // Географический словарь Российского государства / собран А. Щекатовым. – М., 1808. – Ч.6. – Т.1. – С.639–642.

13. Усть-Сысольск. Зыряне... – С.646.

14. Усть-Сысольск. Зыряне... – С.646.



УДК 930.2:314(470.13)

**Д.В. Вишнякова,**

*канд. ист. наук, ст. научный  
сотрудник сектора историко-  
демографических и историко-  
географических исследований  
Российского Севера Института  
языка, литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ  
г. УСТЬ-СЫСОЛЬСКА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ  
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ  
НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.**

Состав населения по полу и возрасту – одна из основных его характеристик. Половозрастная структура населения существенно влияет на величину демографических явлений. В данной статье рассматривается половозрастной состав жителей уездного города Усть-Сысольска Вологодской губернии в конце XIX века. Источником, содержащим наиболее полную информацию по данной проблеме, является первая Всеобщая перепись Российской империи (1897). Перепись 1897 г. позволяет установить численность населения, его состав, соотношение мужского и женского населения, определить возрастную структуру населения и др.

Половозрастная структура населения Европейского Севера России второй половины XIX – начала XX в. рассматривалась в исследованиях Д.И. Пинаевского, А.М. Рогачева [1]. Также на основании данных переписи 1897 г. проанализирован состав населения отдельных регионов по полу и возрасту [2]. Вопрос о половозрастной структуре населения Коми края является одним из малоизученных среди проблем историко-демографического развития региона и требует особого внимания исследователей.

В конце XIX – начале XX в. в России происходили значительные экономические, социальные и демографические изменения. Рост населения в целом, увеличение темпов его прироста, переселения жителей из сельской местности в города – всё это вело не только к повышению численности городов, но и к изменениям в сословной, возрастной и трудовой структуре городского населения. В рассматриваемое время Усть-Сысольск являлся уездным городом Вологодской губернии. По данным Переписи 1897 г.,



в нём насчитывалось 4 464 человека наличного населения, всё городское население в Вологодской губернии составляло 62 982 человека [3]. По численности Усть-Сысольск находился на 4-м месте среди других городов губернии, его население в 1897 г. составляло около 5% от численности всего уезда.

На состав населения по полу и возрасту оказывают влияние такие факторы, как соотношение между числом родившихся мальчиков и девочек, различия в смертности мужчин и женщин, миграционные процессы, потери населения в войнах. На каждые 100 девочек рождается в среднем 104–105 мальчиков. Однако вследствие более высокой, как правило, смертности людей мужского пола к зрелым возрастам соотношение мужчин и женщин постепенно выравнивается, а в старших возрастах начинают численно преобладать женщины [4].

Абсолютная численность мужского населения г. Усть-Сысольска составляла 2 103 человека, женского – 2 361 человек. В целом городское население Вологодской губернии насчитывало 31 587 мужчин и 31 395 женщин. Преобладание женского населения в Усть-Сысольске было вызвано не только большей смертностью мужского населения, но и хозяйственной деятельностью мужчин, их оттоком в другие регионы, развитием отхожих промыслов. Удельный вес мужчин составлял 47%, женщин – 53% от общей численности города. Таким образом, в соотношении полов наблюдался перевес женского населения.

В целом по Усть-Сысольску на 1 000 мужчин приходилось 1 123 женщины. В городском населении всей Вологодской губернии мужское население незначительно преобладало над женским (994 женщины на 1 000 мужчин). Мужской перевес наблюдался в следующих городах: Вологде (973 женщины на 1 000 мужчин), Никольске (905 на 1 000), Сольвычегодске (980 на 1 000), Тотьме (836 на 1 000). В остальных городах превалировало женское население. Вологда, Кадников, Никольск, Тотьма, Вельск, Сольвычегодск, Великий Устюг были городами, в которых мужчины преобладали в самых активных трудоспособных возрастных группах. Можно предположить, что это достигалось за счёт пришлого мужского населения, приходившего в эти города на заработки [5].

Материалы *рис. 1* показывают число женщин, приходящихся на 100 мужчин в отдельных возрастных группах по г. Усть-Сысольску в 1897 году. В самой младшей возрастной группе соотношение полов было практически равным. В следующей категории наблюдался перевес мужского населения. Во всех остальных возрастных группах численность женщин преобладала. Наибольшая разница в дисбалансе полов проявлялась в возрасте от 30 лет. Во всех трудоспособных возрастах существенно превалировало

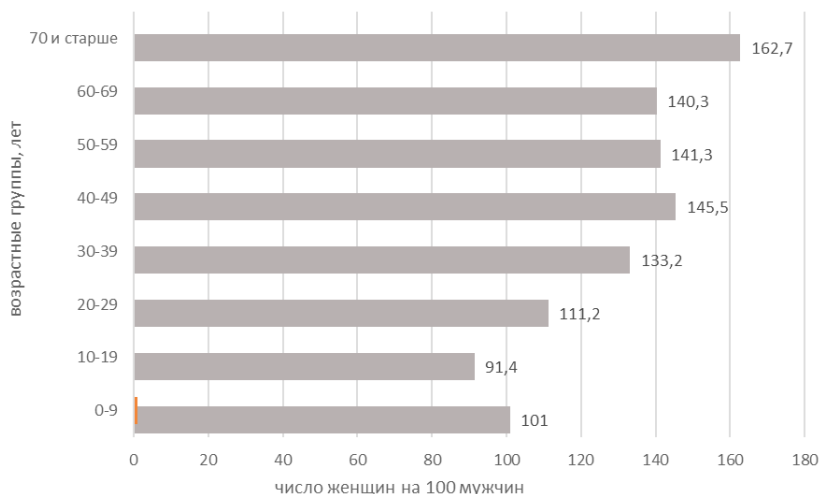


Рис. 1. Соотношение численности полов (число женщин на 100 мужчин) в отдельных возрастных группах населения г. Усть-Сысольска, 1897 г. [6]

женское население, что было связано в значительной степени с уходом мужчин данных возрастов на заработки.

Перевес численности женского населения влиял как на трудовую, так и на брачную структуру. Из материалов рис. 1 видно, что в основных брачных возрастах наблюдался определённый дисбаланс полов в сторону превалирования женского населения. Ситуация на «брачном рынке» для невест была не столь выигрышна, как для женихов. Выраженный дефицит мужского населения во всех взрослых группах от 20 лет определённым образом сказывался на асимметрии брачного статуса, проявлявшейся в более весомом удельном весе состоявших в браке мужчин и значительном проценте вдов среди женщин [7].

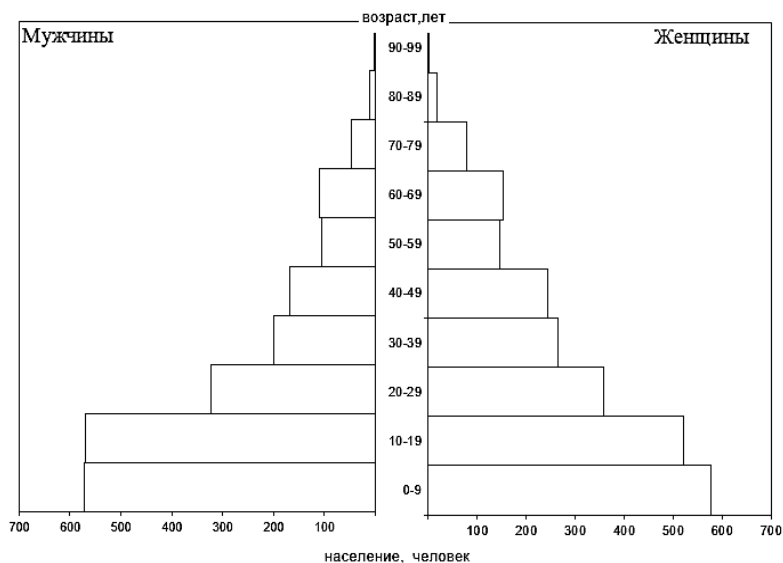
Используя графическое изображение пирамиды, мы можем наглядно представить половозрастную структуру населения в изучаемый период. По вертикальной оси возрастной пирамиды отсчитывается возраст. Численность половозрастных групп изображается прямоугольниками, располагаемыми один над другим (в порядке нарастания возраста): слева – для мужчин, справа – для женщин. Высота прямоугольника равна величине возрастного интервала, длина соответствует численности. Длина прямоугольной горизонтальной полосы зависит от действия трёх факторов: от численности поколений при рождении, от сокращения населения за счёт смертности и от миграций населения.





*Рисунок 2* отражает прогрессивный тип структуры населения. Согласно классификации Г. Зунберга возрастная структура населения может быть поделена на три поколения: дети, родители и прародители. При прогрессивном типе возрастной структуры удельный вес детей превышает удельный вес прародителей, в населении осуществляется расширенное воспроизводство [8]. В 1897 г. для возрастной структуры жителей Усть-Сысольска была характерна высокая доля детских и юношеских возрастных групп. По материалам *таблицы*, удельный вес лиц в возрасте до 20 лет составлял половину от общей численности горожан. Далее, как видно из представленной на рис. 2 половозрастной пирамиды, численность населения резко сокращалась, при этом данная тенденция среди мужского населения была выражена в большей степени. Удельный вес жителей в возрастных группах 20–39 лет составлял 25,6% от численности всего города. В более старших возрастных группах численность населения продолжала снижаться. Таким образом, наблюдалась модель населения с высокой рождаемостью и низкой продолжительностью жизни.

Данные таблицы о распределении населения г. Усть-Сысольска по возрастным группам в 1897 г. были сопоставлены нами с аналогичными



*Рис. 2.* Половозрастная структура населения г. Усть-Сысольска, 1897 г. [9]



*Распределение населения г. Усть-Сысольска  
по возрастным группам в 1897 г., %*

Возрастные группы	Удельный вес, % к общей численности населения	Возрастные группы	Удельный вес, % к общей численности населения
0–9 лет	25,8	40–49 лет	9,2
10–19 лет	24,4	50–59 лет	5,6
20–29 лет	15,2	60 лет и старше	9,4
30–39 лет	10,4	Итого:	100

*Расчитано по:* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вологодская губерния. Тетр. 1. – СПб., 1901.

материалами, касающимися всего городского населения Вологодской губернии [10]. В среднем по городскому населению губернии доля лиц в возрастных группах 0–9 и 10–19 лет была ниже – 19,2 и 22,8% соответственно. А удельный вес городских жителей всей губернии в возрастных группах 20–39 лет составлял 32,2%, что было значительно выше, чем по г. Усть-Сысольску. В более старших возрастных группах существенных отличий выявлено не было. Таким образом, в связи с большим удельным весом детских и юношеских групп в возрастной структуре Усть-Сысольска его население в конце XIX в. было более «молодым», чем в среднем всё городское население губернии. Однако доля лиц в молодых трудоспособных возрастах по городу была ниже, чем в среднем по городам Вологодской губернии, что, по всей видимости, являлось следствием значительного оттока на другие территории работоспособной части жителей, в основном мужской. В связи с этим демографическая нагрузка в конце XIX в. по г. Усть-Сысольску значительно превышала среднероссийские показатели. По данным переписи 1897 г., в Усть-Сысольске на 100 лиц в рабочем возрасте доводилось 120 человек в нерабочих возрастах (96 детей и 24 пожилых) [11].

Анализ половозрастной структуры населения г. Усть-Сысольска по переписи 1897 г. показал её традиционный характер: преобладание в составе удельного веса детей и подростков, лиц молодых взрослых возрастов. Выявленный дисбаланс полов и уменьшение доли мужского населения, начиная с возрастных групп от 20 лет и старше, оказывали влияние на широту брачного выбора и в конечном итоге брачную структуру городского населения. Также данные явления сказывались и на трудовой структуре населения Усть-Сысольска, снижая долю мужчин трудоспособных возрастов и повышая удельный вес женского населения данной категории.



\* \* \*

1. *Пинаевский Д.И.* Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 1999; *Рогачев А.М.* Города Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2005.

2. *Ахтямова А.В.* Состав и структура занятости населения города Стерлитамак Уфимской губернии (по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2017. – № 4. – С.35–40; *Бадоев А.Д.* Половозрастная структура населения Северной Осетии в 1897 и 2010 гг.: сравнительный анализ // Вестник Владикавказского научного центра. – 2014. – Т.14. – № 3. – С.43–46; *Васина Т.А.* Пудемский завод в материалах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2 (64). – С.57–61; *Песковский завод* в материалах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4 (16). – С.83–90.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вологодская губерния. Тетр. 1. – СПб., 1901.

4. *Харченко Л.П.* Демография: учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2009. – С.89.

5. *Пинаевский Д.И.* Указ. соч.

6. Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вологодская губерния. Тетр. 1. – СПб., 1901.

7. *Вишнякова Д.В.* Брачная структура населения города Усть-Сысольска (по материалам переписи 1897 года) // Историческая демография. – 2015. – № 1 (15). – С.10.

8. *Харченко Л.П.* Указ. соч. – С.94.

9. Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вологодская губерния. Тетр. 1. – СПб., 1901.

10. *Пинаевский Д.И.* Указ. соч. – С.153.

11. *Вишнякова Д.В.* Трудовая структура населения Коми края в конце XIX – начале XX века // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. – Сыктывкар, 2013. – Вып. 72. – С.45.



**И.И. Ластунов,**  
канд. ист. наук, доцент  
кафедры конституционного  
и муниципального права  
ГОУ ВО КРАГСиУ

### **ПЕЧОРСКИЙ УЕЗД НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КОМИ КРАЕ (конец 1917 – начало 1918 г.)**

События гражданской войны, развернувшиеся на территории Печорского уезда, имели ряд особенностей по сравнению с другими уездами Коми края. Уезд входил в состав Архангельской губернии и в экономическом отношении полностью зависел от Архангельска, прежде всего в поставках хлеба. После белогвардейского переворота в Архангельске в августе 1918 г. уезд оказался (ранее других уездов края) в зоне боевых действий.

Население Печорского уезда имело более резкую, чем в других уездах Коми края [1], классовую дифференциацию, что предопределило наиболее ожесточённый характер боевых действий на его территории.

К 1917 г. в уезде почти не осталось политических ссыльных. Перед началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. политссыльные Печоры разъехались, а в годы войны ссылка не пополнялась. Из политических ссыльных в уезде осталось несколько человек по семейным обстоятельствам: Н.И. Зыков, В. Шохин, А. Томилов, кроме того, несколько членов «артели оселочников»: С.Н. Калмыков, Н.Е. Сапрыгин, М. Воев, Г.С. Юрченков и др. [2]. Они были разбросаны по всему уезду, почти не связаны друг с другом, заметной политической роли не играли, занимаясь больше хозяйственной, чем политической деятельностью. Октябрьский переворот в Петрограде Печорское уездное земское собрание встретило крайне отрицательно и 28 октября обратилось с антибольшевистским воззванием к населению уезда: «До сведения уездного собрания дошло, что в Петрограде кучка людей большевиков (так в тексте. – *Примеч. авт.*) затеяла мятеж, арестовала Временное правительство. Обсудив положение, Печорское уездное земское собрание обращается ко всем гражданам уезда с призывом сохранять полное спокойствие, не верить разным вздорным слухам, распространяемым врагами народа... Уездное земское собрание приняло



постановление не подчиняться той власти, которая будет организована большевиками» [3].

На наш взгляд, совершенно очевиден тот факт, что земства всех трёх уездов Коми края заняли резко негативную позицию по отношению к захвату власти большевиками. Учитывая, что в 1917 г. в Печорском уезде организаций партии социалистов-революционеров (далее – ПСР) и других партий не сложилось [4], объяснить неприятие большевистского переворота влиянием эсеров или иных партий нельзя. Выборы в Учредительное собрание, прошедшие в Архангельской губернии 12–14 ноября 1917 г., показали рост популярности в уезде партии эсеров, одержавшей убедительную победу на выборах. Можно согласиться с М.В. Таскаевым, считающим, что в 1917 г. крестьяне видели в ПСР единственную силу, способную решить извечный крестьянский вопрос о земле [5].

Учреждения Временного правительства продолжали функционировать в уезде до марта 1918 года. Как и в Яренском и Усть-Сысольском уездах, главными противниками земств здесь стали бывшие политссылные и демобилизованные. Правда, первые больше занимались торговлей и промыслами [6], а вторые, несмотря на их многочисленность [7], по мнению Н.И. Зыкова, были отчаянно темны и малограмотны. 25 февраля 1918 г. в с. Мохча состоялось общее собрание крестьян, которое приняло решение о ликвидации волостного земства и создании совета [8]. Однако из 5 тыс. жителей Мохченской волости первоначально в выборах участвовало 150 человек. Вторичные выборы с участием уездного комиссара Г. Недашковского собрали 496 человек: 420 проголосовали за советы, 76 – против [9]. Однако, убедившись в победе совета, в него, по мнению Н.И. Зыкова, «полезли и кулаками и чёрная сотня, и вся эта рвань, которая прежде орала: “Не надо нам советов, земство – то же, что и Совет”» [10]. Участие в выборах не более 10% населения волости и быстрая переориентация противников советов от отрицания до вхождения в их состав позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, основной массе населения (90%) было абсолютно безразлично, какой орган власти будет ими управлять, земства или советы, т.к. они просто не понимали, в чём состоит их различие. Во-вторых, так называемым кулакам, в принципе, тоже было безразлично, кто управляет в уезде, – земства или Советы, лишь бы данные органы защищали их и не ограничивали их экономические интересы.

В марте 1918 г. постановлением Архангельского губисполкома были упразднены губернские земства и поступило распоряжение организовать в Печорском уезде уездный и волостные советы.

Двенадцатого марта 1918 г. уездный комиссар Г. Недашковский специальным указанием разрешил организовать на местах волостные советы,



если население пожелает заменить земские управы советами (т.е. не выполнил распоряжение Губисполкома. – *Примеч. авт.*). В конце марта 1918 г. уже в 8 волостях действовали волостные советы [11]. Деятельность первых волостных советов протекала в атмосфере противостояния советов и зажиточного крестьянства, недовольного проводимой советами политикой реквизиций и конфискации [12].

Четырнадцатого марта 1918 г. в с. Усть-Цильме возникла уездная фракция партии большевиков в составе 20 человек. Инициатором её создания был приезжавший из Москвы большевик А. Логинов. Председателем фракции был избран Алексей Хатанзейский [13]. Ранее данная фракция не была создана, очевидно, из-за конфликта Н.И. Зыкова и Б.К. Кендзерского (Кенезерского), занимавшихся торговой деятельностью, с другими политически значимыми [14].

Советы крестьянских депутатов создавались на Печоре по инициативе как большевиков, так и представителей некоммунистических партий (эсеров, левых эсеров). Так, из пяти членов Мохченского волысполкома трое были большевиками, а двое – левыми эсерами [15].

Кроме волостных советов, в середине марта в Усть-Цильме был образован временный уездный Совет крестьянских депутатов, куда вошли руководители уездной земской и продовольственной управы. Представители самой крупной политической организации уезда – фракции большевиков – в данный совет, несмотря на все их усилия, не вошли.

Семнадцатого марта 1918 г. фракция большевиков вновь обсудила вопрос о вводе своих представителей в уездный Совет и взятии власти в уезде в свои руки, но собрание было разогнано местными жителями. Двадцать первого марта Печорская уездная фракция обратилась к Архангельскому Губисполкому с просьбой прислать оружие для организации боевых дружин с целью организации борьбы против местной контрреволюции [16].

В марте 1918 г. в уезде началась вооружённая борьба за советы между сторонниками и противниками большевиков. Первой жертвой этой борьбы стал Н.И. Зыков. Мотивами его убийства, по версии П.П. Доронина, А.А. Попова, Е.П. Королевой и ряда других историков, стала политическая и социально-экономическая деятельность, направленная на установление Советской власти в крае [17]. По версии Следственной комиссии Архангельского губисполкома, причиной убийства Н.И. Зыкова стала его спекулятивная деятельность по продаже населению дефицитной мануфактуры и соли [18]. Данный факт говорит о том, что борьба между различными политическими группировками в уезде носила не только идеологический, но и экономический (борьба за рынки сбыта) и межличностный характер (Н.И. Зыков во время первого нападения на него случайно убил проходив-



шую мимо женщину [19], что могло послужить поводом для личной мести. – *Примеч. авт.*)

23–25 мая (по старому стилю) 1918 г. заседал I съезд крестьянских депутатов Печорского уезда, на который съехались делегаты 20 его волостей [20]. Красноборский Совет крестьянских депутатов делегировал своих представителей на съезд, дав им наказ: «1) после объявления III Всероссийским съездом советов государство Российское считается Российской Федеративной Советской Республикой; 2) единственной верховной властью в республике признаём Совет Народных Комиссаров.; 3) ... для защиты интересов трудящихся масс необходимо на местах организовать советы.; 4) советы должны быть истинно демократичными, а потому никоим образом не может быть среди нас места кулакам, спекулянтам и саботажникам против Советской власти; 5) требуем упразднения земства в уезде; 6) для поддержания порядка как в центре, так и на местах вооружить выборную народную милицию» [21]. По версии С.В. Вайровской, I съезд ограничился лишь выбором уездного исполкома [22]. По данным П.П. Доронина, съезд вынес решение признать власть советов и распустить учреждения свергнутого Временного правительства. Земская, продовольственная управы и уездный земельный комитет были распущены. В апреле–мае 1918 г. в большинстве волостей уезда произошла реорганизация волостных земских управ в волостные Советы. В Усть-Цилемской волости эта реорганизация затянулась до середины июля 1918 года.

Тем не менее в 13 из 22 волостей наряду с советами продолжали существовать и земские управы. Это было результатом осторожной политики в отношении земств со стороны как Архангельского, так и Печорского советов. Руководство данных органов считало, что упразднение земств целесообразно лишь там, где советы могут приступить к организации хозяйственной жизнью и руководству ей немедленно. В результате процесс ликвидации земств, окончательный переход власти в руки советов, не был завершён, т.к. в августе на территории уезда уже появились первые белогвардейские отряды [23].

Во вновь избранный уездный Совет и отделы исполкома вошли бывшие земские служащие. По мнению П.Г. Доронина, «произошла смена вывески земства на вывеску советов, признание Советской власти было формальным» [24]. Аналогичной была ситуация в большинстве волостей. На наш взгляд, данное явление было закономерным. Вся политически активная и образованная часть населения (интеллигенция, духовенство, кулачество) уже была задействована в ведомствах, и других работников для советов просто негде было взять. Исключение составляли отдельные волости,



такие как Краснобор, Мохча, Ижма, Ухта. Здесь в Советах оказались бывшие политсылынные и демобилизованные солдаты.

Финансовое положение советов было плачевным: у них практически не было средств. Единственным способом решения финансовых проблем стали реквизиции и денежные контрибуции, возлагаемые на местных богачей. Данные действия Мохченского, Ижемского и ряда других советов уезда привели к усилению вооружённой конфронтации между пробольшевистскими советами и сельской буржуазией [25]. В уезде задолго до прибытия белогвардейских отрядов сложились предпосылки гражданской войны.

\* \* \*

1. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУ РК «НА РК»). Ф.1346. Оп.1. Д.79. Л.1.

2. ГУ РК «НА РК». Д.79. Л.2; Д.71, Л.109.

3. ГУ РК «НА РК». Ф.1205. Оп.1. Д.2. Л.64.

4. *Таскаев М.В.* Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.). – Сыктывкар, 2000. – С.15.

5. *Таскаев М.В.* Указ. соч. – С.24.

6. Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (далее – КРГАОПДФ). Ф.446. Оп.1. Д.9. Л.36.

7. Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае (1917–1920 гг.): сб. документов и материалов. – Сыктывкар, 1966. – С.238.

8. Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае (1917–1920 гг.): сб. документов и материалов... – С.233–239.

9. Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае (1917–1920 гг.): сб. документов и материалов... – С.233–239.

10. Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае (1917–1920 гг.): сб. документов и материалов... – С.236.

11. *Таскаев М.В.* Указ. соч. – С.37.

12. *Таскаев М.В.* Указ. соч. – С.37.

13. ГУ РК «НА РК». Ф.1346. Оп.1. Д.82. Л.111.

14. КРГАОПДФ. Ф.446. Оп.1. Д.9. Л.36.

15. *Таскаев М.В.* Указ. соч. – С.37.

16. ГУ РК «НА РК». Ф.1346. Оп.1. Д.82. Л.111.

17. *Чупров В.И.* Коми край в трёх русских революциях. – Сыктывкар, 1985. – С.121.

18. КРГАОПДФ. Ф.446. Оп.1. Д.9. Л.36.





19. КРГАОПДФ. Ф.446. Оп.1. Д.9. Л.36.
20. ГУ РК «НА РК». Ф.1346. Оп.1. Д.82. Л.112.
21. Деятельность Советов Коми АССР. 1917–1985: сб. документов. – Сыктывкар, 1988. – С.26.
22. *Вайровская С.В.* Земства и Советы в 1917–1918 гг. (по материалам Коми края) // Научные доклады. – Сыктывкар, 1994. – Вып. 330. – С.21–22.
23. *Вайровская С.В.* Указ. соч. – С.22.
24. ГУ РК «НА РК». Ф.13.46. Оп.1. Д.82. Л.112.
25. ГУ РК «НА РК». Ф.13.46. Оп.1. Д.82. Л.113; *Терентьев А.Н.* Печора в гражданской войне. – Сыктывкар, 1933. – С.7–12.



**В.Н. Каракчиев,**

*мл. научный сотрудник*

*отдела отечественной истории*

*Института языка, литературы*

*и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ  
ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
ВОЛОСТНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ  
КОМИ АО В 1920-е гг.**

Волостные исполнительные комитеты (далее – ВИК), волисполкомы) были органами исполнительной власти, осуществлявшими в 1920-е гг. политику вышестоящих органов на местах. Важнейшей задачей этих аппаратов управления являлось социально-экономическое и культурное развитие волостей.

Цель данной статьи – осветить группы источников, касавшихся образования и функционирования волисполкомов Коми АО. Отметим, что источниковая база достаточно разнообразна и представлена как опубликованными [1], так и неопубликованными материалами. Значительное их количество сосредоточено в Национальном архиве Республики Коми (ГУ РК «НА РК») и Национальной библиотеке Республики Коми. Кроме этого, используются материалы из Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Государственного архива Архангельской области (далее – ГААО), архива Национального музея Республики Коми. Весь комплекс источников можно классифицировать по четырём группам.

В первую группу входят законодательные акты ВЦИК и СНК, изданные в Сборнике узаконений и распоряжений Правительства РСФСР, а также в Сборнике кодексов РСФСР. Эти документы позволяют изучить рамки правовой базы волисполкома, на основе которой построена вся его работа. Это касается выстраивания структуры органа власти, распределения обязанностей среди сотрудников, осуществления направлений деятельности, взаимодействия при работе с местным населением. Одним из первых следует отметить «Положение о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах». Этот правовой документ раскрывает информацию об организации волостных съездов советов, структуре и основ-



ных задачах ВИК. Также в него включены сведения о правах и обязанностях волысполкомов, формировании аппарата и личного состава, взаимодействии с другими учреждениями. Документ с поправками переиздавался 3 раза (1920, 1922, 1924).

В Собраниях [2] представлен весь комплекс законодательных документов, необходимых для осуществления деятельности ВИК на местах (Декрет о мире и земле, Конституции, Уголовный кодекс и др.). В нормативных актах содержится информация об организации волостных бюджетов, ликвидации неграмотности, налогообложении, проведении культурно-просветительной работы в деревне и др.

Вторую группу источников составляют делопроизводственные документы. Советский период представлен широким спектром их разновидностей: это постановления, протоколы, инструкции, отчёты, циркуляры ВЦИК, СНК, НКВД, Коми областных, уездных и волостных исполнительных комитетов (далее – ОИК, УИК, ВИК соответственно). Важной составляющей для исследования деятельности органов власти являются материалы съездов Советов (областных, уездных, волостных).

В помощь организации работы низовых аппаратов издавались инструкции и руководства, регулировавшие работу волостных органов власти [3]. В инструкциях указывался порядок выборов, направления деятельности и задачи волостных органов власти; давалось описание правильного заполнения различных книг, бланков и ведения отчётности; отмечались основные положения о подготовке материалов к сдаче в архив, хранении различных документов, пользовании архивными материалами и др.

Ценность представляют фонды областного и районных революционных комитетов: Ф.Р-1 (Коми областной революционный комитет), Ф.Р-2 (Усть-Вымский райревком), Ф.Р-161 (Усть-Сысольский райревком), Ф.Р-513 (Усть-Куломский райревком), Ф.Р-737 (Удорский райревком). В этих документах даётся информация об организации и установлении советской власти в регионе, а также решении социально-экономических проблем в волостях.

Самыми объёмными являются архивные материалы о политическом, экономическом и культурном состоянии волостей Коми АО. В документах архивных фондов уездных исполнительных комитетов (Ф.Р-8 (Ижмо-Печорский УИК), Ф.Р-6 (Усть-Куломский УИК), Ф.Р-7 (Усть-Вымский УИК), Ф.Р-9 (Сысольский УИК)) представлены акты обследования ВИКов, списки личного состава, отчёты о работе ВИКов и УИКов за 1920-е годы. В фонде Ф.Р-3 (Коми Областной исполнительный комитет) представлен широкий спектр документов по теме. Ценнейшими источниками являются отчёты Коми ОИК, УИК, ВИК; акты обследования ВИКов, данные о лич-



ном составе, о работе секций и т.д. Этот фонд позволяет почерпнуть материалы о развитии политических, социально-экономических и культурных процессов, происходивших в Коми АО в 1921–1929 годы. В фондах ВИК присутствуют материалы о формировании волисполкомов, личном составе, сферах деятельности, взаимодействии с вышестоящими органами власти [4]. В них представлены документы по развитию в волостях социально-экономической и культурной сфер.

Немаловажное значение для изучения работы низовых органов власти имеет их взаимодействие с партийными организациями (волостные ячейки). В Национальном архиве Республики Коми обнаружены протоколы партийных собраний и заседаний бюро, планы и отчёты, различные материалы о сотрудничестве с низовыми органами власти [5].

Интерес представляют делопроизводственные документы, обнаруженные в ГАРФ и ГААО. В фонде Ф.Р-393 (Народный комиссариат внутренних дел РСФСР) обнаружены акты обследования ВИКов Сысольского уезда за 1922 год. В Ф.Р-1235 (Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР) содержится Положение о волостных съездах советов и волисполкомах от 16.10.1924. В Ф.2325 (Временный организационный комитет ВЦИК по Северному краю) ГААО находятся документы, связанные с вопросами реорганизации административно-территориального деления, заменой уездов и волостей на районы и сёла, а также вхождением Коми АО в Северный край в 1929 году. Группа делопроизводственных материалов советского периода является самой многочисленной из всех видов указанных источников. Эти документы касаются процессов формирования и осуществления деятельности волисполкомов на местах.

Третья группа включает в себя материалы местной печати. Список возглавляет областная газета «Югид туй» (Светлый путь). Это печатное издание являлось органом Областного революционного комитета и Обкома РКП(б) Коми АО, в котором опубликовано достаточно большое количество информации о деятельности аппаратов управления. Названия статей, опубликованных в 1920-х гг. на страницах «Югид туй», говорили сами за себя: «Забытый ВИК», «Несколько слов о ВИК», «Права и обязанности волисполкомов и сельсоветов» и др. На страницах издания поднимались волостные проблемы, критиковались представители власти, предлагались решения назревших проблем и др. Это печатное издание выпускалось как на русском, так и на коми языках с 1921 по 1930 г., тираж варьировался от 1 000 до 4 500 экземпляров [6].

В политико-экономическом и краеведческом журнале «Коми му» (Зырянский край) представлены материалы об экономическом и культурном положении как Коми АО в целом, так и отдельных волостей. Это еже-



месячное издание Коми ОИК и Общества изучения Коми края выпускалось с 1924 по 1929 г. тиражом до 1 200 экземпляров. С 1 января 1930 г. журнал выходил под названием «Ленин туйёд» (По ленинскому пути) [7]. На его страницах опубликованы данные о работе местных властей с населением, выявленных недочётах в работе ВИК, борьбе против нарушителей среди членов низовых органов и др. Статьи периодических печатных изданий 1920-х гг. являются ценным источником по изучению деятельности местных властей.

Четвёртую группу составляют документы личного происхождения, а именно воспоминания И.Г. Коюшева (1901–1993), работавшего в 1920–1930-х гг. на ответственных должностях: секретарём Визябожской волостной парторганизации, заведующим организационным отделом Усть-Сысольского Укома РКП(б), председателем Коми облисполкома. В воспоминаниях политический деятель описывает своё детство, юношеские годы, участие в Гражданской войне, работу на различных партийных должностях, период политических репрессий. Также им освещается взаимодействие органов власти с местным населением [8].

Таким образом, представленный в совокупности комплекс источников позволяет раскрыть нормативно-правовую базу функционирования волисполкомов, выявить основные направления деятельности, проанализировать результаты работы, охарактеризовать взаимодействие ВИК с вышестоящими органами власти, организациями, местным населением. Многие из указанных документов автором вводятся в научный оборот впервые.

\* \* \*

1. Собрание узаконений и распоряжений Правительства РСФСР. – М., 1924 и др.; Собрание кодексов РСФСР. – М., 1925 и др.; Отчёт Коми ОИК с 1 октября 1923 по 1 августа 1924 гг. – Усть-Сысольск, 1924 г. и др.; Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. – Т.1: Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938). – Сыктывкар: Коми респ. тип., 2006.

2. Собрание узаконений и распоряжений Правительства РСФСР. – М., 1924 и др.; Собрание кодексов РСФСР. – М., 1925 и др.

3. Инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских советов депутатов. – М., 1918; Руководство по делопроизводству волисполкомов. Ч.1: Общее делопроизводство. – М., 1925; Инструкция по счетоводству и отчётности волостных и районных исполнительных комитетов. – М., 1926; Инструкция по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах. – М., 1926.



4. ГУ РК «НА РК». Ф.Р-21, Ф.Р-23, Ф.Р-24, Ф.Р-25, Ф.Р-27, Ф.Р-28, Ф.Р-31, Ф.Р-35, Ф.Р-38, Ф.Р-45, Ф.Р-46, Ф.Р-48, Ф.Р-49, Ф.Р-53, Ф.Р-59, Ф.Р-60, Ф.Р-61, Ф.Р-62, Ф.Р-69, Ф.Р-73, Ф.Р-74, Ф.Р-79, Ф.Р-1351, Ф.Р-81.

5. ГУ РК «НА РК». Ф.П-1, Ф.П-6, Ф.П-11, Ф.П-37, Ф.П-46, Ф.П-168, Ф.П-176, Ф.П-180, Ф.П-193, Ф.П-194, Ф.П-226, Ф.П-228, Ф.П-230, Ф.П-231, Ф.П-238, Ф.П-243, Ф.П-247, Ф.П-366, Ф.П-400, Ф.П-403, Ф.П-418, Ф.П-433, Ф.П-418, Ф.П-606, Ф.П-674, Ф.П-688.

6. *Каракчиев В.Н.* Коми областная газета «Югд туй» («Светлый путь») // Центр и периферия. – 2018. – № 3.

7. Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар, 1999. – Т.1.

8. Воспоминания И.Г. Коюшева «Сквозь строй жизни» // Архив Национального музея Республики Коми. КП 11407/4922. – Сыктывкар, 1986.



**П.П. Котов,**

*канд. ист. наук, доцент,  
зав. сектором отечественной  
истории Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**Т.А. Мартынчук,**

*зам. директора ГПОУ  
«Сыктывкарский гуманитарно-  
педагогический колледж  
им. И.А. Куратова»*

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ  
В КОМИ АССР В 1920–1940-х гг.  
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Исследования истории отечественной школы и педагогики, в том числе дошкольного воспитания, отличаются разнообразием тематики и содержания, хронологическими и территориальными рамками, охватывая при этом практически все регионы России. В отечественной историографии исследования носят интегративный характер и нашли отражение в очерках по истории школы и педагогической мысли народов СССР разных периодов.

Система дошкольного воспитания в России на протяжении долгого периода исследовалась при неразрывном изучении истории образовательной парадигмы страны в процессе конкретных историко-культурных, педагогических изысканий. При этом основное внимание уделялось обобщению скорее методики работы с детьми и ряду других педагогических аспектов, нежели собственно истории дошкольного воспитания. Так, в начале XX в. П.Ф. Каптерев в «Истории русской педагогики» анализировал воспитание детей посредством общественного почина. Фактический материал в исследованиях позволил сформулировать концепцию о том, что общество может влиять на воспитание подрастающего поколения, управлять этим процессом и направлять его [1]. Подобные взгляды на воспитание дошкольников прослеживались в работах П.П. Блонского [2], Е.Н. Водозовой [3] и некоторых других учёных.



После Октябрьской революции 1917 г. система дошкольного воспитания была кардинально перестроена и получила толчок для интенсивного развития. С приходом советской власти произошли коренные изменения в социуме, естественным путём отразившиеся на всех сферах общества. В первое послереволюционное десятилетие сформировалась методологическая основа исследований по истории образования, которая основывалась на концепции политического просвещения и культурной революции, принципах государственного и партийного руководства [4]. Собственно, методология социалистического дошкольного воспитания была разработана А.В. Луначарским, Н.К. Крупской, Д.А. Лазуркиной. Их деятельность имела принципиальное значение для формирования советской системы образования.

Политическая и идеологическая обстановка в стране влияли на принципы дошкольного дела, менялись подходы к воспитанию дошкольников и взгляды на него. Учитывая новые веяния, уже в середине 1920-х гг. Н.Д. Виноградов одним из первых предложил марксистскую основу при анализе историко-педагогических проблем в исследованиях о детях дошкольного возраста, в том числе и с учётом возраста – от 3 до 7 лет [5]. Однако в 1920–1930-е гг. основное внимание по-прежнему уделялось характеристике основных направлений воспитательной работы, методическому руководству, проблемам подготовки дошкольных кадров. Типичным проявлением такого подхода явилось, например, исследование Л.И. Красногорской [6]. Правда, отдельные сюжеты именно истории дошкольных учреждений всё же находили отражение.

Дальнейшее развитие как системы дошкольного воспитания, так и его изучения продолжалось и в 1940–1950-х годах. Так, в исследованиях А.И. Пискунова [7], основанных на качественной фактографической базе, затрагивается большой спектр проблем, связанных с историей национальной школы народов СССР. К.И. Салимова длительное время анализировала роль государства в проводимой образовательной политике, в том числе и за рубежом [8].

Постепенно всё больше проявлялась необходимость изучения исторического опыта. Это позволяло, например, сравнивать приоритеты образовательных концепций на разных исторических этапах. Именно в таком направлении провёл изыскания И.В. Чувашев. Они высветили состояние дошкольного воспитания в России в период с конца XVIII до начала XX века. Особое внимание автор уделил анализу педагогических взглядов и практической деятельности наиболее выдающихся педагогов, которые внесли существенный вклад в развитие дошкольного воспитания – А.С. Симонович, Е.Н. Водовозовой, М.Х. Свентицкой, Е.И. Тихеевой, Л.К. Шлегер [9].





Тенденции к нарастанию историко-педагогических исследований прослеживаются в трудах 60–80-х гг. XX столетия: Н.К. Гончарова [10], М.Г. Данильченко [11], В.Е. Гмурмана и Ф.Ф. Королева [12], П.А. Лебедева [13], А.В. Плеханова [14], В.З. Смирнова [15], И.А. Френкеля [16] и других авторов. Однако следует признать, что исторические аспекты в указанных работах по-прежнему оставались на периферии и не определяли суть исследований.

Более целенаправленно общие аспекты историко-педагогического развития дошкольного воспитания в России отображены в монографии Л.Н. Литвина [17]. Исследование посвящено осмыслению концепции создания советской системы общественного дошкольного воспитания, истории формирования и развития сети учреждений для детей, их организации, научно-методическому и кадровому обеспечению. Однако в других трудах вновь преобладал анализ педагогических аспектов. Так, в работе Т.Н. Шикаловой «Становление и тенденции развития содержания дошкольного образования в отечественной педагогике 1920-х годов» проанализированы прежде всего методологические основы дошкольного воспитания в Советской России [18]. Диссертационное исследование Е.И. Волковой «Дошкольное воспитание в годы сталинских пятилеток» отражает идеологическую деятельность в детских садах [19]. Историческое осмысление воспитательной работы в дошкольных учреждениях Советской России, проблемы её развития в 1940–1980-х гг. получили объективную оценку Е.В. Лисуковой [20].

Освещение проблем организации и воспитания детей дошкольного возраста прослеживается и в работах исследователей 90-х гг. XX в.: Б.М. Бим-Бада [21], М.В. Богуславского [22], Э.Д. Днепров [23], С.Ф. Егорова [24], З.И. Равкина [25] и других учёных. Трансляция истории отечественного дошкольного воспитания представлена и на мировой арене [26]. Сравнить эволюцию развития системы воспитания детей раннего и дошкольного возраста в разных странах позволяют зарубежные историко-педагогические изыскания [27].

Значительное место в историографии занимают работы, посвящённые проблеме функционирования дошкольных учреждений в различных субъектах РФ. Наиболее успешные исследования, посвящённые проблеме становления и развития дошкольного образования с региональным компонентом республик и округов, проведены на Алтае, в Амурской области, Мордовии, Чувашии, Якутии, а также в сопредельных с Россией государствах – Белоруссии, Казахстане и Украине. Комплексный анализ и детальное рассмотрение деятельности дошкольных учреждений на территории



регионов представлены в работах Е.Г. Андреевой [28], В.С. Крыловой [29], Т.К. Лютовой [30], Г.А. Медведевой [31], Т.В. Скляр [32], О.В. Парфеновой [33] и других исследователей. Предпринимались и попытки обобщения истории дошкольного воспитания. При этом С.В. Голикова, например, пришла к выводу, что история детских садов изучена хуже, чем приютов [34].

Исследователи нашей республики не остались в стороне и поддержали общероссийские тенденции. В их работах затрагивается история развития теории и практики народного образования в Республике Коми. Так, О.В. Золотарев охарактеризовал развитие школьного дела автономии в первые 30 лет советской власти [35]. Довольно развёрнутое изучение школьной сети в Коми АССР периода 1920–1940-х гг. проведено в работах О.Е. Бондаренко [36], Я.Н. Безносикова [37]. А.А. Попов проанализировал жизнь крестьянских детей в деревне [38]. На деятельность социальных учреждений, в том числе приютов для малолетних детей, обратили внимание ряд исследователей [39], в том числе Н.И. Сурков [40]. При этом вопрос развития сети дошкольных учреждений затронут сжато, исходя из исследовательских задач, и в контексте анализа истории всего образования.

В настоящее время проблемы дошкольного воспитания в Республике Коми достаточно успешно исследуются Т.А. Мартынчук. Например, она предприняла попытки выделить и обосновать этапы развития дошкольного воспитания в Коми АССР [41], исследовать профессиональную подготовку кадров для детских садов [42]. Особое внимание Т.А. Мартынчук обращает на 1930-е гг. и на время Великой Отечественной войны, т.е. на периоды существенных преобразований в работе дошкольных учреждений региона [43]. В соавторстве с другими исследователями она не оставила без внимания и воспитательную работу с дошкольниками, как в историческом, так и в педагогическом и культурологическом аспектах [44].

В ряде региональных работ нашли отражение предыстория становления дошкольного воспитания и факты возникновения отдельных дошкольных учреждений на Европейском Севере России в начале 1900-х гг. [45], затронута роль органов здравоохранения в становлении и укоренении детских садов в Коми АССР в 1920–1930-х гг. [46]. Кроме того, отмечается, что до отмены крепостного права в России даже при высоком уровне так называемой политики попечительства не возникало попыток создания дошкольных учреждений, тогда как на развитие начального образования обращалось внимание [47].

К сожалению, полная история становления и развития системы дошкольного образования в Коми АССР в 1920 – середине 1940-х гг. так и не нашла должной разработки. Подчеркнём, что до конца не выявлена



даже специфика истории формирования и развёртывания системы дошкольных учреждений в регионе. Не случайно целостное, полноценное представление этих проблем не отражено в изданных обобщающих трудах по истории Коми АССР и Республики Коми [48], впрочем, как и по другим регионам страны и России в целом.

Отечественная историография располагает общей картиной процесса развития дошкольного образования в СССР в работах по истории, в том числе в образовательном аспекте, в специальных монографиях, статьях. Региональная историография не имеет специальных работ по истории формирования общественного дошкольного воспитания в советский период в Коми АССР. В ней представлены лишь обзорные статьи по истории, культуре и образованию с описанием отдельных аспектов дошкольного образования, которые носят как информационный, так и исследовательский характер.

\* \* \*

1. *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. – Петроград, 1915.
2. *Блонский П.П.* Введение в дошкольное воспитание. – М., 1915.
3. *Водовозова Е.Н.* Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста. – СПб., 1913.
4. *Зак Л.М.* История изучения советской культуры. – М., 1981. – С.31–39.
5. *Виноградов Н.Д.* Очерки по истории идей дошкольного воспитания – М., 1925.
6. *Красногорская Л.И.* Очерки развития дошкольного воспитания. – М., 1938.
7. *Пискунов А.И.* Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. – М., 1960.
8. *Салимова К.И., Додде Н.* Педагогика народов мира: История и современность. – М., 2001.
9. *Чувашев И.В.* Очерки по истории дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). – М., 1955.
10. *Гончаров Н.К.* Очерки по истории советской педагогики. – К., 1970.
11. *Данильченко М.Г.* П.П. Блонский и его вклад в педагогическую науку: автореф. дис... д-ра пед. наук. – М., 1974.
12. Общие основы педагогики / под ред. Ф.Ф. Королева, В.Е. Гмурмана. – М., 1967.
13. *Лебедев П.А.* Ушинский. – М., 2002.



14. *Плеханов А.В.* Проблема воспитания «нового человека» в русской революционно-демократической педагогике второй половины XIX века. – Владимир, 1975.

15. *Смирнов В.З.* Очерки по истории прогрессивной русской педагогики XIX века. – М., 1963.

16. *Френкель И.А.* Мировоззрение и психолого-педагогическая система К.Д. Ушинского: дис. ... д-ра пед. наук. – Курск, 1968.

17. *Литвин Л.Н.* Общественное дошкольное воспитание в РСФСР. 1917–1940 гг. – Мурманск, 1992.

18. *Шикалова Т.Н.* Становление и тенденции развития содержания дошкольного образования в отечественной педагогике 1920-х годов: дис. ... канд. пед. наук. – Ижевск, 1999.

19. *Волкова Е.И.* Дошкольное воспитание в годы сталинских пятилеток. – М.: Учпедгиз, 1952.

20. *Лисукова Е.В.* Развитие содержания воспитательной работы в дошкольных учреждениях Советской России: 40–80-е годы XX века: дис. ... канд. пед. наук. – Мурманск, 2004.

21. Очерки истории школы и педагогики за рубежом. Ч.2: XVIII–XX вв. / под ред. К.И. Салимовой, Б.М. Бим-Бада. – М., 1992.

22. *Богуславский М.В.* Общечеловеческие и национальные ценностные ориентации отечественной педагогики (начало XX века) // Педагогика. – 1998. – № 7. – С.82–87.

23. *Днепров Э.Д.* Очерки историографии образования и педагогики дореволюционной России. – М., 2014.

24. Российское образование: история и современность / под ред. С.Ф. Егорова. – М., 1994.

25. Проблемы истории советской школы и педагогики / под ред. З.И. Равкина. – М., 1991 – Ч.1; *Равкин З.И.* Теоретико-методологическое направление историко-педагогических исследований в современных условиях. – М., 1994. – Т.1. – С.26.

26. Early childhood care and education in the Russian Federation. Background paper prepared for the Education for All Global Monitoring Report 2007 Strong foundations: early childhood care and education / M.S. Taratukhina, M.N. Polyakova, T.A. Berezina, N.A. Notkina., R.M. Sheraizina, M.I. Borovkov. – UNESCO, 2006.

27. A global history of early childhood education and care. Strong foundations: early childhood care and education / Sh.B. Kamerman. – UNESCO, 2006.

28. *Андреева Е.Г.* Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в Белорусской ССР (1917–1941 гг.): автореф. ... д-ра пед. наук. – Тбилиси, 1987.



29. *Крылова В.С.* Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в Чувашии (1917–1941 гг.): дис. ... канд. пед. наук. – М., 1976.
30. *Лютлова Т.К.* Влияние социально-экономических факторов на структуру и сеть детских дошкольных учреждений (на материале г. Ростова-на-Дону): дис. ... канд. пед. наук. – М., 1970.
31. *Медведева Г.А.* Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в Российской Федерации с 1917 по 1932 гг. (по материалам Алтайского края): дис. ... канд. пед. наук. – М., 1992.
32. *Скляр Т.В.* Становление и тенденции развития дошкольного воспитания в Амурской области: конец XIX – первая треть XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Чита, 2009.
33. *Парфенова О.В.* Становление и развитие дошкольного воспитания в Чувашии (XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. пед. наук. – Чебоксары, 1998.
34. *Голикова С.В.* Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX вв.: институциональный и социокультурный аспекты. – Екатеринбург, 2013. – С.4.
35. *Золотарев О.В.* Советская школьная политика и её осуществление в Коми Автономии (1918–1941 гг.). – Сыктывкар, 1998.
36. *Бондаренко О.Е.* Учебные заведения в Коми крае в конце XIX – начале XX веков. – Сыктывкар, 1998.
37. *Безносиков Я.Н.* Развитие народного образования в Коми АССР. – Сыктывкар, 1973.
38. *Попов А.А.* Социальная политика в деревне /А.А. Попов, А.Ф. Сметанин // Коми деревня в советский период. – Сыктывкар, 2005. – С.15–23.
39. *Мартынюк Т.А.* Организация приютов-яслей в Коми крае в начале XX века // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. – Чебоксары, 2016. – № 4 (11). – С.47–50; *Герасимова М.П., Мартынюк Т.А.* Исторические аспекты развития системы дошкольного образования в Республике Коми (от зарождения до начала XXI века) // Управление дошкольным образовательным учреждением. – М., 2016. – № 3. – С.106–118.
40. *Сурков Н.И.* Деятельность Усть-Сысольского уездного попечительства детских приютов // Страницы истории социальной работы в Коми крае (1860–1918). – Сыктывкар, 1998. – С.160–179.
41. *Мартынюк Т.А.* Становление системы дошкольного образования в Коми крае // Детский сад от А до Я. – М., 2012. – № 3 (57). – С.25–30; *Мартынюк Т.А.* Становление дошкольного воспитания в Республике



Коми и Сыктывкаре // Актуальные проблемы развития и совершенствования педагогического образования. – Сыктывкар, 2010. – С.108–111.

42. *Мартыничук Т.А.* Вклад В. Богословской в систему дошкольного образования Коми АССР // Финно-угорский мир. – Саранск, 2013. – № 1. – С.50–54; *Мартыничук Т.А.* Профессиональная подготовка специалистов дошкольного воспитания в Коми АССР в первой половине XX века // Инновационные технологии в науке и образовании. Инновационные технологии в науке и образовании. – Чебоксары, 2016. – № 1-1 (5). – С.29–32.

43. *Мартыничук Т.А.* Специфика организации общественного дошкольного воспитания в Коми АССР в 1930-е гг. // Финно-угорский мир. – Саранск, 2013. – № 3. – С.43–49; *Мартыничук Т.А.* Дошкольное сообщество в Коми АССР в 1930-е гг. // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе. – Ижевск, 2014. – С.139–149; *Мартыничук Т.А.* Дошкольное воспитание в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2017. – № 2. – С.105–112.

44. *Мартыничук Т.А., Сонова М.Н.* Детская игра как инструмент реализации этнокультурного компонента в дошкольном образовании Республики Коми // Наука сегодня. Ключевые проблемы и перспективы развития. – СПб., 2015. – С.63–64; *Мартыничук Т.А., Сонова М.Н.* Сохранение региональных традиций в сфере дошкольного образования Республики Коми на примере детской игры // Управленческие аспекты развития северных территорий России. – Сыктывкар, 2015. – С.102–104; *Мартыничук Т.А.* Художественно-эстетическое воспитание дошкольников в I половине XX в. (на материале Коми АССР) // Традиции и новаторство в музыкальном образовании. – Сыктывкар, 2017. – С.225.

45. *Котов П.П., Хотимова Л.В.* Роль земств в становлении социальной поддержки детей в начале XX века (на примере Сольвычегодского уезда) // Двинская земля. – Котлас, 2003. – Вып. 2. – С.35–44; *Котов П.П., Носова Т.А.* Возникновение и основные направления деятельности Стефаново-Проктоповского православного братства // Двинская земля. – Котлас, 2003. – Вып. 2. – С.151–159; *Котов П.П., Хотимова Л.В.* Виды призрения детей в начале XX века на территории Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX–XX вв. Ч.1. – Яренск, 2003. – С.89–96; *Котов П.П., Курманова Г.Д.* Расходы Сольвычегодского уездного земства на социальное призрение (по материалам отчётов о суммах и капиталах за 1908–1912 годы) // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX–XX вв. – Яренск, 2003. – Ч.1. – С.96–100.



46. *Котов П.П., Пилипенко В.А.* Здоровоохранение в Коми АССР в 1920–1930-х годах: становление и развитие. – Сыктывкар, 2011; *Котов П.П., Пилипенко В.А.* Деятельность органов здравоохранения по охране материнства и младенчества в Коми АССР в 1920–1930-х годах // Двинская земля. – Котлас, 2010. – Вып. 6. – С.173–181; *Маслянникова Л.И., Котов П.П.* Медицинское обслуживание населения и Усть-Сысольское уездное земство // Народная культура Севера: первичное и вторичное, традиции и новации: тезисы докладов и сообщений Региональной науч. конф. / ред.-сост. А.А. Куратов. – Архангельск, 1991. – С.116–117.

47. *Котов П.П., Котова Е.А.* Политика попечительства и удельная деревня Поважья во второй трети XIX в. // История и культура Важского края: тезисы докладов Региональной науч.-практ. конф., посвящённой 180-летию со дня рождения П.С. Воронова. – Вельск, 1992. – С.33–35; *Котов П.П.* Политика попечительства удела и её результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Серия 5 «История и филология». – 2012. – Вып. 3. – С.103–107.

48. Очерки по истории Коми АССР: в 2 т. / под ред. Д.А. Чугаева. – Сыктывкар, 1962. – Т.2; История Коми АССР. – Сыктывкар, 1978; История Коми с древнейших времён до конца XX века. – Сыктывкар, 2004 – Т.2; История Коми с древнейших времён до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т.2.



**Н.М. Игнатова,**

*канд. ист. наук, зав. сектором  
историко-демографических  
и историко-географических  
исследований Российского Севера  
отдела истории и этнографии  
Института языка, литературы  
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**ИСТОРИОГРАФИЯ  
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ  
НА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯХ В СССР  
В 1930–50-е гг.**

Широкая база опубликованных источников и рассекреченных архивных материалов по истории принудительных миграций позволяет ответить на многие вопросы, связанные с насильственными переселениями, в том числе и по социально-демографической проблематике. В 1990-е гг. вышли первые публикации о численности репрессированных, в том числе спецпереселенцев, в 2000-е гг. был издан широкий ряд обобщающих работ, в которых авторы на основе рассекреченных архивных документов представили анализ данных о населении в СССР в 1930–1950-е гг., включая заключённых и спецпереселенцев, и рассмотрели динамику численности отдельных категорий репрессированного населения [1].

Актуальными являются исследования о влиянии насильственных переселений на социально-демографическое развитие регионов. По мнению Н.А. Михалева, принудительные миграции в Ямало-Ненецкий автономный округ положили конец существованию края в рамках традиционной системы, вселение в начале 1930-х гг. в округ спецпереселенцев оказало непосредственное влияние на численность и национальный состав его населения [2]. Аналогичные процессы происходили, по данным Л.В. Алексеевой, в Ханты-Мансийском автономном округе [3]. Л.И. Вавулинская отмечает, что активные миграционные процессы, в том числе принудительные миграции, в 1940–1950-е гг. вели к изменению этнокультурного и демографического облика территории Республики Карелия. Общая тенденция к изменению этнического состава населения в указанный период заключалась в росте численности русского, украинского и белорусского





населения и сокращения численности карелов и вепсов [4]. Принудительные миграции в Архангельскую область и Ненецкий национальный округ привели, по мнению В.И. Каратаева, к демографическому кризису, который отразился на судьбе поморов и ненцев, их традиционных занятиях и культуре. Вследствие промышленного развития территорий они были вытеснены к побережью Белого и Баренцева морей. Поморы сосредоточились в рыболовецких колхозах, постепенно утрачивая традиции самобытного хозяйства. Оленеводческие колхозы меняли жизнь ненцев-кочевников, переходивших к оседлому образу жизни [5].

Отмечается авторами влияние принудительных миграций и на существование переселённых этносов, в частности, исследователь А.А. Шадт при изучении спецпереселенцев-немцев в Сибири отмечает, что проживание в условиях спецпоселений негативно повлияло на численность, национальное самосознание, лингвистический и культурно-бытовой комплексы переселённых народов. При этом автор особо указывает на то, что спецпоселение выступает как метод ликвидации этнических внутригосударственных образований и как социально-экономический механизм освоения сибирских земель, при этом полученные им данные «не подтверждают мнения об особой национальной политике советского государства, направленной на ликвидацию немецкого этноса в СССР» [6].

К дискуссионным – в силу определённых противоречий информативных данных в источниках, недоступности части документов и неоднозначности подходов в интерпретации – можно отнести проблему статистических данных по репрессированным в 1930–1950-е гг., в том числе по спецпереселенцам (термин «спецпереселенцы» используется как обобщающий для всех категорий граждан, высланных в ходе принудительных миграций на спецпоселения в 1930–1950-е гг.).

В 1990-е гг., когда происходило рассекречивание больших комплексов документов как в центральных, так и в региональных архивах, исследователи неоднократно высказывали недоверие к обобщённым данным, в том числе составленным по статистике НКВД–МВД. Например, В.М. Кириллов писал: «Совершенно очевидно, что на рубеже 20–30-х гг. в связи с процессами раскулачивания, голода, идеологического и политического диктата система сбора статистических сведений в стране была нарушена и верить до конца отчётам ГУЛАГа не приходится» [7]. В работе, посвящённой высланным на спецпоселения раскулаченным, Т.И. Славко справедливо отмечала, что обобщённые данные должны подвергаться тщательному анализу, т.к. источники регионального характера показывают «крайне неудовлетворительный учёт и отчётность с мест поселения спецпереселенцев». Аргументы, приводимые исследователем, убедительны: «В условиях,



когда руководители на местах “головной” отвечали за исполнение спускаемых сверху указаний, а функционирование кулацкой ссылки постоянно давало сбои, возникает вопрос о достоверности сводных показаний, по которым должна была оцениваться работа местных начальников» [8]. На несоответствие некоторых общих данных указывал Н. Верг во введении к семитомному изданию «История сталинского ГУЛАГа», в частности, отмечая, что число высланных с мест проживания при массовых депортациях поляков составляет от 320 тыс., по данным А.Е. Гурьянова, до 380 тыс., по данным В.Н. Земскова [9].

Опубликовавшему обширные комплексы рассекреченных документов В.Н. Земскову пришлось неоднократно выступать в защиту публикуемых данных, например, в монографии «Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960» он оппонирует Л.И. Гвоздиковой, которая выдвинула идею двух статистик – неофициальной (достоверной) и официальной (недостоверной). В ответ на претензии к статистическим данным НКВД–МВД В.Н. Земсков писал: «Допускаем, что очковтирательство имело место, но в крайне ограниченных пределах, поскольку посылать в Москву заведомо ложные данные о численности заключённых и спецпоселенцев – это должностное преступление, на которое соответствующее большинство должностных лиц не могли пойти из чувства осторожности и самосохранения» [10].

Как показывают проведённые многочисленные научные исследования, общая численность граждан, высланных на спецпоселение, не имеет разночтений по данным центральных и региональных архивов, что доказывает правоту слов Земскова, сказанных ещё в начале большой работы по публикации архивных материалов в 1991 г.: «Нельзя подделывать находящийся в государственном хранении архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов. Данные первичных материалов совпадают со сводной статистической отчётностью ГУЛАГа. Следовательно, документация всех уровней подлинная. Предположение о том, что в этой документации могли содержаться заниженные сведения, несостоятельно по той причине, что органам НКВД было невыгодно и даже опасно преуменьшать масштабы своей деятельности, ибо в противном случае им грозила опасность впасть в немилость у власть имущих за “недостаточную активность”. В материалах всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. численность спецконтингента НКВД группы “В” (заключённые и трудпоселенцы) совпадает с данными, взятыми из статистической отчётности ГУЛАГа НКВД СССР, тюремного управления НКВД СССР и Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР» [11].

Дискуссии по вопросу общей численности спецпереселенцев в целом сошли на нет после публикации обобщающих монографий Земскова



и П.М. Поляна [12]. По данным П.М. Поляна, в целом внутренние насильственные переселения в СССР затронули 6 млн человек. Как отмечает исследователь, принудительные миграции такого масштаба оказали весьма заметное влияние на всю систему населения бывшего Советского Союза. «Резко нарушив или задержав естественный ход демографического развития этносов, принудительные миграции сказались на макропропорциях расселения страны и способствовали последовательному смещению центра тяжести населения СССР сначала в северном, а затем в восточном и юго-восточном направлениях» [13].

\* \* \*

1. *Максудов С.* Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья: Ист. альманах. – М., 1991; *Земсков В.Н.* Об учёте спецконтингента НКВД во всеоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. – 1991. – № 2; Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. – М., 1994; *Араловец Н.А.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. – 1995. – № 1; *Жиромская В.Б.* Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. – М., 1996; *Исупов И.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. – Новосибирск, 2000; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. – М., 2001; Население России в XX веке: исторические очерки. – М., 2001; *Навасардов А.С.* Освоение Северо-Востока СССР в 1930-е гг. XX в.: историко-демографический аспект. – Магадан, 2004; *Глотик С.И., Минаев В.В.* Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х гг. – М., 2004 и др.

2. *Михалев Н.А.* Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). – Екатеринбург, 2010.

3. *Алексеева Л.В.* Демографический аспект хозяйственного освоения Крайнего Севера России (середина 1920-х–1930-е гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (56). – С.136–141.

4. *Вавулинская Л.И.* Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. – Петрозаводск, 2013.

5. *Кортаев В.И.* На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы XX века. – Архангельск, 2004. – С.115.



6. *Шадт А.А.* Спецпоселение Российских немцев в Сибири (1941–1955 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – С.3, 27.
7. *Кириллов В.М.* Историография истории репрессий в СССР и на Урале // *Власть и общество: сб. науч. трудов преподавателей исторического факультета.* – Нижний Тагил, 1996.
8. *Славко Т.И.* Кулацкая ссылка на Урале 1930–36 гг. – М., 1995.
9. *Верт Н.* Введение. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов // *Собрание документов: в 7 т.* – М., 2004. – Т.1. – С.75; *Гурьянов А.Е.* Польские переселенцы в СССР в 1940–41 гг. // *Репрессии против поляков и польских граждан.* – М., 1997. – С.114–136; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // *Социологические исследования.* – 1990. – № 11. – С.3–17.
10. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М., 2005.
11. *Земсков В.Н.* Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // *История СССР.* – 1991. – № 5.
12. *Полян П.М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – URL: [http://old.memo.ru/history/deport/polyan6.htm#\\_VPID\\_41](http://old.memo.ru/history/deport/polyan6.htm#_VPID_41); *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960...
13. *Полян П.М.* Указ. соч.



**М.И. Нисковская,**

*канд. ист. наук, ст. научный  
сотрудник лаборатории археографии  
и публикации документов по истории  
освоения Европейского Севера России  
Института языка, литературы  
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ГАЗЕТ  
«ЗАПОЛЯРНАЯ КОЧЕГАРКА» И «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»  
ВОРКУТИНСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО  
ЛАГЕРЯ МВД СССР (1940–1950-е гг.)**

История Воркутинского исправительно-трудового лагеря (далее – ИТЛ) тесно связана с периодическими изданиями – с газетой «Заполярная кочегарка» и её преемницей «Полярной звездой». Газета «Заполярная кочегарка» начала издаваться в 1940 г., но сохранились только номера начиная с 1943 г., которые хранятся в Национальном архиве Республики Коми. Редактором был М.И. Носырев. После смерти И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущёва с сентября 1953 г. газета «Заполярная кочегарка» перестала издаваться, вместо неё в Воркутинском ИТЛ стали издавать газету «Полярная звезда» [Информацию про другие советские газеты с таким названием см.: 1]. Последний номер «Заполярной кочегарки» вышел 16 сентября 1953 г. (№ 101), а первый номер «Полярной звезды» – 19 сентября 1953 г. (под номером 102–103). Редактором этой газеты был Н.Ф. Баев. Номера газеты также хранятся в Национальном архиве Республики Коми. В марте 1960 г. газета «Полярная звезда» прекратила своё существование. «Полярная звезда», как и «Заполярная кочегарка», была органом политического отдела. В каждом периодическом издании ежегодно публиковались поздравления с такими праздниками, как 8 марта и Новый год. Преемница «Заполярной кочегарки» газета «Полярная звезда» обрела не только новое название, изменился и вектор партийно-политической пропаганды. Оба периодических издания не подлежали распространению за пределы лагеря.

В газете «Заполярная кочегарка» производственная тематика стояла на первом месте: «Уголь – хлеб промышленности, поэтому надо давать угля столько, сколько требует наша Родина для победы над врагом» [2]. На её страницах появлялись и другие мотивирующие лозунги: «Уголь – страте-



гическое сырьё. На угле базируется работа всех основных, главнейших и вспомогательных отраслей промышленности. Уголь – это электроэнергия, уголь – это металл, уголь – это жизнь транспорта, уголь – это оружие, боеприпасы, танки и самолёты, уголь – это тепло в жилищах. Без угля немислима работа промышленности. Без угля нельзя вести войну» [3]. Газета «Заполярная кочегарка» следовала центральной линии коммунистической партии, определяемой для лагерной прессы, в ней были призывы: «с первых месяцев текущего года план строительства шахт должен выполняться не только в целом по шахтострою, но и по каждой шахте, по каждому участку, по каждой смене, план должны выполнять все бригады и шахтостроители» [4]. Газета также писала о жизни и работе комбината: о работе магазинов, столовых, о театре, библиотеке, о работе коммунально-бытовых учреждений. Большое внимание было уделено социалистическому соревнованию. На первой полосе каждого номера «Заполярной кочегарки» публиковались оперативные материалы о ходе соревнования, показывалась работа шахт, участков, стахановцев, печаталась «Доска почёта», подвергалась критике работа отстающих коллективов.

Главной целью издания «Заполярной кочегарки» была агитация. Газета взывала к трудящимся посредством примеров хороших работников и поругания плохих, а также путём различных лозунгов. С помощью несложных приёмов редакция газеты стремилась повысить производительность и качество труда в Воркутстрое [О рабочей силе в лагерях Коми АССР см.: 5]: «Сила боевой агитации – в её конкретности, в умении увязать рассказ об общих задачах, стоящих перед страной, с боевыми делами коллектива» [6]. В газете «Полярная звезда» произошли изменения в партийно-политической пропаганде, сместился акцент с производственной проблематики на военную, появились новые лозунги: «Каждый солдат, сержант и офицер должен стать отличным стрелком» [7]. Если раньше (в газете «Заполярная кочегарка») речь шла о мастерах производства, то теперь (в «Полярной звезде») на первый план были выдвинуты военные: «В жизни и деятельности подразделения большую роль играют наши командиры, в том числе и сержанты. Сержанты – это самый многочисленный отряд командных кадров, ближайшие начальники и воспитатели солдат» [8]. «Полярная звезда» оказывала значительную помощь командирам подразделений в деле повышения боевой и политической подготовки, укрепления воинской дисциплины и порядка в подразделениях. Она показывала борьбу личного состава и комсомольских организаций за превращение своих подразделений в отличные воинские формирования. «Полярная звезда» поднимала вопросы состояния агитационно-массовой работы в подразделениях, организации культурного досуга солдат, на её страницах печатались статьи и корреспонденции на эти темы.



Газета «Полярная звезда» усилила внимание к демонстрации роли офицеров в воспитании личного состава подразделений, в борьбе за улучшение службы, учёбы, укреплении воинской дисциплины, освещении комсомольской жизни. На её страницах выступали работники штаба охраны Харыбин, Густяков, Лыткин, секретарь парторганизации Абраменко, Петрухин, работники подразделений. Газета содержала критические статьи в адрес отдельных офицеров, оказывала некоторую помощь партийным организациям, командирам подразделений и политработникам в деле укрепления воинской дисциплины и порядка, в воспитании и обучении личного состава.

Ещё одной особенностью партийно-политической пропаганды в газете «Полярная звезда» была публикация большого количества материалов, не касавшихся добычи угля, например, материал о руководстве физколлективом: «В нашем подразделении создан физколлектив. Председателем этого физколлектива избран т. Савушкин, его заместителем т. Щука. Надо было полагать, что теперь-то физкультурно-массовая работа в подразделениях оживится. К сожалению, этого не получилось. Вся “бурная” деятельность председателя физколлектива и его заместителя выразилась лишь в сборе членских взносов с членов спортобщества “Динамо”» [9].

Большое внимание в «Полярной звезде» стало уделяться персоналиям Воркутинского ИТЛ, что тоже явилось важным аспектом партийно-политической пропаганды: «Важным средством оказания помощи в самостоятельной учёбе коммунистов является систематическое проведение лекций и консультаций. Однако эта форма работы с самостоятельно изучающими марксизм-ленинизм не во всех парторганизациях используется в полной мере и, прежде всего, где секретарями тт. Смирнов, Филичев и Рыжков» [10].

В газете «Полярная звезда», в отличие от «Заполярной кочегарки», стали затрагиваться не только производственные, рабочие вопросы, но и личные. Например, в этом периодическом издании осуждали родителей, которые неправильно воспитывали своих детей: «Справедливые упреки были сделаны, например, в адрес семьи Кошкиных... сын плохо ведёт себя в школе и дома, грубит учителям и родителям. Ставился вопрос об исключении из школы. Такое поведение объясняется результатом неправильных взаимодействий отца и матери... отец справедливо пытается сделать замечание сыну, мать встаёт в защиту ребёнка. Отсутствие единых действий родителей отрицательно сказывается на воспитании их сына» [11]. Контроль за частной жизнью и апеллирование к её особенностям также было частью партийно-политической пропаганды.



Стоит отметить, что первый номер «Полярной звезды» был посвящён развитию сельского хозяйства СССР, что определило изменение вектора партийно-политической пропаганды в лагерной прессе. В нём было опубликовано постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 7 сентября 1953 г. по докладу Н.С. Хрущёва. Данная тема, появившаяся в «Полярной звезде», не была актуальной для «Заполярной кочегарки», т.к. её появление обусловлено историческими предпосылками. «Пленум ЦК КПСС призывает всех колхозников, работников МТС и совхозов приложить свои силы и развернуть творческую инициативу для выполнения задачи дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» [12]. Редакция газеты уделяла внимание вопросу пропаганды Постановления сентябрьского Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». В № 106 было рассказано, как сельское хозяйство развивают в заполярном совхозе: «Труженики животноводческого совхоза “Горняк”, расположенного далеко за Полярным кругом, с огромной радостью и воодушевлением встретили постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС... Созданный в районе вечной мерзлоты, ещё в первые годы Великой Отечественной войны, совхоз “Горняк” превратился за это время в крупное животноводческое хозяйство, накопил богатый опыт в развитии общественного поголовья скота в суровых условиях Заполярья. Он в увеличивающихся размерах снабжает высококачественными молочными продуктами шахтёров заполярного угольного бассейна» [13].

Помимо различий, имелось сходство, которое было выявлено при их сопоставлении газет «Полярная звезда» и «Заполярная кочегарка». В них важную роль играло освещение хода социалистического соревнования. Каждый месяц газеты печатали итоговый материал по соревнованию, рассказывали о передовиках: например, «на 6 февраля, включительно, шахты занимают следующие места: Первое. Шахта, где нач. т. Иванов, глав. инженер т. Овсий, зам. секретаря парторганизации т. Костин. Второе. Шахта, где нач. т. Волков, глав. инженер т. Петрушин, секретарь парторганизации т. Сирота» [14].

Схожим в периодических изданиях «Заполярная кочегарка» и «Полярная звезда» было то, что в них агитировали трудящихся Воркутинского ИТЛ участвовать в выборах в различные органы политической власти советского государства. Например, в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР «Заполярная кочегарка» агитировала голосовать 10 февраля 1946 г.: «Товарищи избиратели! 10 февраля, в день выборов в Верховный Совет СССР единодушно отдадим свои голоса за кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных т.т. Тараненко, Мальцева и Горшенина» [15].





Как «Заполярная кочегарка», так и «Полярная звезда» должны были курировать стенные газеты. «Заполярная кочегарка» призывала «способствовать росту рядов соревнующихся, показывать опыт передовиков соревнования, пропагандировать лучшие формы и методы борьбы за выполнение и перевыполнение взятых обязательств» [16]. Редакция «Полярной звезды» оказывала помощь редколлегиям стенных газет и боевых листов, потому что, чтобы «... стенная газета привлекала внимание читателя, нужно заботиться не только о её содержании, но и о красивом внешнем оформлении... Перед выпуском очередного номера газеты редколлегия собирается и обсуждает план номера. Здесь же получает задание каждый член редколлегии. Одному из них поручается, например, художественное оформление номера» [17].

И «Заполярная кочегарка», и «Полярная звезда» следовали главной линии, определяемой коммунистической партией для лагерной прессы. Они вели идеологическую работу, организовывали социалистические соревнования за досрочное выполнение государственных планов, за срочную и рентабельную работу, освещали особенности партийной жизни, писали о недостатках производственной деятельности и партийно-воспитательной работы. Газеты были изданиями закрытого типа, издавались только для вольнонаёмного населения и только в пределах лагеря-стройки. Редакции этих периодических изданий были обязаны соблюдать большую осторожность при освещении производственных вопросов, хранить государственную тайну, строго соблюдать и выполнять приказы и указания Главного управления по делам литературы и издательств. Главная цель издания этих лагерных многотиражных газет заключалась в воздействии на читателей.

В периодических изданиях «Заполярная кочегарка» и «Полярная звезда» освещались мероприятия, посвящённые таким праздникам, как день Советской Армии и Военно-Морского Флота (23 февраля), Международный женский день (8 марта). Также схожими в этих газетах были призывы передавать свои денежные средства в государственный заём для развития народного хозяйства СССР. Такой вид изъятия денежных средств у заключённых в современной историографии определяется как «государственный произвол», который выражался в «применении ряда изощрённых примеров изъятия в “добровольном порядке” у “спецконтингента” заработанных им средств. К ним можно отнести так называемые “государственные займы”, “взносы на оборону” и т.п.» [18].

Редакции газет «Полярная звезда» и «Заполярная кочегарка» проводили серьёзную работу по идейно-политическому воспитанию трудя-



щихся: «Все коммунисты занимаются повышением своего политического уровня. В группах, кружках и политшколах обучается также значительная часть беспартийных товарищей» [19]. Но в «Полярной звезде» данная работа проводилась среди военного состава. Стоит отметить, что основными задачами, которые решала редакция газеты, были следующие: освещение вопросов марксистско-ленинского воспитания личного состава, показ работы командиров подразделений и младших командиров с личным составом по укреплению воинской дисциплины, передача опыта работы руководителей кружков и групп марксистско-ленинской подготовки, освещение деятельности лагерных подразделений. Газета «Полярная звезда» печатала критические статьи, в которых отмечались серьёзные недостатки в деле подготовки к началу нового учебного года. Эти статьи обсуждались на партийных собраниях, заседаниях бюро и принимались конкретные меры по устранению недостатков. В газете печатались корреспонденции, в которых рассказывалось о том, как начался новый учебный год в системе марксистско-ленинского образования в подразделениях и хозяйствах лагеря.

«Полярная звезда» была преемницей «Заполярной кочегарки», но в ней изменилась направленность статей, выбранные тематики, сместился акцент на военный состав. Тон изложения в газете стал более деликатным, хотя обе газеты издавались для личного состава лагеря, основная задача которого состояла в том, чтобы «управлять и перевоспитывать... производственников, направлять их на путь честной трудовой жизни» [20].

Итак, газета «Полярная звезда» Воркутинского ИТЛ МВД СССР стала преемницей газеты «Заполярная кочегарка». Как и в «Заполярной кочегарке», в «Полярной звезде» агитировали на производственный подъём, освещали различные мероприятия, например, выборы, съезды, критиковали плохих исполнителей, возвышали передовиков. Но при этом в «Полярной звезде» прослеживаются изменения в партийно-политической пропаганде, связанные со сменой власти. В «Полярной звезде» появилась военная проблематика, информация о работе личного состава лагеря, об особенностях международных отношений. В газете делался большой упор на развитие сельского хозяйства, организацию партийно-политической пропаганды.

\* \* \*

1. Газеты СССР 1917–1960. Библиографический справочник. – М., 1980. – Т.4. – С.72–73.
2. Заполярная кочегарка. – 1943. – № 6. – С.1.
3. Заполярная кочегарка. – 1944. – № 7. – С.1.



4. Заполярная кочегарка. – 1948. – № 11. – С.1.
5. *Нисковский А.А.* Формирование и использование трудовых кадров в рамках системы ГУЛАГа в Коми АССР // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. – Сыктывкар, 2011. – Ч.2. – С.20–23.
6. Заполярная кочегарка. – 1943. – № 2. – С.1.
7. Полярная звезда. – 1953. – № 114. – С.1.
8. Полярная звезда. – 1953. – № 115. – С.1.
9. Полярная звезда. – 1954. – № 26. – С.1.
10. Полярная звезда. – 1955. – № 12. – С.1.
11. Полярная звезда. – 1959. – № 14. – С.1.
12. Полярная звезда. – 1953. – № 102–103. – С.1.
13. Полярная звезда. – 1953. – № 106. – С.1.
14. Заполярная кочегарка. – 1943. – № 9. – С.1.
15. Заполярная кочегарка. – 1946. – № 5. – С.1.
16. Заполярная кочегарка. – 1951. – № 53. – С.1.
17. Полярная звезда. – 1953. – № 118. – С.1.
18. *Бердинских В.А. Бердинских И.В., Веремьев В.И.* Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов / науч. ред. И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2015. – Вып. 2. – С.169.
19. Полярная звезда. – 1953. – № 118. – С.1.
20. Полярная звезда. – 1955. – № 50. – С.1.



**Д.Т. Козлова,**  
*научный сотрудник Института  
языка, литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**РУКОПИСЬ Г.М. ЛИТИНСКОГО  
«ТЕАТР ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ»  
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ  
ВОРКУТИНСКОГО ТЕАТРА СИСТЕМЫ ГУЛАГа**

Театральное искусство ГУЛАГа – одна из главных составляющих лагерной художественной субкультуры, сформировавшейся в результате репрессивной политики советского государства. В 30–50-е гг. XX в. многочисленные представители ведущих театров страны оказались на Крайнем Севере в Воркутинском лагере. Это был период интенсивного индустриального освоения территории Коми АССР силами ГУЛАГа, роста северных городов и рабочих посёлков, социокультурная среда обитания которых изначально формировалась под воздействием лагерной субкультуры, особенности которой диктовались влиянием жёстких факторов специфики системы ГУЛАГа. Концентрация театральных сил позволила руководству Воркутинского лагеря организовать при культурно-воспитательном отделе колонии Музыкально-драматический театр с целью обслуживания вольнонаёмного населения с привлечением заключённых профессиональных артистов и музыкантов. Деятельность лагерного театра обогащала социокультурную жизнь Воркуты и близлежащих посёлков, приобщая население ГУЛАГа к театральному и музыкальному искусству. Воркутинский драматический театр имени Б.А. Мордвинова является преемником одного из лучших лагерных театров страны, действовавших в период сталинского режима.

История Воркутинского театра системы ГУЛАГа получила освещение в научных трудах в контексте театрального искусства Коми АССР [1], однако отдельной работы, посвящённой музыкально-драматическому театру системы ГУЛАГа Воркуты, нет. Среди научно-популярной литературы выделяется статья Е. Галинской «Театр за Полярным кругом» [2], в основу которой положена рукопись Г.М. Литинского с одноимённым названием. Отдельный блок составляет литература мемуарного характера,



в которой в той или иной мере нашла отражение история Воркутинского лагерного театра [3].

Рукопись Г.М. Литинского «Театр за Полярным кругом. Воспоминания и документы. 1941–1955 годы» посвящена Воркутинскому ведомственному театру системы ГУЛАГа. Автор рукописи – Литинский Григорий Маркович (1910-е–1987 гг.) – театральный журналист, театровед; до 1941 г. работал театральным критиком в журнале «Театр». Будучи осуждённым Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию, в 1941–1946 гг. находился в Воркутлагере: работал на общих работах и в культурно-воспитательном отделе. В 1944–1955 гг. – администратор Воркутинского лагерного театра. После освобождения в 1955 г. жил в Москве, печатался в журналах «Театр» и «Театральная жизнь»; автор пьесы «Иван Куратов», поставленной в 1962 г. на сцене Коми республиканского драматического театра [4].

Рукопись Г. Литинского «Театр за Полярным кругом. Воспоминания и документы. 1941–1955 годы» представляет собой машинописный текст на листах формата А4 объёмом 522 м.п.с. Дата окончания работы над мемуарами – 1970-й год. Оригинал рукописи хранится в фондах театрального музея им. А.А. Бахрушина в г. Москве, копия – в МБУК «Воркутинский музейно-выставочный центр» («ВМВЦ») Республики Коми [5].

Мемуары Г.М. Литинского «Театр за Полярным кругом» имеют значительную научную ценность, т.к. являются важнейшим источником по истории Воркутинского театра системы ГУЛАГа. Вместе с тем следует учитывать, что мемуары, с одной стороны, насыщены обширной, подробной информацией о деятельности театра без обобщений, с другой – несут сугубо субъективный характер. Письменные источники личного происхождения – мемуары, воспоминания, дневники и частная переписка – играют важную роль при изучении «микроистории», позволяют не только более подробно раскрыть тему, но и пополнить её сведениями, которых нет в официальных документах [6]. Источниковую базу мемуаров «Театр за Полярным кругом» составляют художественно оформленные воспоминания, периодические фрагментарные дневниковые записи, содержащие сведения о творческой деятельности театра, и документальные материалы – газетные статьи и письма, которые включены в контекст повествования. Значительную часть мемуаров составляют автобиографические сведения, подробности административно-организаторской деятельности Г.М. Литинского в театре, выборочное отражение наиболее ярких событий и рассказы на тему лагерной жизни. Следует учитывать то, что Г.М. Литинский работал над мемуарами в советский период, когда приходилось соблюдать рамки



цензуры, что, вероятно, наложило отпечаток на излагаемый материал, поэтому нельзя также исключать и «самоцензуру», недосказанность автора.

Рукопись Г.М. Литинского «Театр за Полярным кругом» состоит из 6 частей: «Мордвинов строит театр. 1941–1945», «Будни. 1946–1949», «Закат. 1949–1955», «Алфавитный указатель сотрудников Воркутинского лагерного театра за 1943–1955 годы», «Постскриптум. 1943–1955».

Мемуары содержат сведения о мотивации и особенностях формирования Воркутинского профессионального театра системы ГУЛАГа, обеспечении, материальной базе, творческой деятельности, повседневной жизни театра, творческий коллектив которого состоял из вольнонаёмных и заключённых артистов. Создание театра, его повседневная деятельность были обусловлены целями и задачами добычи угля и строительства железнодорожной магистрали в годы Великой Отечественной войны. Мемуары насыщены множеством подробностей об этих событиях и их участниках. Мемуарист сконцентрировал внимание на личности начальника комбината «Воркутстрой» НКВД СССР генерал-майора М.М. Мальцева, роль которого в создании и процветании театра была решающей. Именно им 8 августа 1943 г. был подписан приказ о создании Музыкально-драматического театра по обслуживанию вольнонаёмного населения Воркутинского угольного бассейна на хозрасчётной основе [7], а 1 октября 1943 г. премьерой оперетты И. Кальмана «Сильва», клавиру которой был восстановлен артистами по памяти, состоялось открытие Воркутинского театра. «М.М. Мальцев не был меценатом того сорта, который просто любит пофорсить и погордиться перед соседями своими достижениями и в области искусства. Нет, генерал-майор Мальцев по-настоящему любил и понимал театр, понимал, какое великое значение он призван сыграть на этой далёкой стройке, затерявшейся в белом безмолвии отрезанной от мира тундры», – пишет Г.М. Литинский [8].

Мемуары содержат информацию об обстоятельствах назначения заключённого Б.А. Мордвинова на должность художественного руководителя профессионального Музыкально-драматического театра Воркуты. Подробно описана его деятельность в качестве основного режиссёра-постановщика, который являлся идейным вдохновителем Воркутинского лагерного театра, подчеркнута исключительно важная роль Б.А. Мордвинова в создании и становлении лагерного театра. «Можно сказать, что театр держался на двух лицах – художественном руководителе Б.А. Мордвинове и начальнике комбината Воркутуголь М.М. Мальцеве», – пишет Г.М. Литинский [9].

Заслуженный артист РСФСР, главный режиссёр Большого театра СССР, руководитель кафедры сценического искусства Московской кон-



серватории, профессор Б.А. Мордвинов (настоящая фамилия – Шефтель) в лагерь попал по ложному обвинению в шпионской связи с актрисой, «на которую имел виды некий влиятельный человек», получив 3 года лишения свободы [10]. В воркутинском лагере Б.А. Мордвинов работал на общих работах: грузчиком на пристани, подсобным рабочим на складе, дневальным в бараке. В начале 1940-х гг. заключённый Б.А. Мордвинов был назначен художественным руководителем любительского поселкового театра, постановки которого отличались высоким уровнем мастерства и пользовались успехом у населения.

Идея создания профессионального театра с привлечением заключённых профессиональных артистов принадлежала Б.А. Мордвинову. Интересны воспоминания, раскрывающие секреты мастерства Б.А. Мордвинова, позволяющие проникнуть в творческую лабораторию режиссёра. Педагогический опыт, приобретённый в музыкальной студии имени Немировича-Данченко, помог Б.А. Мордвинову превратить репетиции в школу актёрского мастерства. Так, с целью постановки оперных спектаклей ведущие солисты театра, политзаключённые Б. Дейнека и Н. Сеницын, благодаря урокам Б.А. Мордвинова овладели актёрской техникой, а вольнонаёмные приобрели профессиональный актёрский опыт.

Мемуары свидетельствуют о том, что в отчётной и распорядительной документации принадлежность театра к системе ГУЛАГа не указывалась. Только первая печатная программа театра вышла под грифом «Театр Воркутстроя НКВД СССР», но уже на последующей программе театр был отнесён к производственному предприятию и значился Музыкально-драматическим театром комбината «Воркутуголь» МВД СССР. В 1949–1953 гг. он именовался театром Дома культуры КВУ (культурно-воспитательного управления) МВД СССР [11].

Комбинат «Воркутуголь» снабжал театр инвентарём, мебелью, аппаратурой, красками, различными подсобными материалами. Большую помощь лагерному театру реквизитом, театральными костюмами оказали театры Ленинграда в благодарность за уголь. Проблему репертуара, которая всегда стояла очень остро, помогли решить известная писательница В. Панова и композитор И. Шток, которые, в отличие от других, откликнулись на просьбу воркутян выслать драматургический материал и клавиры музыкальных спектаклей, хотя в те годы это было небезопасно [12].

Единственный профессиональный театр в городе должен был развиваться как театр многожанровый, однако он объединил вокалистов и драматических актёров, профессионалов и любителей без единой школы и направления, различных по жанрам и квалификации артистов, что являлось главным препятствием. Между тем к концу первого сезона «разношёрст-



ный» коллектив превратился в слаженный творческий ансамбль, что нашло отражение в репертуаре. За короткий срок были поставлены классические оперетты «Сильва» и «Марица» Кальмана, отрывки из опер «Чио-Чио-Сан» Пуччини и «Травиата» Верди. Благодаря высокопрофессиональным исполнителям вольнонаёмным Н.И. Глебовой и В.М. Пясковской, а также Б.С. Дейнеке, Т. Рутковской, В.М. Ищенко, Н. Сеницыну из числа заключённых приоритет принадлежал музыкальной группе. Драматические пьесы пользовались меньшим успехом у зрителей. Исключением была «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони, главную роль в которой играл сам Б.А. Мордвинов. Более 100 тыс. зрителей побывали на спектаклях и концертах на основной сцене и в клубах Воркутинского угольного бассейна в первый театральный сезон [13]. В 1945 г. состоялась премьера оперы «Фауст» Ш. Гуно, что явилось значительным событием в культурной жизни Воркуты. Затем последовали «Паяцы» Леонкавалло, «Риголетто» Верди, «Севильский цирюльник» Россини, «Евгений Онегин» Чайковского, однако преобладающее место в репертуаре занимали оперетты.

Дневниковые записи прослеживают динамику роста театрального коллектива. Первоначально в составе группы числилось 23 человека [14]. К окончанию войны были организованы группы солистов-вокалистов, хоровая, балетная, драматическая, появились симфонический оркестр, концертмейстеры, постановочная часть, декорационный цех, а также цех костюмеров (пошивочный и сапожный). В 1947 г. труппа состояла из 40 человек, всего же в штате театра числилось около 150 человек [15]. Характеризуя театр послевоенного периода, мемуарист пишет: «Театр огромный: не каждый областной город может позволить себе такую роскошь. В штате три режиссёра, два дирижёра, два балетмейстера, три концертмейстера» [16].

Пополнение труппы осуществлялось преимущественно за счёт заключённых профессиональных актёров, музыкантов, художников, которые направлялись учётно-распределительной частью лагеря, а также по наряду доставлялись в Воркуту из Котласа, центральной северной пересылки, и из разбросанных по тундре лагерей. Особый интерес вызывают встречи заключённых, работавших до ареста в одной области искусства, но разных по ранжиру. Доставленных в театр артистов отбирал сам Б.А. Мордвинов. «К нам подошёл стремительный и вместе с тем спокойный, с умным интеллигентным лицом, смеющимися, насмешливыми и очень пытливыми глазами, с прекрасной дикцией и каким-то особым выговором человек. Держался он с осанкой короля, но вместе с тем был прост и, хотя разговаривал порой резко и требовательно, произвёл на меня очаровательное впечатление», – пишет в письме к Г.М. Литинскому кинорежиссёр А. Гольбурт [17]. Непривычные для представителей творческой интеллигенции





физический труд, лагерная жизнь, суровые климатические условия были губительны, поэтому театр воспринимался ими как средство выживания. Б.А. Мордвинов внушал заключённым артистам: «... труд – единственное наше спасение, он даёт смысл жизни, позволяет забыть унижительность положения, а главное, спасает от разложения» [18]. Г.М. Литинский вспоминает, что, оказавшись в театре после 3 лет пребывания в лагере на тяжёлых физических работах, он «впервые почувствовал себя вновь человеком»: «Только в театре я находил спасение от тлетворного влияния лагеря, и ненавидел выходные дни, когда приходилось торчать в зоне. Для артистов форма художественного самовыражения становилась острой потребностью, способом нравственного и физического выживания» [19]. Вместе с тем заключённые артисты пребывали в постоянной тревоге, т.к. за любую провинность артиста могли «списать» из театра на ТФТ (тяжёлый физический труд). Руководство комбината периодически напоминало артистам об их подневольном положении, отправляя театр в полном составе на целый месяц в шахту, где «артистов встречали не со злорадством, а сочувственно: работяги старались всячески облегчить им работу. Презрительные отношения позволяли себе только блатные по идейным соображениям: выступать на публике, “выкомариваться” казалось им унижительным» [20]. В послевоенный период приток в лагерь новых театральных профессионалов-заключённых не уменьшался. Комиссия по отбору артистов уже имела возможность выбирать, формируя творческое лицо театра. К примеру, известную исполнительницу русских народных песен Л. Русланову, имевшую желание работать в Воркутинском театре, не приняли по причине совершения ею попытки суицида в другом лагере [21].

Подробным образом мемуарист осветил материальную базу и производственно-техническое состояние театра, который первоначально располагался в ветхом деревянном здании поселкового клуба, перестроенном под театр. В 1945 г. в месячный срок, работая в 3 смены, по проекту архитектора Лунева заключённые построили новое здание театра, соответствовавшее всем нормативным требованиям театрально-зрелищных учреждений. Мемуары свидетельствуют о том, что побудительным мотивом к строительству нового театра явились амбициозность и соперничество начальников колоний, результатом чего стал спор между М.М. Мальцевым и начальником Печоржелдорлага полковником В.А. Барабановым, послужившим прообразом главного героя романа В. Ажаева «Далеко от Москвы». В.А. Барабанов, который высоко ценил профессиональный уровень Воркутинского театра и у которого в Абези был «свой» театр, возмущался неказистым зданием театра воркутян, сомневаясь, что в месячный срок будет построено новое здание. На время строительства Воркутинский театр



в полном составе был отправлен на гастроли в Абезь. О лояльном отношении к заключённым артистам свидетельствует выписка из приказа «О гастролях Воркутинского театра», изданного В.А. Барабановым, в котором отдельным пунктом было прописано: «установить контроль за доброкачественным питанием участников гастролей из состава заключённых» [22].

Мемуары содержат немало развёрнутых повествований, отражающих повседневную жизнь заключённых артистов: особенности внутренней организации театра, распределение обязанностей между членами творческого коллектива, проявление социальных конфликтов в среде осуждённых. Описание фактического положения заключённых артистов позволяет выявить как общие закономерности, так и индивидуальные особенности в их судьбе. Заключённых артистов на репетиции и спектакли приводили в театр под конвоем. «В зале странная публика. Сидят строго в соответствии со званием. О продвижении по службе можно судить по тому, как меняется место человека в партере. Начальник любит театр, как отец любит своего первенца, и не прощает равнодушия к нему» [23]. Приводится случай, когда за фальшивое звучание оркестра дирижёр был отправлен в карцер, что свидетельствует о произволе лагерного начальства. По лагерному этикету аплодировать на спектаклях не полагалось, т.к. большинство артистов составляли заключённые. В местной печати авторы рецензий на спектакли давали односложные и общие оценки, не называя имён артистов и постановщиков, хотя театральная жизнь Воркуты постоянно освещалась на страницах «Заполярной кочегарки» [24].

Особый интерес представляют те страницы мемуаров, на которых освещены взаимоотношения между вольнонаёмными и заключёнными артистами. Отмечается тёплая, дружественная обстановка в театре, уважительное отношение и обращение друг к другу «на вы». «Смешанный состав труппы несколько не отражался на дисциплине. Работали дружно. Как правило, вольнонаёмные артисты относились к своим коллегам из заключённых не только лояльно, а даже сердечно, многие подкармливали заключённых, ибо лагерный паёк был голодноват. Всех сплачивало искусство. Режиссёр из заключённых орал на вольнонаёмного артиста, и тот, забывая про лагерный устав, подчинялся естественной субординации» [25]. Однако романтические отношения между артистами преследовались, особенно между заключёнными и вольнонаёмными. Так случилось с ведущим солистом Н. Синицыным, который был занят во всём оперном репертуаре, но «списан» из театра за влюблённость в вольнонаёмную хористку. Брачные отношения тоже запрещались, что иногда приводило к суициду [26].

Заметное место в мемуарах уделено вопросам отношения руководства комбината «Воркутуголь» к творческому коллективу театра. Описывая



бытовые условия артистов, мемуарист отмечает, что лагерное начальство старалось создать актёрам приемлемые условия для жизни и творчества. В 1946 г. для заключённых актёров был выделен отдельный «артистический» барак, где было больше порядка. «Нарядчики и чины из комендатуры остерегались совершать сюда свои налёты, здесь не было мучительных проверок в любое время суток, как в прочих бараках» [27]. Женщины жили в более благоустроенных бараках, отведённых для административно-технического персонала. Питание заключённых артистов также было несколько лучше, чем у основной массы осуждённых.

Мемуары отражают огромный успех музыкально-драматического театра у воркутинской публики и одновременно непомерную нагрузку на все цеха – творческие и подсобные, т.к. в месяц давалось по 60–65 представлений. Оперетта «Сильва» И. Кальмана, с которой началась история театра, за 4 сезона прошла 125 раз, большинство спектаклей выдержали по 50 и более представлений. За 4 года спектакли и концерты лагерного театра посетили 650 тыс. трудящихся Воркутинского угольного бассейна [28].

Мемуары содержат информацию о вкладе Б.А. Мордвинова в развитие коми национального театрального искусства. В 1946 г. в связи с празднованием 25-летия образования Коми автономии он был командирован в Сыктывкар, где с коми группой Коми республиканского драматического театра были поставлены «Ревизор» и «Усть-Куломское восстание» на коми языке. Одновременно он прочитал курс лекций по актёрскому мастерству в студии при драмтеатре. Освободившись в 1946 г., Б.А. Мординов работал в Коми республиканском драматическом театре в Сыктывкаре, где поставил «Бесприданницу» А. Островского, «Он пришёл» Дж. Пристли и «Отелло» У. Шекспира, последний в письме к Г.М. Литинскому называет своей самой «интересной» постановкой из тех, которые были осуществлены им после заключения не только в Сыктывкаре, но и в Саратове и Минске и сетует об отсутствии театральной критики, которая смогла бы по достоинству оценить этот спектакль [29].

Мемуары освещают тему власти и лагерного театра. Контроль за деятельностью театра был возложен на политотдел, который, наряду с Управлением по делам искусств Коми АССР, обязан был следить за идейной направленностью творческого коллектива, совместно решая вопросы комплектования штатов из числа вольнонаёмных артистов и музыкантов. С целью утверждения репертуара при театре был организован Художественный совет под председательством начальника политотдела. Зачастую мнения внутритеатрального Художественного совета и внешнего, который утверждал репертуар и принимал спектакли, расходились. К примеру, пьесу «Московский характер» внутренний художественный совет принял восторжен-



но, а начальник комбината А.Д. Кухтиков «ругал и пьесу, и спектакль последними словами», поэтому в выборе репертуара «угодить начальству» превалировало над интересами публики [30]. В 1947 г. в связи с выходом постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» Воркутинский театр с проверкой посетила инспектор Управления по делам искусств при СНК Коми АССР М. Белых, по итогам которой 11 января того же года в газете «За Новый Север» ею была опубликована статья о Воркутинском театре. Г.М. Литинский приводит её в полном объёме. В статье отмечалось, что Воркутинский театр не сумел перестроить свою работу в соответствии с постановлением «О репертуаре драматических театров...», что проявлялось в перегруженности репертуара малоидейными опереттами развлекательного жанра и «пошленькими водевилями», отсутствии в театре политико-воспитательной работы. В ответ администрация театра направила опровержение в редакцию газеты, в котором М. Белых уличалась в предвзятости и искажении фактов, однако оно не было напечатано [31].

После освобождения Б.А. Мордвинова художественным руководителем работал В.В. Рыченко, который не оставил заметного следа в истории театра, с 1948 г. – приглашённый из Москвы Н.И. Быков, который как актёр и режиссёр развернул широкую творческую деятельность, осуществив более 20 музыкальных и драматических спектаклей, однако «все подчас даже очень интересные работы бледнели на фоне мордвиновских постановок», что изменило отношение зрителей к театру и повлекло за собой финансовые проблемы. Изменилось и отношение руководства комбината к театру, «мecenаты стали скупее» [32]. По мере того как число заключённых уменьшалось, а вольнонаёмных увеличивалось, содержать театр становилось всё труднее.

В 1951 г., лишившись жанрового определения по причине отсутствия заключённых солистов и музыкантов, отбывших срок заключения, театр стал узкодраматическим. С этого времени в Воркуте начинается падение зрительского интереса, в связи с чем в интересах кассового сбора театр много гастролирует по северным городам республики. Об успешной гастрольной деятельности театра не только в Ухте, Печоре, Абези, но и Сыктывкаре, по итогам которых И. Глебовой и В. Пясковской были присвоены почётные звания заслуженных артистов Коми АССР, свидетельствует переписка мемуариста с женой. В письмах содержится характеристика лагерных театров Абези и Ухты, которые уступали Воркутинскому театру в творческом плане.

В 1953 г. вследствие реорганизации в системе ГУЛАГа лагерные театры страны были закрыты, однако Воркутинский театр, в отличие от



других театров, действовавших на территории республики, продолжал свою деятельность, но уже без заключённых артистов и носил название «Драматический театр Министерства угольной промышленности СССР».

Рукопись Г.М. Литинского содержит более 300 биографических справок артистов, режиссёров, художников, музыкантов, работавших в Воркутинском лагерном театре в 1943–1955 годы. Автор не придерживается деления сотрудников на заключённых и вольнонаёмных, мотивируя это тем, что почти все эти бывшие заключённые «за отсутствием состава преступления давно уже реабилитированы и в своих анкетах не должны вспоминать о прошлой судимости и об отбытии наказания» [33]. Однако мемуары свидетельствуют о принадлежности артиста, музыканта к той или иной категории. Мемуары информируют о территориальном и социальном происхождении, творческой деятельности артистов, музыкантов, художников, внёсших значительный вклад в становление и развитие Воркутинского музыкально-драматического театра. Среди них: заключённые Б.С. Дейнека, Т.И. Рутковский, К.Н. Рутковская, В.Д. Лавров, В.Г. Токарская, Б.А. Козин, Е.М. Михайлова, А.К. Стояно, Н.В. Сеницын, А. Я. Сеплярская, С.Б. Кравец, В.М. Ищенко, В.Д. Головин, художники Т.Т. Буря и П.Э. Бендель, кинодраматург и литератор А.Я. Каплер, а также заслуженные артисты Коми АССР В.М. Пясковская и Н.И. Глебова, Е.К. Волошина, Н.И. Быков из числа вольнонаёмных.

Таким образом, мемуары Г.М. Литинского «Театр за Полярным кругом. Воспоминания и документы. 1941–1955 годы» представляют широкую ретроспективу Воркутинского театра системы ГУЛАГа, насыщенную разнообразным фактологическим и статистическим материалом, что подтверждает их научно-познавательную ценность. Они содержат уникальную информацию о творческой деятельности заключённых артистов, музыкантов, художников, что является документальным обвинением тоталитарному режиму. Мемуары Г.М. Литинского, являясь нарративным историческим источником, воспроизводящим часть прошлого, вносят существенный вклад в изучение репрессивной политики советского государства в 30–50-е гг. XX века.

\* \* \*

1. История Коми с древнейших времён до конца XX века. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004. – Т.2. – С.481, 482, 576; История Коми с древнейших времён до современности. Т.2. Изд-е доп. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2011. – С.465; *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. – М.: Наука, 1968. – С.268; *Козлова Д.Т.* Театры ГУЛАГа



и их роль в развитии театрального дела в республике // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Коми. Материалы по истории Коми. – Сыктывкар, 1997. – С.103–115.

2. *Галинская Е.* Театр за Полярным кругом // Родники Пармы: сборник. – Сыктывкар, 1990. – С.142–149; *Безносиков Я.Н.* Рассвет над Коми. – Сыктывкар, 1986. – С.180; *Козлова Д.Т.* История театральной и музыкальной культуры Республики Коми. XX век. / отв. и науч. ред. А.А. Попов. – Сыктывкар, 2007. – С.72–73, 92–94.

3. *Клейн А.С.* Улыбки неволи. (Непридуманная жизнь. События. Судьбы. Случай). – Б.м.: Пролог, 1997. – С.201–210; *Клейн А.С., Попов А.А.* Заполярная драма... // Покаяние: Мартиролог / сост. Г.В. Невский. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. – Т.2 – С.219–260; *Маркова Е.В.* Воркутинские заметки каторжанки «Е – 105». Приложение к мартирологу «Покаяние». – Сыктывкар, 2005. – № 3. – С.93–102; *Котляр Э.* «Фауст» в ИТЛ // Театр ГУЛАГа / сост. М.М. Кораллов. – М.: Мемориал, 1995; *Гулаговские тайны освоения Севера / Е.В. Маркова, В.А. Волков, А.Н. Родный, В.К. Ясный.* – М.: Стройиздат, 2001, С.112–115.

4. URL: <http://gctm.narod.ru/fond1/h660.htm> 12.06.2019

5. МБУК «ВМВЦ» Г. Литинский «Театр за Полярным кругом. Воспоминания и документы. 1941–1955 годы».

6. URL: <http://www.historichka.ru/materials/istochnikovedenie/11.html> (дата обращения: 15.06.2019).

7. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.28.
8. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.30.
9. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.30.
10. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.5.
11. МБУК «ВМВЦ». НВФ 3051/1. С.61.
12. МБУК «ВМВЦ». НВФ3051/2. С.38
13. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.29.
14. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.29.
15. МБУК «ВМВЦ». НВФ 3051/1. С.52.
16. МБУК «ВМВЦ». НВФ 3051/1. С.52.
17. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.102.
18. МБУК «ВМВЦ». С.65, 104.
19. МБУК «ВМВЦ». С.80, 104.
20. МБУК «ВМВЦ». С.78.
21. МБУК «ВМВЦ». НВФ 3051/1. С.83.
22. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.31, 78.
23. МБУК «ВМВЦ». НВФ 3051/1. С.69.
24. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.29.



25. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.6; НВФ 3051/1. С.32.
26. МБУК «ВМВЦ». НВФ 3051/1. С.20–23.
27. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.79.
28. МБУК «ВМВЦ». НВФ 3051/1. С.2.
29. МБУК «ВМВЦ». ОФ 1731/1. С.72, 92.
30. МБУК «ВМВЦ». НВФ 3051/1. С.7, 68.
31. МБУК «ВМВЦ». С.53, 54.
32. МБУК «ВМВЦ». С.66, 67; НВФ 3051/2. С.11.
33. МБУК «ВМВЦ». ОФ 17314/3 Ч.IV. С.2.



УДК 94:930.2(470.13)

**К.В. Истомин,**

*канд. ист. наук, ст. научный  
сотрудник Института языка,  
литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ  
СОВОХОЗСТСКИХ ПРАКТИК СРЕДИ ОЛЕНЕВОДОВ-  
КОЛХОЗНИКОВ И СОВХОЗНИКОВ КОМИ АССР  
ПО ДАННЫМ СТАТИСТИКИ ДВИЖЕНИЯ  
ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ СТАД.  
СОПОСТАВЛЕНИЕ С МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТЬЮ\***

Хотя публикаций, в том числе теоретического плана, посвящённых сельскому хозяйству советского времени достаточно много, новые теоретические концепции продолжают активно разрабатываться как в нашей стране, так и за рубежом. Среди разработок последнего времени особенно значимой, на наш взгляд, является так называемая теория совхозизма, разработанная болгарским исследователем Юлианом Константиновым и изложенная им в серии статей (см. напр.: [1]) и наиболее полно – в монографии на английском языке «Диалоги с властью» [2]). От других опубликованных концепций концепция Константинова отличается прежде всего тем, что она разработана в основном на материалах, относящихся к Северу России, к Кольскому полуострову, хотя привлекались, разумеется, и материалы по другим областям. Кроме того, построения Константинова базируются не только на письменных исторических источниках, но и на устных интервью с сельскими жителями, помнящими жизнь на селе в различные периоды советского строя. Последние позволили учёному выйти на роль неформальных экономических практик, как правило, не находящихся отражения в письменных источниках.

Суть предложенной Константиновым концепции можно описать следующими пунктами:

---

© Истомин К.В., 2019

\* Представленное исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-01-00084-ОГН «Пост-советский совхозизм: история сложения и возможности трансформации (на примере оленеводческих хозяйств арктической зоны европейской России)», руководитель – В.Р. Цилев (Мурманский Арктический университет).





1. За исключением относительно короткого периода, следовавшего непосредственно за первой волной коллективизации (причём даже это исключение следует сопровождать оговорками), советское колхозно-совхозное хозяйство никогда не было коллективным в полном смысле слова: у объединённых в колхозы крестьян сохранялись и частные, или, как их было принято называть в советское время, «личные» хозяйства. Несмотря на то что эти личные хозяйства колхозников и совхозников никогда не были особенно большими (их размеры ограничивались, хотя строгость этих ограничений сильно варьировалась от места к месту и от одного периода советской истории к другому), они играли огромную роль в жизни сельских жителей. Можно без особого преувеличения сказать, что на протяжении большей части советской истории (исключение, возможно, составлял лишь период высшего расцвета советской экономики со второй половины 70-х по первую половину 80-х гг. XX в.) без них в сельской местности было просто не выжить: количество и ассортимент продуктов, получаемых колхозниками за трудодни, почти никогда не были достаточны для поддержания достойного уровня потребления в семье, то же можно сказать о совхозных зарплатах.

2. При этом личные хозяйства существовали в плотной спайке с коллективными: ресурсы для их ведения, например участки земли или пастбища для выпаса личного скота, выделялись совхозами и колхозами. Что, пожалуй, ещё более важно, существовало множество полуформальных и неформальных практик манипулирования колхозной и совхозной собственностью для ведения личного хозяйства: личные участки обрабатывались с помощью колхозных и совхозных лошадей или колхозной и совхозной техники, удобрялись навозом с совхозных конюшен и ферм, скот и птица вскармливались совхозными кормами и обслуживались по знакомству совхозными ветеринарами и т.д. Уровень развития и распространённости таких неформальных практик также сильно варьировался от места к месту и от эпохи к эпохе, но в каком-то виде они бытовали повсеместно, и эффективность личных хозяйств колхозников и совхозников, сама их способность при своих незначительных размерах восполнять доходы от труда на коллективные хозяйства до приемлемого уровня зависела именно от этих неформальных практик.

3. Таким образом, сельское хозяйство колхозного и совхозного периодов вовсе не было коллективным. Оно даже не было «двойным», или «дуальным» [3], т.е. состоявшим из двух сосуществующих и обслуживающих различные сферы секторов с различным участием государства. Это был совершенно особый тип хозяйствования, который можно определить как частное-в-коллективном, т.е. хозяйствование, основанное на неформальном проникновении частного хозяйства в коллективное и зависевшее от мани-



пулирования коллективными ресурсами в пользу личных хозяйств. Ю. Константинов предложил для его обозначения термин «совхоизм» (болгарское производное от русского слова «совхоз»), либо «совхоистская экономика»\*. Он предположил, что в основе совхоизма лежит некий молчаливый договор между социалистическим государством и жителями его сельских районов: по этому договору государство соглашалось в определённых пределах закрывать глаза на манипулирование социалистической собственностью в обмен на признание населением легитимности колхозно-совхозного устройства.

4. Наконец, согласно Константинову, на протяжении советского периода совхоистская экономика постоянно трансформировалась – развивалась, если, конечно, этот термин вообще применим к экономике такого типа. Основным двигателем её развития было желание пересмотреть упомянутый выше молчаливый договор обеими сторонами – желание, которое вело к своеобразному диалогу между властью и селянами. Как только «совхоистская» система полностью оформилась (согласно Константинову это произошло в конце 1940-х – начале 1950-х гг.), государство начало систематически предпринимать атаки на неё, стремясь уничтожить или хотя бы поставить под контроль совхоистские практики и ограничить личные хозяйства (наиболее известная из таких попыток была осуществлена в начале 1960-х гг. Хрущёвым), однако каждый раз было вынуждено остановиться и примириться с существованием совхоизма, поскольку полностью коллективное сельское хозяйство, способное поддержать приемлемый уровень жизни на селе, в реальности оказывалось для него просто неподъёмным. С другой стороны, селяне весь послевоенный период шаг за шагом расширяли свои личные хозяйства и изобретали новые, всё более изощрённые способы и пути манипулирования общественным в личных целях, что вело к постепенному укреплению совхоизма. Результатом этого процесса стал «развитой совхоизм» (термин Константинова) 1980-х гг., о котором до сих пор с ностальгией вспоминают в российских сёлах. Более того, совхоизм пережил и распад Советского Союза, и экономика, основанная на манипулировании общественной собственностью в целях личных хозяйств, до сих пор существует во многих сельских районах России, где по социальным причинам и часто на государственный счёт сохраняются крупные сельхозпредприятия – наследники совхозов.

Хотя, по утверждению Константинова, совхоизм был чертой всего советского сельского хозяйства, степень его развития и распространённости

---

\* С точки зрения русского языка более правильной была бы форма «совхозизм», «совхозизский».



сильно варьировала между различными частями СССР, а также между отдельными отраслями сельского хозяйства. Так, очень высокую степень распространения совхозистские практики получили в оленеводстве, где возможность колхозно-совхозной администрации контролировать кочевавших в тундре оленеводов была близка к нулю, а сами оленеводы от совхоза и его инфраструктуры зависели мало. Это делает изучение советского оленеводства крайне интересным с точки зрения теории совхозизма.

В период с 2017 по 2019 г. нами при поддержке РФФИ реализовывался исследовательский проект, направленный на документацию практик манипулирования общественной собственностью в целях личного хозяйства, т.е. совхозистских практик, в оленеводстве двух регионов Европейской России: Кольского полуострова (Мурманская область) и Республики Коми – и реконструкцию истории их формирования и развития в советский период. Выбор указанных регионов определялся тем, что в их оленеводстве, в отличие от оленеводства более восточных областей России, определяющую роль на протяжении всего постсоветского периода играли и до сих пор играют крупные предприятия – бывшие совхозы, сохранявшие во многом структуру и практики трудовых отношений советского времени. Это позволяет рассчитывать на сохранение в них до сих пор (либо, по крайней мере, до относительно недавнего времени) сложившихся совхозистских практик, которые, таким образом, могут быть документированы посредством этнографических методов (путём прямого наблюдения и интервью). Последнее важно, поскольку документальных источников по данным практикам, в силу их неформальности и даже некоторой противозаконности, крайне мало. Этнографические полевые работы с целью документирования совхозистских практик были проведены автором настоящей статьи зимой 2017–2018 гг. (с. Краснощелье Мурманской области – ПСХК «Оленевод») и зимой 2018–2019 гг. (г. Воркута республики Коми – ПСК «Оленевод», по совпадению оба обследованных предприятия имели одинаковое название). Кроме того, в рамках проекта была проведена архивная работа, в ходе которой были собраны данные по динамике изменения численности частных и совхозно-колхозных стад. Методологически эта часть проекта базировалась на следующих соображениях: личные и колхозно-совхозные (общественные) олени в обоих регионах постоянно выпасались вместе, в одном стаде, отличаясь друг от друга лишь ушными клеймами. Поэтому такие влияющие на сохранность и воспроизводство оленей естественные факторы, как природно-климатические условия, снежный покров, качество пастбищ, нападение хищников, распространение болезней и даже качество работы пастухов, воздействовали на них одинаково, что теоретически должно было вести к одинаковой динамике изменения численности



обеих групп оленей (обе должны были или одновременно расти, или одновременно сокращаться, причём в примерно сходной пропорции). Поэтому существенно более быстрый рост личных стад по сравнению с общественными – и тем более рост личных стад в условиях сокращения общественных – мог объясняться лишь действием совхозистских практик и, таким образом, мог служить признаком их существования и/или развития. С другой стороны, более позитивная динамика общественных стад по сравнению с личными, скорее всего, указывает на антисовхозистскую административную политику, политику сдерживания и/или сокращения личных хозяйств, которая, впрочем, должна, в отличие от совхозистских практик, найти отражение в исторических источниках. Архивная работа в Мурманском областном архиве была проведена В.Р. Цилевым, заведующим кафедрой антропологии факультета истории и социальных наук Мурманского арктического университета. Архивная работа в Государственном архиве Республики Коми была проведена автором настоящей статьи.

Проведённые полевые работы показали, что в Большеземельской тундре, как и на Кольском полуострове, совхозизм до сих пор играет существенную роль в экономике оленеводов. Можно сказать, что большинство оленеводов рассматривают своих личных оленей, выпасающихся в бригадном стаде, в качестве основы своей домашней экономики, в то время как трудовые отношения с предприятием рассматриваются ими скорее как условие, позволяющее вести это хозяйство с меньшим количеством затрат и известной страховкой от потерь, а также обеспечивающее право выпаса личных оленей в совхозных стадах на пастбищах предприятия. Зарплата, получаемая оленеводами от предприятия, очень мала. Кроме того, предприятие вычитает из неё за потери или забой на общепит совхозных оленей, а также за продукты, материалы и топливо, которые оленеводы – работники предприятия берут в факториях, центральной усадьбе или заказывают для доставки в бригады. Поэтому крайне важным источником денежных доходов современных оленеводов оказывается продажа (чаще всего самому предприятию) мяса личных оленей, а также изготовление и продажа изделий из их шкур. Совхозистские практики являются важнейшим инструментом сохранения, приумножения личных оленей и распоряжения ими и играют в хозяйстве оленеводов не меньшую, а скорее большую роль, чем предоставляемые предприятием в счёт их зарплаты продукты и товары.

Совхозистские практики оленеводов Большеземельской тундры несколько отличаются от зафиксированных на Кольском полуострове. Большинство различий можно объяснить различиями в оленеводческой технологии: в отличие от Кольского полуострова, где олени в летний период содержатся на безнадзорном выпасе, оленеводы Большеземельской тундры



круглый год кочуют со своими стадами и держат их под постоянным контролем. Это, с одной стороны, ограничивает возможности прямого контроля за оленеводами со стороны администрации предприятия, а с другой, как ни странно, увеличивает возможности косвенного контроля: поскольку бригадные стада постоянно контролируются оленеводами и их не нужно собирать и разделять перед подсчётом после долгого периода свободного выпаса с непременным риском оставить неопределённое количество животных непросчитанным, воркутинское предприятие гораздо лучше осведомлено как об общем количестве принадлежащих ему в каждой оленеводческой бригаде животных, так и о движении стада. Сохранность взрослого поголовья в бригадном стаде тщательно контролируется, от оленеводов требуют подробных объяснений о зафиксированном на подсчёте несовпадении взрослого поголовья с поголовьем прошлого года, и в случае, если такие объяснения окажутся с точки зрения администрации неудовлетворительными, на оленеводов налагаются штрафы. Всё это снижает возможности оленеводов манипулировать собственностью на взрослое поголовье.

Поэтому, как и на Кольском полуострове, большинство совхозистских практик связано с манипулированием правом на приплод, т.е. с распределением родившихся телят. Удобное местоположение центральной усадьбы воркутинского предприятия вблизи отельных пастбищ позволяет организовывать во второй половине июня – начале июля летние карали для подсчёта и прививок оленей и осуществлять на них распределение телят. Несмотря на то, что связь между важенками и их приплодом в этот период ещё вполне видна, оленеводы и администрация предприятия, насколько нам удалось установить, даже не делают попытки связать распределение телят в собственность с тем, кому принадлежат их матери – важенки, за которыми они следуют. Бригадные стада загоняются в накопительные камеры карала, откуда маленькие группы оленей одна за другой запускаются в рабочую камеру, где проводятся прививки, отделение случайно оказавшихся в стаде «чужих» оленей, а на выходе – подсчёт. Обычно оленеводы – члены бригады, находящиеся в рабочей камере, – просто выбирают из попадающих туда телят лучших (обычно наиболее крупных и развитых, а также имеющих красивый цвет и структуру шкуры для последующего забоя на одежду) и ставят на них своё клеймо. Потом все телята из рабочей камеры передаются в соседнюю, так называемую телячью камеру, где остальные оленеводы выбирают телят для себя, оленеводов, не присутствующих в карале, и других лиц, чьи важенки присутствуют в их стаде. Обычно каждый оленевод имеет право заклеить для себя столько телят, сколько его/её важенок присутствуют в стаде. Телята, которых никто не выбрал для себя, получают клеймо предприятия и пополняют «совхозное» стадо.



Ещё больше возможности для манипулирования телятами даёт кольское оленеводство. Из-за того, что в летний период олени находятся на вольном выпасе, клеймение телят происходит здесь только зимой, после сбора оленей, на осенних и зимних каралях. В этот период связь между телятами и важенками просматривается уже плохо, и оленеводы также клеймят телят прежде всего себе, исходя из расчёта 1 телёнок на каждые две попавшие в караль личные важенки. Разумеется, для клеймения личным клеймом также выбираются лучшие по экстерьеру телята. Более того, поскольку смертность телят наиболее высока именно в первые месяцы жизни, позднее клеймение телят на Кольском полуострове обеспечивает гораздо большую выживаемость выбранных оленеводами для себя телят, чем раннее клеймение на воркутинском предприятии: оно происходит, когда большинство телят, которым суждено было погибнуть, уже погибли. В обоих случаях предприятие при такой системе оказывается в наиболее проигрышном положении: оно систематически недополучает телят от своих важенок, и телята, достающиеся ему, оказываются худшего качества. Заметим также, что большеземельская норма распределения телят в личную собственность – по одному на каждую важенку – заметно выше кольской (по одному телёнку на каждых двух важенок). Впрочем, благодаря интенсивной системе ведения оленеводства, деловой выход телят (далее – ДВТ) на воркутинском предприятии также намного выше: в обычные годы он колеблется от 0,6 до 0,65, а в благоприятные может достигать 0,7. Иными словами, до забоя доживает от 60 до 70 (в благоприятные годы) телят на каждые 100 важенок. На Кольском полуострове ДВТ составляет примерно 0,3.

Совхозистские практики в обоих регионах не ограничиваются клеймением телят: в Большеземельской тундре нами обнаружен ряд практик, позволяющих более эффективно использовать личные стада и существенно уменьшать их непроизводительную часть. Так, оленеводы в Большеземельской тундре используют оленей, принадлежащих предприятию, для запряжки в грузовые нарты (олени, запрягаемые в ездовые нарты, требующие долгого обучения, находятся, в отличие от них, в личной собственности). Поэтому процент ездовых оленей-кастратов в стадах оленеводов – работников предприятия значительно меньше, чем в стадах самого предприятия, что, понятно, увеличивает скорость воспроизводства первых по сравнению со вторыми. Также в отдельных случаях оленеводы получают право на использование мяса и шкур тех «совхозных» оленей, которые из-за болезней (например, копытки) или травм не могут кочевать со стадом. Определённое число таких животных, как телят (в основном), так и взрослых, каждый год появляется в стаде. Поскольку такие олени в любом случае будут потеряны и не смогут быть использованы предприятием, олене-



водам разрешается, заранее проинформировав предприятие, провести их так называемый вынужденный забой на общепит и шкуры. При этом ввиду отсутствия достаточного числа ветеринаров-зоотехников право принять решение о вынужденном забое животного в тех бригадах, где их нет, предоставляется самим оленеводам, что, разумеется, даёт для принятия решений определённый простор, обусловленный личными экономическими интересами. Вынужденный забой позволяет оленеводам избежать как расходования оленей из своих личных стад, так и забоя в счёт своей зарплаты оленей предприятия. Наконец, личные стада оленеводов практически никогда не включают в себя хор (некастрированных оленей-производителей) – все олени-производители принадлежат предприятию и обслуживают как «совхозных», так и личных важенок.

На Кольском полуострове, в силу отсутствия кочевания с оленями в летний период и использования механизированного транспорта в зимний, указанных практик не наблюдается. Однако, поскольку определённая часть оленей ежегодно остаётся несобранной после летнего безнадзорного выпаса и не попадает в счётные карали, оленеводческие предприятия здесь лишь приблизительно знают количество принадлежащих им оленей. Это даёт оленеводам возможность достаточно безопасно осуществлять забой и продажу на сторону совхозных оленей в период между сбором и просчётом стад – возможность, которой они активно, хотя и в ограниченных масштабах пользуются. Продажа мяса со сборных каралей – давняя кольская традиция, и поэтому после установления санного пути базы сбора оленей здесь часто посещаются желающими купить мясо – практика, с которой предприятия пытаются бороться с переменным успехом.

Администрация предприятий, разумеется, знает о существовании указанных совхозских практик, но мирится с ними до тех пор, пока они остаются в определённых рамках. Так, например, администрация воркутинского предприятия позволяет вынужденный забой нескольких оленей в год на бригаду, но, когда бригада просит добро на вынужденный забой шестого, восьмого или десятого животного, в неё могут направить зоотехника для выяснения причин столь высоких потерь. Также зоотехники отправляются в бригады, где произошёл неожиданный крупный падёж оленей или телят. Оленеводы стараются по мере сил избегать подобных рейдов и, насколько это зависит от них, стараются не давать для них причин. Точно так же на Кольском полуострове оленеводы стараются держать забой и продажу оленей в определённых рамках, поскольку слухи о больших забоях могут вызвать проверки со стороны предприятия.

Согласно сведениям, полученным из интервью с информаторами, указанные практики существуют давно. В частности, многие информаторы



старшего возраста указывали, что они существовали ещё в советское время, по крайней мере «под конец», т.е., видимо, во времена «Развитого совхозизма» Константинова. К сожалению, человеческая память весьма избирательна, и поэтому надёжные сведения о периоде ранее конца 1970-х–1980-х гг. получить от них сложно. Информаторы указывали, что «раньше» люди были «честнее», манипулировали собственностью меньше, чему в немалой степени способствовали и малые размеры личных стад. Однако к чему относится это «раньше» и насколько именно «меньше» было манипулирования собственностью, основываясь на интервью с информаторами, сказать сложно. И здесь на помощь приходят результаты архивной работы.

Наиболее яркую картину в этом отношении дают архивные данные по Республике Коми (Коми АССР), причём особый интерес представляет период 1950-х – начала 1960-х годов. Сопоставительные графики изменения личных и общественных стад в этот период представлены на *рис. 1*. Необходимо обратить внимание на то, что количество личных и общественных оленей на этих графиках отложено по разным шкалам: поскольку количество общественных оленей в этот период многократно превосходило количество личных, то, будь графики отложены по одной шкале, колебания численности личных оленей были бы неразличимы – график личных оленей просто слился бы в сплошную линию вдоль оси ординат. Как можно заметить из графика, динамика численности личных и общественных оленей в целом сходна примерно до 1954 г.; это может означать, что динамика эта определялась сходными, видимо, в основном естественными, факторами. В 1954 г. Большеземельскую тундру поразила мощнейшая эпидемия ящура, в результате общая численность оленей сократилась почти



*Рис. 1.* Изменение численности личных и общественных оленей в Коми АССР в 1949–1963 гг. (момент отрыва) [4]





в 2 раза. Последствия этой эпидемии можно ясно видеть на графике численности общественных оленей, но не личных: количество последних оставалось на удивление стабильным, его сокращение было крайне незначительным. Поскольку трудно предположить, что возбудители ящура по каким-то причинам выбирали именно общественных оленей, почти не трогая личных, остаётся прийти к заключению, что здесь мы впервые сталкиваемся с применением, причём, похоже, массовым, совхозистских практик. Как хорошо видно на графике, с этого момента динамика изменения численности личных оленей отрывается от динамики общественного поголовья: так, очень тяжёлые по климатическим причинам для оленеводства зимы 1957 и 1958 гг. снова вызвали сокращение общественного поголовья, в то время как поголовье личных оленей демонстрировало рост, который оборвался лишь с началом борьбы с личными хозяйствами в начале 1960-х. Впрочем, уже с середины этого десятилетия рост возобновился и продолжался до конца советского периода: периоды сокращения общественного поголовья вызванные неблагоприятными зимами (крупных эпизоотий после 1954 г. в Коми АССР не было, что объясняется значительным улучшением ветеринарной работы в совхозах), лишь замедляли рост частных стад, но не прекращали его. Таким образом, мы можем прийти к заключению, что совхозистские практики существовали и, по-видимому, играли возрастающую роль в оленеводстве Республики Коми начиная с середины 1950-х годов.

Архивные данные по динамике численности оленей на Кольском полуострове не дают, к сожалению, такой яркой картины, как данные по Республике Коми (рис. 2, период и шкалы те же, что на рис. 1). Причиной является то, что на Кольском полуострове, в регионе, исключительно благоприятном для оленеводства по климатическим и эпидемиологическим условиям, не наблюдалось резких колебаний численности, позволяющих сравнить тенденции в динамике личных и общественных оленей.

Количество личных оленей здесь сокращалось до середины 1950-х гг., что было обусловлено продолжавшейся коллективизацией стад саамов: поскольку саамы являются малым народом Севера, коллективизация их хозяйств шла медленно и отличалась «щадящим» режимом. Поголовье общественных оленей при этом росло, и рост его, несмотря на незначительные колебания тренда, продолжался до второй половины 1970-х гг., пока переход к свободному летнему выпасу и отток оленеводов из отрасли не вызвали застой, перешедший под конец советского периода в медленное снижение поголовья. Поголовье личных оленей после полного завершения коллективизации также прекратило снижение и перешло к росту. Обращает на себя внимание, однако, то, что рост личного поголовья в конце 1950-х гг. был гораздо более быстрым, чем общественного. В начале 1960-х гг. про-

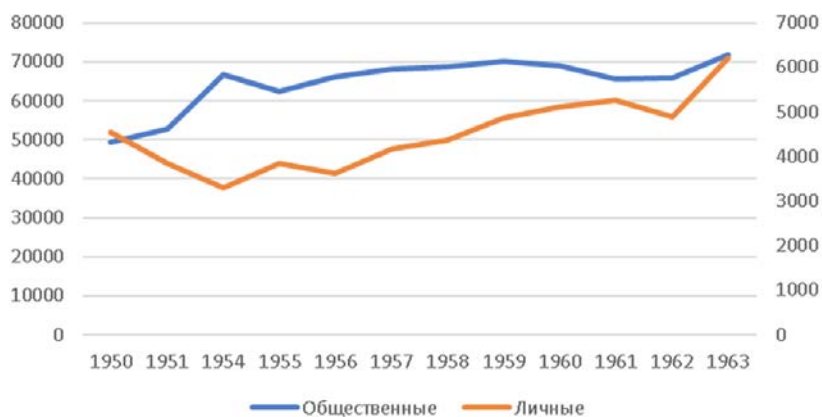


Рис. 2. Изменение численности личных и общественных оленей на Кольском полуострове (1950–1963) [5]

изошло некоторое сокращение личного поголовья, обусловленное, видимо, борьбой с личными хозяйствами, после чего рост возобновился и продолжался до второй половины 1970-х, причём и в этот период темпы роста личных стад превышали таковые у совхозных оленей. В конце 1970-х гг. личные стада начали сокращаться, скорее всего, в силу уже упомянутого сокращения количества оленеводческих домохозяйств вследствие оттока жителей из отрасли. Тем не менее и в этот период сокращение личных стад шло медленнее, чем совхозных. Поэтому, хотя, в отличие от Республики Коми, направления изменения численности личных и совхозных стад на Кольском полуострове в советский период в основном совпадали, скорость этого изменения была разной, что, на наш взгляд, указывает на существование здесь совхозистских практик, по крайней мере, с конца 1950-х годов.

Таким образом, результаты нашей полевой и архивной работы в целом подтверждают мнение Ю. Константинова о существовании в советском оленеводстве – и большой экономической роли в жизни оленеводов – практик манипулирования совхозной собственностью в пользу личных хозяйств. Однако, в противоположность мнению Константинова, относившего сложение этих практик к 40-м – началу 50-х гг. прошлого века, т.е. к позднесталинскому периоду, наши данные указывают на несколько более позднее их происхождение: середина – вторая половина 1950-х гг., т.е. хрущёвский период. При этом, по крайней мере в случае Республики Коми, на сложение этих практик повлияло, по-видимому, стремление оленеводов



избежать сокращения своих стад в период стихийных бедствий. Тем не менее в целом наши данные подтверждают тезисы Константинова о совхозистской экономике.

\* \* \*

1. *Konstantinov Yu.* Towards a model of comparing transitional forms in Russian Reindeer Herding. Working Paper of the Max Planck Institute for Social Anthropology 70. – Halle (Saale): Max Planck Institute for Social Anthropology, 2004; *Konstantinov Yu., Vladimirova V.* The Performative Machine: Transfer of Ownership in a Northwest Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula) // *Nomadic Peoples.* – 2006. – № 10 (2). – P.166–86. – URL: <https://doi.org/10.3167/np.2006.100210>

2. *Konstantinov Yu.* Conversations with Power: Soviet and post-Soviet developments in thereindeer husbandry part of the Kola Peninsula. Uppsala Studies in Cultural Anthropology 56. – Uppsala: Uppsala Universitet, 2015.

3. *Boeke J.H.* Economics and Economic Policy of Dual Societies as Exemplified by Indonesia. – New York: Institute of Pacific Relations, 1953; *Jorgenson D.W.* The Development of a Dual Economy // *The Economic Journal.* – 1961. – № 71 (282). – P.309. – URL: <https://doi.org/10.2307/2228770>

4. Ежегодные отчёты «Итоги учёта оленей по Коми АССР» Комитета статистики Коми АССР ЦСУ РСФСР // Национальный архив Республики Коми. Ф.140. Оп.2. Д.2658, 3730, 3750, 3771, 3794, 3797, 3775, 4819, 4859, 4895, 5806, 5845, 5881.

5. Ежегодные отчёты «Итоги учёта оленей по Мурманской области» // Мурманский областной архив, Архив Статистического управления Мурманской области ЦСУ РСФСР, Сектор статистики сельского хозяйства. Д.328, 338, 358, 364, 371, 382, 394, 406, 419, 428, 447, 457.



**Б.Р. Колегов,**  
*научный сотрудник*  
*Института языка,*  
*литературы и истории*  
*ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ  
КОМИ АССР КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК  
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ  
В РЕСПУБЛИКЕ В XX ВЕКЕ  
(на примере газеты «Красное Знамя»)**

На формирование провинциальной повседневной жизни СССР в XX в. сильное влияние оказывала политика как центральной власти, так и власти региональной. При этом влияние второй было более сильным. Именно она одновременно и сохраняла, и модернизировала старые городские традиции повседневной жизни и городской среды применительно к меняющимся требованиям центральной власти.

При изучении изменений в повседневной жизни Республики Коми в XX в. исследователь может пользоваться достаточно большим комплексом документов, находящихся в фондах Национального архива, Национального музея и Национальной библиотеки Республики Коми, однако зачастую не обращает внимание на такой интересный источник, как региональная периодическая печать. Изучение истории повседневной жизни на основе газетных статей (в то время инструмента государственной пропаганды) вызывает достаточно большие споры в исторических кругах.

Источник этот достаточно своеобразен. Его достоинством является то, что он отличался периодичностью и единым подходом к опубликованным материалам, помещал на своих страницах только свежую и конкретную информацию о произошедших в регионе событиях и затрагивал в публикациях все аспекты повседневной жизни региона. Несомненно, исследователям необходимо учитывать и учредителей издания, специфику жанра публикаций и субъективизм авторов, который вольно или невольно отражался в них. С одной стороны, это затрудняет работу с материалами периодической печати как историческими источниками, а с другой – даёт возможность глубже изучить и проанализировать влияние всех внешних факторов на изменения, происходившие в повседневной жизни Коми АССР,



в социально-политической, социально-экономической и социально-культурной среде.

Через анализ различных по стилю, форме, содержанию и информированности материалов, опубликованных в газетах, можно не только проследить эти процессы, но и выявить огромное количество фактов и деталей из повседневной и общественной жизни жителей региона, зафиксировать и проследить историю возникновения объектов государственной власти, промышленности, торговли, общественного питания, здравоохранения, образования и культуры, темпы жилищного строительства, выявить интересные зарисовки и наблюдения современников о социально-культурной среде и повседневной жизни в республике.

Региональная пресса (районная и республиканская) была очень популярна среди жителей Коми АССР [1]. В качестве предмета исследования нами была выбрана газета «Красное Знамя». Во-первых, это самая старая по времени появления (возникла в 1918 г.) и самая популярная газета в Коми АССР. Во-вторых, она являлась официальным органом Областного и Сыктывкарского комитетов КПСС и Верховного Совета Коми АССР. В-третьих, редакция газеты была сформирована из наиболее профессиональных журналистов республики. В-четвёртых, она выходила практически ежедневно и публикуемые в ней материалы несли свежую и конкретную информацию по разным темам. В-пятых, в газете использовались различные формы подачи информации.

Комплекты газеты имеются в Национальном архиве Республики Коми (фонд периодических изданий) и Национальной библиотеке Республики Коми (отдел краеведения).

Исследователи газетных СМИ до сих пор не пришли к единой системе классификации жанров газетных публикаций [2], что с учётом многообразия форм публикуемых в газете материалов (в том числе и о повседневной жизни в Коми АССР в XX в.) позволяет применить следующую классификацию:

1. Официальная информация.
2. Информационные материалы.
3. Редакционные материалы.
4. Аналитические материалы.
5. Критические материалы.
6. Художественно-публицистические материалы.
7. Письма читателей.
8. Дискуссионные материалы.
9. Реклама, объявления и некрологи.
10. Фотоматериалы.



Рассмотрим каждую из этих групп с точки зрения исследователя, занимающегося изучением повседневной жизни в регионе.

**1. Официальная информация.** К этой группе публикаций относятся: сообщения ТАСС, материалы съездов, пленумов и конференций КПСС, речи государственных деятелей (на союзном и республиканском уровнях), списки избирательных округов и участков, постановления собраний, митингов и прочие официальные объявления, официальные фотографии, сообщения о кадровых перестановках и т.д. Понятно, что достоверность подобной официальной информации крайне высока. Для исследователя повседневной жизни в регионе самыми интересными из вышеперечисленных материалов будут материалы с пленумов областного, городских и районных комитетов КПСС, с сессий Верховного Совета Коми АССР, касавшиеся вопросов региональной политики в республике и на местах (повестка дня, основной доклад или информация по основному докладу и прения участников по нему), и информация о митингах и собраниях трудовых коллективов предприятий и организаций Коми АССР с принятыми на них резолюциями. Этот материал интересен тем, что даёт достаточно много конкретики как в цифрах, упоминаемых в выступлениях, так и в обозначении проблемы на конкретных объектах республики в конкретное историческое время.

Не менее интересными для исследователя являются материалы, посвящённые выборам в Верховные Советы СССР, Коми АССР, в городские и районные Советы. Из данных публикаций можно получить информацию о границах избирательных округов и участков и проследить изменения в административно-территориальном делении города, появление новых улиц и городских объектов с адресами.

Вопросы, которые рассматривались на митингах и собраниях, касались значимых для СССР событий во внешней или внутренней политике. Здесь публиковалась информация об организации предсъездовских социалистических соревнований с целью досрочно завершить очередной год пятилетки (очередную пятилетку) к очередному съезду партии и выражалось негодование по поводу происков империалистов в странах, борющихся за свободу и независимость, и принималась резолюция об оказании материальной помощи.

В этом же разделе располагается информация о переименовании улиц городов и населённых пунктов Коми АССР и о присвоении им и образовательным учреждениям и предприятиям имён Героев СССР, общественных деятелей и деятелей культуры, об установлении памятников местным героям.



**2. Информационные материалы.** В данную группу входят: хроника событий, произошедших в Коми АССР за текущие сутки или неделю, интервью со знаменитыми людьми, которые прославились своими достижениями в труде или желанием участвовать в той или иной стройке в республике, репортажи с самых важных строек Коми АССР, заметки рабочих и сельских корреспондентов о ситуации на местах, подготовленные специалистами статьи о правильных методах организации уборки и хранения сельскохозяйственной продукции, фотоколлажи и фоторепортажи со строек народного хозяйства Коми АССР, а также материалы из районных газет.

Несмотря на то, что любое СМИ свою политику воздействия на читателя начинает уже на стадии подбора информационных известий, «выпичивая» одни новости и замалчивая другие, этим материалам исследователь повседневной жизни региона тоже может воспользоваться. В данных материалах он сможет не только найти массу информации о бытовых и культурных условиях главных героев материалов, но и получить более или менее объективное представление о реальных условиях повседневной жизни в разных районах Коми АССР.

**3. Редакционные материалы.** Речь здесь идёт о передовицах и редакционных статьях, значимость которых в периодической печати СССР была очень высокой, т.к. в них излагались в конспектированном виде направления внутренней и внешней политики и до населения доводился официальный курс центральной власти. Эти статьи определяли актуальный вопрос дня и предлагали конкретные рекомендации по определению государственной и партийной политики в тот или иной момент времени. Для исследователей повседневной жизни эти материалы интересны в первую очередь тем, что них приводились конкретные (негативные и позитивные) примеры выполнения районами и городами Коми АССР (отдельными предприятиями и трестами) поставленных перед регионом социально-политических, социально-экономических и социально-культурных задач.

**4. Аналитические материалы.** Речь в данном случае идёт об авторских статьях-размышлениях по поводу тех или иных событий. Представлены они в достаточно разнообразных формах: это репортажи, очерки, заметки и критические рецензии о вышедших в стране и республике книгах и журналах общественно-политического характера. Эти материалы формировали единую направленность точки зрения читателей на происходившие в регионе события. Здесь исследователь может обнаружить факты повседневной жизни в мелочах описания, в косвенных упоминаниях местоположения определённых объектов жилой среды, в описании различных бытовых ситуаций и отношении участников описываемых событий к ним. Здесь же можно собрать достаточно большой материал по организации и про-



ведению общественных политических и спортивных мероприятий (праздников, манифестаций, фестивалей и т.д.) и проследить формирование этих институтов эпохи социализма на протяжении всего XX в. с учётом специфики их проведения в различных городах и районах Коми АССР.

**5. Критические материалы.** Это статьи, касавшиеся социально-бытовых проблем, имевших место в Коми АССР. В них освещалась деятельность хозяйственных и советских органов и отражались реальные проблемы повседневной жизни и быта республики, городов и других населённых пунктов. Исходила критика, как правило, от вышестоящих партийных и государственных органов власти. В этих материалах обычно критиковали деятельность первичных партийных, исполнительных, советских органов власти. Данные материалы позволят исследователю понять и изучить структуру функционирования органов различных ветвей власти в Коми АССР и их возможности в решении тех или иных вопросов в исследуемый период.

**6. Художественно-публицистические материалы.** К ним относятся фельетоны, памфлеты, отрывки из повестей или короткие повести, стихи, рассказы, шарады, кроссворды, ребусы, анекдоты и т.д. За исключением шарад, кроссвордов, ребусов и анекдотов, появлялись эти материалы достаточно нерегулярно. Их задачей было усилить эмоциональное и художественное воздействие газетных материалов на читателя и устранить его негативное настроение. Они делали чтение газеты более занимательным. Интерес для исследователя среди этих материалов представляют конкурсы и олимпиады среди читателей газеты, посвящённые истории Коми АССР.

**7. Письма читателей.** В газете «Красное Знамя» публикация писем читателей использовалась, с одной стороны, для иллюстрации положения дел на местах, с другой – для демонстрации народного мнения в вопросах той региональной политики, которая проводилась местными властями в Коми АССР, с третьей – чтобы успокоить читателей по принципу «у нас плохо, а у них ещё хуже». Понятно, что единичное письмо в газету исследователю нельзя использовать в качестве решающего источника ни о настроении народа, ни о положении на местах. Однако эти письма в комплексном исследовании имеют большое значение. При использовании и анализе в качестве источника большого массива писем из определённых районов и городов, поступивших в те или иные органы власти за определённый период, причём вместе с реакцией органа власти на эти письма (проверка, ответы, принятые меры), можно проследить реальные проблемы населения районов Коми АССР, выявить и систематизировать наиболее частые недостатки, имевшиеся в повседневной жизни в исследуемый период.

**8. Дискуссионные материалы.** К ним можно отнести материалы, описывавшие события, происходившие в Коми АССР, но касавшиеся внеш-





ней и внутренней политики СССР и Коми АССР. Они освещали вопросы скрытой или открытой полемики между региональными и местными партийно-государственными ведомствами в вопросах застройки и благоустройства, городов и населённых пунктов, установки местных исторических памятников, принятия государственных и региональных законов и т.д. Эти публикации помогут исследователю с достаточной долей объективности проследить политику региональных и местных властей в вопросах благоустройства, выявить существующие в то время в городах и населённых пунктах объекты образования, здравоохранения и культуры и проследить развитие инфраструктуры населённого пункта на протяжении определённого промежутка времени.

**9. Реклама, объявления и некрологи.** Это достаточно ценный источник для изучения повседневной жизни в Коми АССР. Здесь исследователь через объявления получает информацию о местах расположения предприятий торговли, бытовых услуг, среднего специального и высшего образования, о репертуарах кинотеатров, домов и дворцов культуры и театров, о гастролях, изданиях книг и журналов, товарах, продаваемых через почту. Эта рубрика позволяет точно установить местоположение вышеперечисленных объектов и узнать условия работы и обучения в них, а также цены на те услуги, которые предлагают предприятия общепита и бытового обслуживания. Что касается некрологов, то это свидетельство о жизни и заслугах ушедших известных жителей региона. В отдельных случаях некролог становится своеобразным продолжением исследования. Это происходит тогда, когда в честь ушедших в населённых пунктах или в городах переименовывают улицы.

**10. Фотоматериалы.** Под фотоматериалами понимаются не фотоколлажи или портретные фотографии, опубликованные в газете. Речь идёт о панорамных фотографиях, фиксирующих те или иные улицы и районы в городах и населённых пунктах Коми АССР, фотографии общественных мероприятий, на которых можно на втором плане увидеть и идентифицировать те или иные объекты на улицах (здания), в парках (аттракционы, аллеи, украшения) и их внешний облик в тот или иной период. Это достаточно своеобразный вид публикаций и очень редкий и ценный для исследователя материал. Дело в том, что в редакциях газет никогда не создавался архив фотоматериалов, поэтому подлинники фотографий, опубликованных в прессе, не существуют. Следовательно, этот материал не может быть использован в качестве иллюстративного (учитывая качество типографии), но является достаточно достоверным. Эти материалы позволяют исследователю повседневной жизни зафиксировать объекты с точным определением их месторасположения и примерным временем возведения.



Эти материалы также могут стать дополнительной информацией при изучении общественных мероприятий в процессе их развития.

Завершая статью, повторимся: газета «Красное Знамя» в равной степени может быть использована для изучения как реалий повседневной жизни нашей республики, так и самой газеты как инструмента и важного элемента советской политической системы. Каждому исследователю повседневной жизни Коми АССР в XX в., работающему с таким специфическим источником, как советская региональная печать, стоит обратить внимание на две составляющие: во-первых, газета была частью советской политической системы и обслуживала институты партийной и государственной власти, поэтому её материалам глубоко свойственны идеологическая призма взгляда на советскую действительность того времени; во-вторых, в «Красном Знамени», как и в любой газете, могут встречаться некоторые фактические неточности и ошибки, однако в подаче информационных материалов точность их достаточно высока. По её публикациям можно восстановить и изучить утерянную по другим историческим источникам информацию, определить наиболее актуальные проблемы повседневной жизни города в экономике, политике и культуре. Однако для полноценного и объективного изучения повседневной жизни необходимо привлечь и другие источники, хранящиеся в республиканских архивах.

\* \* \*

1. Летопись печати Республики Коми. 2011: гос. библиогр. указ. / сост. И.И. Табаленкова. – Сыктывкар, 2014.

2. *Ляпун С.В.* Новые подходы к классификации газетных жанров в теории и практике журналистики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – 2001. – Вып. 4. – С.89–95.



**А.М. Мацук,**

*канд. ист. наук, зав. лабораторией  
археографии и публикации  
документов по истории освоения  
Европейского Севера России  
Института языка, литературы  
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

### **РОЛЬ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ СССР И РСФСР В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1950-е–1980-е гг.**

В СССР в 1950-х–1980-х гг. действовала система управления подготовкой кадров средней квалификации, созданная ещё в 1930-е годы. Общее направление развития данной сферы определяла КПСС на съездах и пленумах во время принятия планов на следующий после съезда период (в основном 5-летний) и во время обсуждения на пленумах вопросов развития какой-либо отрасли народного хозяйства. В директивных документах партии чаще всего подчёркивалась необходимость продолжать работу по подготовке кадров в высшей и средне-специальной школе. Менее часто ставилась задача развивать какое-либо определённое направление подготовки кадров. Например, на XXI съезде была поставлена задача: активизировать работу по развитию вечерней и заочной форм обучения в вузах и средних специальных учебных заведениях [1]. Кроме того, принимались совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам развития системы среднего специального образования в стране. Так, 9 мая 1963 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов» [2].

Решения съездов и пленумов определяли вектор развития изучаемой системы в целом, зачастую ограничиваясь общими фразами, лишь изредка дополненными цифровыми показателями. Конкретные действия формулировались в постановлениях и распоряжениях Совета Министров СССР и – для России – Совета Министров РСФСР. Приведём ряд примеров:

- Распоряжением Совета Министров СССР от 11.07.1949 № 10547-р ряд педагогических училищ, в том числе Вельское педучилище Архан-



гельской области и Великоустюгское педучилище Вологодской области, были преобразованы в учительские институты [3];

- Постановлением Совета Министров СССР «О мерах по улучшению заочного сельскохозяйственного образования» от 06.08.1949 № 3361, в частности, устанавливался план приёма заочников для отдельных техникумов данного профиля [4];

- 17 июля 1954 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 1188 «Об издании учебников для высших и средних специальных учебных заведений в 1954 году»;

- 6 июня 1956 г. принято Постановление Совета Министров СССР № 768 «Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР»;

- 17 декабря 1965 г. принято Постановление Совета Министров СССР № 1084 «О передаче в непосредственное подчинение министерств СССР средних специальных учебных заведений» [5] и др.

Примеры можно умножить, поскольку только за период с 1950 по 1970 г. Совет Министров СССР принял 49 постановлений и 7 распоряжений, регулировавших разные аспекты деятельности системы среднего специального образования в стране. Кроме того, различные вопросы развития данной системы затрагивались в постановлениях и распоряжениях Совета Министров СССР, регулировавших изменения в отдельных отраслях экономики Советского Союза.

Такая же конкретика была и в постановлениях Совета Министров РСФСР. Например, Постановлением Совета Министров РСФСР от 02.06.1956 № 393 9 учительских институтов были реорганизованы в педагогические училища, 3 педагогических института, 4 учительских института и 42 педагогических училища в России были закрыты [6].

Информацию для подготовки постановлений и решений Советов Министров СССР и РСФСР представляли отраслевые министерства и ведомства. Причём по подчинённости данные для Совета Министров СССР представляли союзные министерства и ведомства, а для Совета Министров РСФСР – союзно-республиканские. Происходило это в силу того, что, несмотря на наличие союзного и союзно-республиканского министерств высшего и среднего специального образования, техникумы и училища находились в ведении отраслевых министерств и ведомств. Описавший современную ему систему среднего специального образования Б.А. Кузьмин отмечал, что министерства высшего и среднего специального образования отвечали лишь за методическую разработку курсов для техникумов и училищ [7]. Отраслевые же министерства ведали всеми



остальными вопросами: утверждали и финансировали штатные расписания преподавателей и других сотрудников, в соответствии с потребностями отрасли определяли планы по приёму учащихся, отвечали за материально-техническую базу учебных заведений, решали вопросы о развитии разных видов обучения: дневной, вечерней, заочной. Они же решали вопросы об открытии новых техникумов и училищ или о закрытии части имеющихся в их подчинении учебных заведений.

Раскроем это положение на примере союзно-республиканских министерств и ведомств. Так, на начало 1952/53 учебного года в ведении республиканских министерств и ведомств РСФСР имелось 1 289 средних специальных учебных заведений (без агрономических школ и школ председателей колхозов) [8]. Мы уже отмечали [9], что республиканские министерства и ведомства РСФСР ведали разным числом средних специальных учебных заведений. Для наглядности приведём в *таблице* информацию о количестве подчинённых различным министерствам и ведомствам техникумов и училищ.

Т а б л и ц а

*Количество подчинённых министерствам и ведомствам РСФСР средних специальных учебных заведений на начало 1952/53 учебного года*

Министерство, ведомство РСФСР	Кол-во подчинённых ср. спец. уч. заведений
Министерство кинематографии	1
Министерство рыбной промышленности	1
Министерство социального обеспечения	1
Управление по делам архитектуры	1
Главное управление торфяного фонда	2
Министерство мясной и молочной промышленности	3
Совет лесопромышленной кооперации	3
Министерство жилищно-гражданского строительства	5
Министерство лёгкой промышленности	5
Министерство промышленности строительных материалов	5
Министерство местной топливной промышленности	7
Министерство автомобильного транспорта	8
Главное дорожное управление	9
Министерство местной промышленности	9
Министерство пищевой промышленности	9
Совет промысловой кооперации	11

*Продолжение таблицы*

Министерство юстиции	12
Главсельстрой	15
Министерство совхозов	16
Комитет по делам физкультуры и спорта	20
Министерство торговли	22
Министерство финансов	22
Министерство коммунального хозяйства	25
Комитет по делам культурно-просветительных учреждений	61
Комитет по делам искусств	73
Министерство сельского хозяйства	226
Министерство здравоохранения	325
Министерство просвещения	392

*Таблица составлена по:* ГАРФ. Ф.А374. Оп.30. Д.1566. Л.23.

Указанные в таблице цифры не были фиксированными. Число средних специальных учебных заведений конкретных министерств и ведомств могло меняться. Так, в начале 1952/53 учебного года сеть средних специальных учебных заведений по сравнению с предыдущим – 1951/52 – учебным годом в целом увеличилась на 17 учебных заведений. Данные по министерствам и ведомствам отражают не только увеличение количества техникумов и училищ, но и, например, ротацию подчинённости учебных заведений, их реорганизацию и закрытие. Приведём примеры:

- по Министерству местной промышленности: Ленинградский машиностроительный техникум передан в систему Министерства средств связи СССР; Московский индустриально-конструкторский техникум ликвидирован; вновь открыт Новосибирский техникум;

- по Главсельстрою: вновь открыты 4 техникума: Колтубанский, Орловский, Дубовский и Себежский техникумы сельского строительства;

- по Министерству коммунального хозяйства: ликвидирован Челябинский техникум;

- по Министерству жилищно-гражданского строительства: Калининский техникум гражданского строительства передан Министерству лесной промышленности СССР; Костромской техникум – Главному дорожному управлению при Совете Министров РСФСР;

- по Совету промысловой кооперации: вновь открыты 2 техникума – Кировский швейный и Сасовский строительный;

- по Министерству автомобильного транспорта: Московский автотранспортный техникум передан Министерству промышленности средств связи СССР;



- по Министерству сельского хозяйства: вновь открыты 4 техникума – Биробиджанский техникум механизации сельского хозяйства; Сычевский и Мамонтовский зооветеринарные техникумы; Майкопский сельскохозяйственный техникум. В соответствии с Распоряжением Совета Министров СССР от 01.07.1952 № 16560-р агрономическая школа реорганизована в Чаплыгинский зооветеринарный техникум. Мещовская школа садоводов реорганизована в сельскохозяйственный техникум;

- по Министерству совхозов: закрыты Казанский и Ставропольский техникумы. Вновь открыт Саратовский техникум;

- по Министерству здравоохранения: открыто 12 школ медсестёр и 1 зубоучебная школа;

- по Комитету по делам искусств: закрыты Горьковское, Татарское театральные училища и Башкирское художественное училище [10].

Так же действовали и союзные министерства и ведомства, имевшие свои техникумы на территории РСФСР в целом и Европейского Севера России в частности.

То есть, исходя из потребностей отрасли, министерства могли увеличивать или уменьшать количество подведомственных им средних специальных учебных заведений, корректировать планы приёма на первый курс. Всё это отражалось на численности учащихся средних специальных учебных заведений. Проиллюстрируем данный тезис на материалах как РСФСР, так и Европейского Севера России за весь изучаемый период.

Так, в 1950/51 учебном году в РСФСР в средних специальных учебных заведениях обучалось 810 тыс. человек (в нашем распоряжении нет данных об общем количестве техникумов и училищ за этот год в целом по России). В 96 средних специальных учебных заведениях, расположенных в областях и республиках Европейского Севера России, в этом же году обучалось 30,4 тыс. человек.

В 1958/59 учебном году количество техникумов и училищ на Европейском Севере РСФСР, как и во всей союзной республике, уменьшилось. В 5 субъектах Европейского Севера России осталось 79 техникумов (уменьшение на 17 техникумов), в которых обучалось 34,4 тыс. учеников (увеличение на 4 тыс. человек). Тогда же в целом по РСФСР действовало 1 958 техникумов, в которых обучалось 1 154,6 тыс. человек (увеличение на 344,6 тыс. человек).

В 1970/71 учебном году в РСФСР отмечено 2 423 техникума (увеличение на 465 техникумов) и 2 606,2 тыс. учащихся (увеличение на 1 451,6 тыс. человек). На Европейском Севере России функционировали 95 техникумов (увеличение на 16 техникумов), в которых обучалось 90,9 тыс. человек (увеличение на 56,5 тыс. человек).



В 1980/81 учебном году в РСФСР действовало 2 505 техникумов (увеличение на 82 техникума), в которых обучалось 2 641,6 тыс. человек (увеличение на 35,4 тыс. человек); на Европейском Севере России – 96 техникумов (увеличение на 1 техникум) и 87,8 тыс. учащихся (уменьшение на 3,1 тыс. человек).

В 1989/90 учебном году в РСФСР отмечено 2 595 техникумов (увеличение на 90 техникумов) и 2 338,3 тыс. учащихся (уменьшение на 303,3 тыс. человек). В этом же году в областях и республиках Европейского Севера России работало 99 техникумов (увеличение на 3 техникума), в которых насчитывалось 81,2 тыс. учащихся (уменьшение на 6,6 тыс. человек) [11]. Значительное уменьшение количества учащихся произошло, на наш взгляд, в том числе в связи с политикой союзных и союзно-республиканских министерств и ведомств, сокращавших финансирование бюджетного обучения учащихся в средних специальных учебных заведениях.

Следует отметить, что министерства могли переводить учащихся из одного техникума в другой, закрывая изучаемую специальность в одном техникуме и открывая её в другом. Например, в 1950 г. в Галичском сельскохозяйственном техникуме была закрыта специальность «гидромелиорация». Учащихся перевели в Буйский сельскохозяйственный техникум, где данная специальность была открыта [12].

Отметим также, что в связи с насущной потребностью в специалистах среднего звена в той или иной сфере хозяйства министерства открывали филиалы и учебно-консультационные пункты, в которых путём заочного и вечернего обучения готовилось нужное количество квалифицированных кадров. Так, из-за нехватки специалистов на Северной железной дороге в конце 1950-х – начале 1960-х гг. начал действовать Котласский учебно-консультационный пункт заочного отделения Ухтинского техникума железнодорожного транспорта Министерства путей сообщения СССР, уже в 1961 г. выпустивший 58 специалистов [13]. То есть для Министерства путей сообщения не было препятствием открытие учебно-консультационного пункта в Архангельской области от техникума, располагавшегося в Коми АССР.

Несмотря на то, что в конце 1950-х гг. в связи с реорганизацией системы управления экономикой страны и созданием территориальных совнархозов часть министерств была временно ликвидирована, их функции в отношении подготовки специалистов среднего звена перешли в ведение совнархозов, которые продолжили политику министерств. Так, Воркутинский горный техникум Министерства угольной промышленности СССР готовил специалистов для работы на шахтах Печорского угольного бассейна. После создания совнархозов данная отрасль перешла в Коми АССР





в ведение Коми совнархоза. В конце 1950-х гг. были созданы два филиала этого техникума: Интинский вечерний филиал Воркутинского горного техникума и Вечерний филиал в пос. Комсомольский г. Воркуты по подготовке специалистов для шахты № 18. В 1959/60 учебном году там обучалось уже 75 и 72 человека соответственно [14]. В 1963 г. Интинский филиал был преобразован в полноценный техникум [15].

В заключение отметим, что роль министерств и ведомств в развитии заочного обучения в средних специальных учебных заведениях также была одной из основных, т.к. они указывали на необходимый алгоритм развития этой формы обучения для каждого подведомственного им техникума или училища. Таким образом, исходя из приведённых примеров, стоит подчеркнуть, что министерства и ведомства СССР и РСФСР играли ключевую роль в развитии системы среднего специального образования как в целом по стране, так и в каждом её регионе.

\* \* \*

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Изд. 9. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – Т.9. – С.394.

2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Изд. 9. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – Т.10. – С.344–351.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А2306. Оп.73. Д.1726. Л.1 об.; Д.1727. Л.3.

4. См., напр.: ГАРФ. Ф.А310. Оп.1. Д.539. Л.41.

5. ГАРФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.624; Д.654; Д.795.

6. ГАРФ. Ф.А2306. Оп.73. Д.1745. Л.25.

7. *Кузьмин Б.А.* Техникумы и училища в СССР. – М.: Высшая школа, 1974. – С.24–25, 81–82.

8. ГАРФ. Ф.А374. Оп.30. Д.1566. Л.21, 23.

9. *Мацук А.М.* Техникумы Министерства сельского хозяйства РСФСР. География расположения. Начало 1950-х годов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2018. – № 3 (43). – С.85.

10. ГАРФ. Ф.А374. Оп.30. Д.1566. Л.21–22.

11. *Мацук А.М.* Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений на Европейском Севере России и РСФСР в 1950-х–1980-х гг.: сходство и различие // Историческая демография. – 2018. – № 2 (22). – С.32, 33.

12. ГАРФ. Ф.А310. Оп.1. Д.541. Л.180.



13. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). Ф.Р-140. Оп.2. Д.5927. Л.48.

14. ГУ РК «НА РК». Ф.Р-140. Оп.2. Д.5209. Л.99, 101.

15. *Безносиков Я.Н.* Развитие народного образования в Коми АССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1973. – С.150; *Мацук А.М.* Развитие угольной, нефтяной и газовой промышленности в Коми АССР и подготовка технических кадров в 1950–1980-е гг. // Вестник института геологии Коми научного центра УрО РАН. – 2014. – № 4 (232). – С.22.



**А.Н. Турубанов,**  
*д-р ист. наук, профессор,  
гл. научный сотрудник  
Института языка, литературы  
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**И.А. Тюкавина,**  
*канд. ист. наук, доцент кафедры  
экономики и менеджмента  
ГОУ ВО КРАГСиУ*

## **СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.П. МОРОЗОВА ПО РАЗВИТИЮ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА КОМИ АССР**

Анализу государственной и общественной деятельности члена ЦК КПСС, первого секретаря Коми обкома партии, депутата Верховных советов СССР и Коми АССР И.П. Морозова посвящены в исторической литературе всего три конкретные публикации [1]. Однако в обобщающих исторических и историко-партийных работах учёных Республики Коми пути развития экономики и культуры региона за 60–80-е гг. XX в. (время работы И.П. Морозова на высших должностях Коми АССР) рассмотрены довольно полно [2]. Но всё же многие «дела» И.П. Морозова фундаментально не раскрыты, не проанализированы. Одним из важных сюжетов, на наш взгляд, является выявление роли И.П. Морозова в развитии лесного комплекса Коми АССР.

В современной исторической литературе период развития лесного комплекса Коми АССР (до начала 60-х гг.) характеризовался как время ввода в строй в основном предприятий по заготовке древесины [3], т.е. регион оставался краем, откуда в центральные районы страны поступало необработанное древесное сырьё. Местные органы власти прилагали большие усилия, чтобы преломить этот процесс. Одним из крупных шагов в конце 50-х – начале 60-х гг. явилось начало создания в районе с. Слобода (Сыктывдинский район) большой индустриальной базы для строительства Сыктывкарского лесопромышленного комплекса (далее – СЛПК). В конце 1963 г. эта база была пущена в строй, и в этот же период началось строительство основных объектов гиганта лесохимии на Вычегде.

С 60-х гг. XX в. на территории Коми АССР развернулись крупные стройки с целью изменения структуры лесного комплекса региона, и в этом



деле «рука» И.П. Морозова чувствовалась «зримо». Лейтмотивом его выступлений на различных форумах, бесед с представителями государственной власти как в Центре, так и в самой Коми АССР стал вопрос о комплексном использовании древесного сырья, которое, как указывали выше, в необработанном виде «широким фронтом» «шло» из Коми края в другие районы страны. Но обратимся к истокам этой ситуации.

На основе выполненных учёными Коми филиала АН СССР научных разработок о комплексном использовании древесного сырья в Коми АССР\* программным высказыванием И.П. Морозова являлись, на наш взгляд, слова на заседании сессии Верховного Совета СССР 19 декабря 1966 г., а именно: «Развитие лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, строительство крупных предприятий по комплексному и рациональному использованию древесины, в том числе древесины лиственных пород и отходов, развёртывание малой лесохимии – вот основное направление развития лесной промышленности республики» [4].

Выполняя эту «программу», 30 марта 1967 г. бюро Коми обкома КПСС и Совет Министров Коми АССР приняли совместное решение «О мерах по улучшению использования низкосортной древесины, дров и отходов производства на предприятиях лесной промышленности республики» [5]. Подобные решения директивные органы Коми АССР принимали и в последующие годы\*\*. Из общего перечня этих решений нам хотелось бы выде-

---

\* Эти рекомендации впервые были высказаны Председателем Президиума Коми филиала АН СССР В.П. Подоплеловым на XXVIII Коми областной партийной конференции (25–26 февраля 1966 г.) // Лесная промышленность Республики Коми. 1961–1990 гг. – Сыктывкар, 1994. – Кн.1. – С.22–25.

\*\* См.: Решения Совета Министров Коми АССР от 31.03.1967 «О работе Министерства лесного хозяйства Коми АССР» и пленумов Коми обкома КПСС:

1. «О выполнении директив XXIV съезда КПСС по улучшению структуры лесной промышленности и комплексному использованию древесного сырья» от 28.05.1972.

2. «Задачи предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности по повышению эффективности и производства, рациональному использованию лесосырьевых ресурсов и заготавливаемой древесины в свете требований XXV съезда КПСС» от 16.07.1976.

3. «О задачах областной партийной организации по повышению эффективности лесозаготовительного и деревообрабатывающего производств и комплексному использованию лесосырьевых ресурсов в свете требований XXVI съезда КПСС» от 02.10.1981 и др.



лить в первую очередь два документа – совместное постановление бюро Коми обкома КПСС и Совета Министров Коми АССР от 30.03.1967 и решение Пленума Коми обкома КПСС от 28.03.1972, в частности, выступление на этом партийном форуме И.П. Морозова.

В первом документе на 1968–1970 гг. перед лесозаготовительными организациями Коми АССР были поставлены конкретные задания по комплексному использованию древесного сырья в республике. Например, за эти 3 года объединение «Комилеспром» должно было обеспечить «ввод производственных мощностей по производству технологической щепы для целлюлозно-бумажной промышленности, заводов древесноволокнистых и древесно-стружечных плит в объёме 500 тыс. м<sup>3</sup>, в том числе в 1968 г. – 50 тыс. м<sup>3</sup>\* [6].

Во втором документе пленум Коми обкома партии утвердил мероприятия, направленные на всестороннее развитие лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности республики в 1972–1976 гг. [7]. Из материалов этого партийного форума мы выделяем речь И.П. Морозова, в которой он, определяя наиболее рациональные пути осуществления Программы комплексного использования заготавливаемой древесины в Коми АССР, сказал, что «сегодня таким путём... является организация крупномасштабного производства технологической щепы из отходов и низкосортной древесины». Далее он пояснил, почему именно это направление в комплексном использовании древесины считает главным: «Потому что, во-первых, в республике, как и в целом по стране, очень быстрыми темпами развивается и ещё быстрее будет развиваться производство целлюлозы и древесных плит, сырьём для которых служит древесная щепа; во-вторых, организация в крупных масштабах производства щепы не требует длительного времени и больших капитальных затрат; в-третьих, на лесозаготовительных предприятиях республики имеется значительное количество отходов и другой древесины, не находящей сбыта» [8]. И.П. Морозов привёл конкретные цифры по двум главным лесозаготовительным комбинатам Коми АССР, а также по управлениям Главспецлеса МВД СССР, дислоцированным на территории республики: на нижних складах этих орга-

---

\* В целом по Коми АССР в течение 1967–1970 гг. предусматривался ввод в строй первой и строительство второй очереди Княжпогостского завода ДВП, строительство 15 тарных цехов на 86 тыс. м<sup>3</sup>, 5 цехов по производству 15 тыс. т древесной стружки, 6 цехов по производству 1 тыс. т хвойно-витаминной муки, 2 мебельно-столярных цехов на 560 тыс. руб. продукции, 18 цехов ширпотреба мощностью на 400 тыс. руб. продукции (см.: Совет Министров Коми АССР в документах и материалах (1946–1971). – Сыктывкар, 2008. – Т. III. – Ч. I. – С. 357).



низаций не находит сбыта около 600 тыс. м<sup>3</sup> древесных отходов [9], которые «лежат на поверхности, валяются у ног».

И.П. Морозов предложил создать в республике новые промышленные узлы по переработке древесины, в частности, Троицко-Печорский и Косланский\*, а также новые лесопильно-деревообрабатывающие предприятия в Печоре и Кажиме. В ряде этих узлов предлагалось строительство заводов древесно-стружечных и древесноволокнистых плит, даже гидролизный завод в Троицко-Печорске. Намечалось сооружение на всех этих предприятиях цехов по производству технологической щепы. Однако эти задумки в основном не были осуществлены (конечно, были и исключения\*\*). Причины разные, в основном – отсутствие финансирования, проектно-сметной документации либо подрядчика [10].

Но всё же подвижки в структуре лесного комплекса Коми АССР были налицо. В 1970 г. в отраслевой структуре этой отрасли республики доля целлюлозно-бумажной промышленности составила уже более 7% [11]. Первый секретарь Коми обкома КПСС И. Морозов и заведующий отделом лесной промышленности обкома партии С. Филиппов 8 декабря 1977 г. сообщали в ЦК КПСС, что «использование производственных мощностей по переработке древесины на предприятиях Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности (имеется в виду на территории Коми АССР. – *Примеч. авт.*) в текущем году характеризовалось следующими показателями (см. *табл.*) [12].

На Сыктывкарском лесопильно-деревообрабатывающем комбинате (далее – ЛДК) за счёт ссуды Госбанка были построены три цеха по производству технологической щепы, в трёх лесопунктах Усть-Вымского лесспромхоза – введены в строй цеха по выпуску колотых балансов и технологической щепы, а на Жешартском фанерном заводе значительно возрос выпуск древесно-стружечных плит – почти в 2 раза на тех же производственных мощностях [13].

---

\* Как известно, уже в 1968 г. на территории Удорского района Коми АССР началось строительство первого совместного советско-болгарского предприятия – Косланского лесспромхоза с годовым выпуском продукции – заготовка леса 1,0 млн м<sup>3</sup>. В последующие годы на территории района были построены ещё 3 лесспромхоза с общим объёмом более 3,5 млн м<sup>3</sup> вывозки древесины в год (см. об этом подробнее: *Турубанов А.Н.* Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: монография. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. – С.227).

\*\* Например, в «старых» узлах по механической переработке древесины (имеется в виду в Сыктывкаре, Жешарте и Княжпогосте) (*Примеч. авт.*).



*Использование производственных мощностей  
по переработке древесины*

	Производственные мощности на 01.01.1977	План 1977 г.	Ожидаемый объём производства за 1977 г.
Лесопиление, тыс. м <sup>3</sup>	873	870	875
Производство технологической щепы, тыс. м <sup>3</sup>	488	600	660
Производство фанеры, тыс. м <sup>3</sup>	73,6	75,4	75,4
—«— ДВП, млн. м <sup>2</sup>	18,0	17,1	17,1
—«— ДСП, тыс. м <sup>3</sup>	71,0	72,0	74,0
—«— мебели, млн руб.	10,8	10,4	10,97

Неплохие результаты в комплексном использовании лесосырьевых ресурсов, например лиственной древесины, были достигнуты на Сыктывкарском ЛПК. И.П. Морозов ещё в ходе его строительства поставил перед министром целлюлозно-бумажной промышленности СССР К.И. Галаншиным вопрос о переводе второго потока целлюлозного завода ЛПК на «листву». Этот вопрос в центральных проектных и управленческих структурах был решён положительно\* [14].

Период X и XI пятилеток (1976–1985) оказался для развития лесного комплекса Коми АССР трудным. В первую очередь надо сказать, что основное лесозаготовительное объединение Коми АССР «Комилеспром» ежегодно недодавало к плану от 1 до 2 млн м<sup>3</sup> деловых сортиментов [15]. И.П. Морозов на заседании сессии Верховного Совета СССР 19 июня 1986 г. так объяснил сложившуюся ситуацию на лесном фронте Коми АССР: «... планы производства деловой древесины не увязаны с породным составом и товарной структурой отводимого в рубку лесосечного фонда. Уже на этапе планирования очевидно, что народное хозяйство недополучит 600–700 тыс. м<sup>3</sup> в год. Несуществующие лесоматериалы распределяются по потребителям. Госнаб выдаёт им наряды. В результате половина лесозаготовительных предприятий постоянно находится в тяжёлом финансовом положении. Не меньше забот у потребителей.

Минлесбумпром СССР утверждает, что такое планирование исходит от Госплана СССР. Обком партии трижды обращался в эту уважаемую

---

\* В целом за 1969–1990 гг. Сыктывкарский ЛПК переработал более 20 млн м<sup>3</sup> лиственной древесины, или около 41% всего древесного сырья, израсходованного ЛПК за этот период.



организацию, но решения по существу нет». Далее И.П. Морозов сделал общий вывод: «Настало время на деле повысить ответственность планирующих органов за качество и сбалансированность планов, а министерств – за безусловное выполнение постановлений партии и правительства» [16]. И ещё одну причину невыполнения производственных заданий лесников Коми АССР указал И.П. Морозов в своём предыдущем выступлении на заседании сессии Верховного Совета СССР (20 ноября 1979 г.) – это то, что установленные планы «по вывозке древесины не полностью подкрепляются не только производственными мощностями, но и материально-техническими ресурсами... Для выполнения планов необходимо ежегодно строить не менее 500 км дорог с устойчивыми типами покрытий. Фактически их строится в 4–5 раз меньше. Минлеспром не помогает необходимой дорожно-строительной техникой, а выделяемые фонды на цемент, металл и другие материалы для дорожного строительства не покрывают и 20% потребности» [17].

Кроме вышеуказанных трудностей, с которыми сталкивались лесники Коми АССР при выполнении плановых заданий, был ещё ряд факторов, тормозивших развитие этой отрасли народного хозяйства республики [18].

В то же время в 70-е – первой половине 80-х гг. на многих предприятиях объединения «Комилеспром» начался переход к полной механизации (в основном всех работ на лесосеке). По данным П.Н. Бартоша\*, машинная обрезка сучьев была внедрена на большинстве предприятий объединения, а «на шести леспромхозах машинным способом заготавливается от 70 до 100% объёма» [19].

Экономическая ситуация на лесном фронте была тревожной и постоянно беспокоила И.П. Морозова. Его не устраивали отдельные успехи в этой отрасли народного хозяйства Коми АССР. Ещё 2 октября 1981 г. в выступлении на пленуме Коми обкома партии, где рассматривали вопрос «О задачах областной парторганизации по повышению эффективности лесозаготовительного и деревообрабатывающего производств и комплексному использованию лесосырьевых ресурсов республики в свете требований XXVI съезда КПСС» он обратил особое внимание на снижение темпов роста производства технологической щепы: «Отходы на выработку щепы ис-

---

\* П.Н. Бартош – один из ведущих специалистов объединения «Комилеспром» в журнале «Лесная промышленность» за 1987 г. № 10 опубликовал статью «Лесозаготовки без ручного труда». В своей работе он проанализировал опыт внедрения новой лесозаготовительной техники в Сыктывкарском и Боргомском леспромхозах объединения (см.: Лесная промышленность Республики Коми. 1961–1990 гг. – Сыктывкар, 1994. – Кн. II. – С. 43–45).





пользуются практически только на основных лесозаготовительных предприятиях (и то не на всех), хотя лесопилением занимается большинство предприятий, строек и совхозов республики.

В «Комилеспrome» на каждый миллион кубометров вывезенной древесины производится 37 тыс. м<sup>3</sup> щепы для целлюлозно-бумажного производства, тогда как в «Кареллеспrome» – 49 тыс. м<sup>3</sup>» [20].

В другом документе (имеется в виду письмо [Коми] обкома КПСС и Совета Министров Коми АССР на имя Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова «Об ускорении темпов экономического и социального развития Коми АССР» от 11.03.1986) отмечалось, что «в Коми АССР на 1 000 м<sup>3</sup> заготовленной древесины производится вдвое меньше, чем по стране в целом, пиломатериалов, фанеры, целлюлозы, почти в 5 раз меньше мебели». Далее в письме указывалось, что в республике «необходимо существенно улучшить использование лесных ресурсов, вовлечь ежегодно в производство дополнительно более 3 млн м<sup>3</sup> лиственной древесины и столько же древесных отходов для биотехнологических нужд» [21].

По воспоминаниям ветерана лесной отрасли Республики Коми И.С. Иевлева\*, при поддержке И.П. Морозова они «постоянно стучали в двери столичных министерств и ведомств», «добивались выделения необходимых средств и лимитов» [22].

Хозяйственные дела у лесников Коми АССР в начале XII пятилетки постепенно улучшились. В течение 1985 г. на основании предложений низовых предприятий в объединении «Комилеспром» была подготовлена программа «Интенсификация – 90», состоявшая из 2 частей. В первой – технико-экономическое развитие – было 2 раздела: 1) основные планово-экономические показатели на 1986–1990 гг. и 2) основные направления развития научно-технического прогресса в XII пятилетке. Вторая часть программы, посвящённая социальному развитию предприятий объединения, состояла из 4 разделов, а именно:

I. Планомерное изменение социальной структуры (рабочих объединения).

II. Улучшение условий труда и охраны здоровья работников.

III. Совершенствование оплаты и стимулирования труда, улучшение жилищных и социально-бытовых условий.

VI. Развитие сельского хозяйства.

---

\* И.С. Иевлев с 1971 по 1984 г. был начальником производственного объединения «Комилеспром», а с 1984 по 1990 г. – директором института КомигипроНИИлеспром. – *Примеч. авт.*



Итоги производственной деятельности предприятий объединения «Комилеспром» за первые 3 года XII пятилетки (1986–1988) были успешными. Достаточно сказать, что за это время было введено в строй мощностей по вывозке древесины на 920 тыс. м<sup>3</sup>\*, 120 тыс. м<sup>3</sup> – по производству технологической щепы, 1,4 тыс. м<sup>3</sup> – по производству тары [23]. Объём машинной валки и бесчокерной трелёвки возросли в 1,6 раза, машинная обрезка сучьев – в 1,7, автоматизированная раскряжёвка – почти в 1,4 раза и составили 4 256 м<sup>3</sup>; 4 480; 12 674 и 4 974 тыс. м<sup>3</sup> соответственно [24]. Внедрение новой техники и технологии позволило поднять производительность труда на одного работающего\*\*. Если сравнивать деятельность предприятий, перешедших полностью на машинный способ заготовки леса, и предприятий, работающих с обычной техникой и технологией, то разница в производительности труда окажется значительной. Например, комплексная выработка на одного рабочего в Сыктывдинском леспромпхозе, в одном из центров внедрения лесозаготовительной техники в Коми АССР, была в 1985 г. на 40% выше, чем в среднем по объединению «Комилеспром» [25].

В 1988 г. в Коми АССР был достигнут максимум вывозки древесины в регионе – 27,5 млн м<sup>3</sup> (с учётом объёмов вывозки древесины лесниками Архангельской и Кировской областей и Пермского края). По данным главного лесничего объединения «Комилесхоз» В. Ковалева, ежегодно (примерно с середины 60-х гг. XX в.) «чужаки» вырубали на территории Коми АССР свыше 3 млн м<sup>3</sup> древесины [26].

Таким образом, во второй половине 60-х–80-е гг. XX в. в Коми АССР постепенно увеличивалось освоение\*\*\* лиственной древесины. По нашим данным, за 70–80-е гг. XX в. предприятия объединения «Комилеспром» дали стране более 55 млн м<sup>3</sup> лиственной древесины, значительная часть которой поступила на Сыктывкарский ЛПК, о чём указывалось выше. Лесохимики Республики Коми за годы XI пятилетки (1981–1985) практически

---

\* В целом по Коми АССР за 1986–1990 гг. производственные мощности лесозаготовительных предприятий увеличились на 1 175 тыс. м<sup>3</sup> (см.: *Турубанов А.Н.* Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: монография. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. – С.226).

\*\* Например, за 1981–1985 гг. комплексная выработка на одного работающего в объединении «Комилеспром» возросла на 11,5% (см.: *Бартош П.Н.* Лесозаготовки без ручного труда // *Лесная промышленность.* – 1987. – № 10. – С.21–22).

\*\*\* В некоторых документах, приведённых в сборнике документов и материалов «Лесная промышленность Республики Коми. 1961–1990 гг.». В кн. II употребляется термин «использование». На наш взгляд, эти слова не синонимы. Однако мы вынуждены это признать, т.к. нет другого выхода.



ежегодно использовали в технологических целях более 1 млн м<sup>3</sup> лиственной древесины, а в 1985 г. доля низкосортной (в основном лиственной), мелкотоварной древесины и отходов лесозаготовок составила 90% в общем потреблении сырья [27]. Лесное дело Коми края вышло «на практические рельсы», тем самым осуществлялась мечта И.П. Морозова о рациональном использовании этого природного ресурса.

К концу 80-х гг. XX вв. в отраслевой структуре лесного комплекса Коми АССР доля лесозаготовительной промышленности составляла уже 48,4%, лесопильно-деревообрабатывающей – 21,6 и целлюлозно-бумажной, гидролизной и лесохимической – 30% [28], тем самым был сделан важный шаг в комплексном использовании древесного сырья в регионе, и в этом деле роль И.П. Морозова была велика.

\* \* \*

1. Иван Павлович Морозов в воспоминаниях и документах. – Сыктывкар, 1999; Соратники (памяти Ивана Павловича Морозова). – Сыктывкар, 2004; Иван Павлович Морозов. Всё остаётся людям / сост. В.Н. Мастраков. – Сыктывкар, 2009.

2. Очерки истории Коми областной организации КПСС. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Сыктывкар, 1987; История Коми с древнейших времён до современности. Т.2. – 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар: Анбур, 2011 и др.

3. См. об этом подробнее: *Турубанов А.Н.* Строительный комплекс Республики Коми в XX веке. – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2012. – С.192–194, 208.

4. Иван Павлович Морозов. Всё остаётся людям / сост. В.Н. Мастраков... – С.34.

5. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУ РК «НА РК»). Фр.1522. Оп.1. Д.10. Л.2–8.

6. ГУ РК «НА РК». Фр.1522. Оп.1. Д.10. Л.2–8.

7. Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной организации. 1917–1981 гг. – Сыктывкар, 1982. – С.270.

8. Иван Павлович Морозов. Всё остаётся людям / сост. В.Н. Мастраков... – С.115–116.

9. Иван Павлович Морозов. Всё остаётся людям / сост. В.Н. Мастраков... – С.115–116.

10. ГУ РК «НА РК». Ф.п.1. Оп.47. Д.2. Л.65–71.

11. *Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н.* Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. – Сыктывкар, 2004. – С.149.



12. ГУ РК «НА РК». Ф.п.1. Оп.47. Д.2. Л.65–71.
13. ГУ РК «НА РК». Ф.п.1. Оп.40. Д.11. Л.5–42.
14. *Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н.* Указ. соч. – С.149.
15. ГУ РК «НА РК». Ф.п. 3808. Оп.1. Д.120. Л.10–17.
16. ГУ РК «НА РК». Ф.п. 3808. Оп.1. Д.120. Л.10–17.
17. Красное знамя. – 1979. – 1 дек.
18. См. об этом подробнее: *Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н.* Указ. соч. – С.141–146.
19. Лесная промышленность. – 1987. – № 10. – Л.21–22.
20. ГУ РК «НА РК». Ф.п.1. Оп.54. Д.19. Л.106–110.
21. *Турубанов А.Н.* Строительный комплекс Республики Коми в XX веке... – С.131.
22. Соратники. Памяти Ивана Павловича Морозова. – С.148.
23. Лесная промышленность Республики Коми. 1961–1990 гг. – Сыктывкар, 1994. – Кн.П. – С.127.
24. Лесная промышленность Республики Коми. 1961–1990 гг. – Сыктывкар, 1994. – Кн.П. – С.127; *Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н.* Указ. соч. – С.109.
25. *Бартош П.Н.* Лесозаготовки без ручного труда // Лесная промышленность. – 1987. – № 10. – С.21–22; Коми АССР в одиннадцатой пятилетке: сб. статей. – Сыктывкар, 1986. – С.42.
26. Красное знамя. – 1989. – 14 апр.; *Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н.* Указ. соч. – С.144; Иван Павлович Морозов в воспоминаниях и документах... – С.147.
27. *Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н.* Указ. соч. – С.145.
28. *Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н.* Указ. соч. – С.149.



**А.А. Попов,**

*д-р ист. наук, профессор,  
гл. научный сотрудник Института  
языка, литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**Н.Ю. Линкова,**

*канд. ист. наук*

## **ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ: НА МАТЕРИАЛАХ ТЕЛЕВИДЕНИЯ (ИТОГИ, ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ)**

История становления и развития телевидения в Республике Коми для авторов настоящей статьи является самостоятельным исследовательским направлением в последнее десятилетие. В результате планомерной работы изучена солидная источниковая база, представленная широким кругом опубликованных и неопубликованных источников [1], издан ряд статей о наиболее значимых направлениях становления и развития отрасли в регионе во второй половине XX в., определены её основные этапы [2], прослежено формирование материально-технической базы [3], проанализированы структурные преобразования телевидения в условиях радикальных реформ конца XX в. [4]. Специальное внимание уделено содержанию творческой деятельности регионального телевидения, процессу формирования этнокультурной информационной политики на примере межрегионального телевизионного журнала «Финно-угорский мир» [5]. На грант РГНФ в 2013–2014 гг. авторами выполнен проект «Становление и развитие региональных электронных СМИ во второй половине XX века (на примере телевидения Республики Коми)» (№ 13-11-11007).

Итогом многолетней работы стала защита в 2014 г. диссертации Н.Ю. Линковой на тему «Становление и развитие телевидения Республики Коми во второй половине XX века» (научный руководитель – А.А. Попов) [6]. В диссертации впервые осуществлено комплексное исследование становления телевидения региона, определены основные этапы его развития, выявлена роль в социальном и экономическом развитии края и специфика отрасли в условиях Российского Севера, степень государственной



поддержки, состояние материально-технической базы, система подготовки творческих и технических кадров. В научный оборот впервые введён целый ряд архивных документов и материалов, раскрывающих характер взаимодействия органов власти и телевидения как наиболее авторитетного, доступного и действенного средства массовой информации и пропаганды. На материалах Республики Коми впервые проанализирован общий для областей Европейского Севера, обладающих единой спецификой, процесс охвата субъектов Федерации телевещанием для создания единого российского информационного пространства. Заметным событием в культурной жизни стало издание обобщающей работы к полувековому юбилею регионального телевидения [7].

Данные исследования выполнены с привлечением широкого круга неопубликованных и опубликованных материалов. Основу источниковой базы составили документы из фондов Национального архива Республики Коми. Значительный корпус источников, впервые введённых в научный оборот, представлен документами фонда ГТРК «Коми гор». Существенную роль в реконструкции реальной исторической картины сыграли материалы текущего архива республиканской телерадиокомпании: сценарии передач, перспективные тематические планы и отчёты об их выполнении, переписка, фото-, кино- и видеодокументы. Использовались также статистические данные, материалы периодической печати, мемуары. В совокупности выявленный и сформированный комплекс источников обеспечил репрезентативность воссоздания процесса становления и развития телевидения в регионе во второй половине XX века.

Необходимо отметить, что ранее региональная историография на эту тему имела весьма неравномерный и неравноценный характер. В 1960–1980-х гг. тема получила фрагментарное, эпизодическое отражение в обобщающих трудах конкретно-исторического характера, о появлении и развитии телевидения в Коми АССР упоминалось в работах Я.Н. Безносилова [8]. В изданиях этого периода освещались в основном вопросы охвата территории республики телевизионным вещанием, телевидение рассматривалось главным образом как средство идеологического воздействия на население, агитации и пропаганды [9]. Единственным специальным научно-популярным изданием советского периода, посвящённым истории и развитию регионального телевидения, стала юбилейная брошюра «50 лет Гостелерадио Коми АССР» [10].

Постсоветский период (1990-е гг.) представлен небольшими статьями информационно-справочного характера в энциклопедии «Республика Коми»: обзорная статья А.М. Шарапова «Радиовещание и телевидение» и статья Н.А. Бобровой «Коми гор», посвящённая созданной в 1992 г. теле-



радиокомпания «Коми гор» (Голос Коми) уже в условиях демократизации общественной жизни [11]. Важная характерная черта Коми республиканского телевидения – двуязычие. Наиболее полно ситуация с двуязычным региональным телевидением в 1990-е гг. представлена в монографии А.А. Попова и Н.А. Нестеровой [12]. В эти годы издан ряд популярных работ: «Летописцы Республики Коми», «От морзянки до Интернета», сборник воспоминаний «Вместе с республикой» [13]. Анализ изданных работ показал, что отдельные аспекты истории телевидения Республики Коми к определённому моменту были либо изучены слабо, либо не изучены вовсе.

В настоящее время процесс развития электронных средств массовой информации становится более динамичным и многогранным. Основным направлением структурных изменений в системе телевидения Республики Коми в 2000–2019 гг. стала модернизация телекоммуникационной инфраструктуры, один из важнейших аспектов которой – реализация Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 гг.», заключающаяся в замене аналогового эфирного телевизионного сигнала на цифровой. Этот важный этап отражён в статье «Становление и развитие электронных средств массовой информации в Республике Коми: конец 1950-х гг. – 2015 г.» [14]. Использование новых технологий, спутниковой связи и Интернета значительно видоизменило общий культурный ландшафт в регионе, позволило расширить информационное поле, обогатить спектр программ, предоставив зрителю значительно бóльшие возможности духовного и эстетического саморазвития [15]. Это, бесспорно, повлияло на задачи и концепцию вещания регионального телевидения на современном этапе. В настоящее время основной «продукт» ГТРК «Коми гор» – информационные программы «Вести-Коми», которые выходят на федеральном канале «Россия 1» на русском и коми языках, а также тематические программы. В 2019 г. объём телепередач «Коми гор» увеличился в сравнении с 2018 г. на 35% и составляет более 600 часов. Что касается Коми республиканского телевизионного канала (КТРК) «Юрган», начавшего регулярные передачи в ноябре 2001 г., его вещание планомерно расширялось. В первый год работы «КРТК» готовил до 1 часа собственных программ в день, в 2019 г. объём вещания ежедневно составляет 20 часов – это программы собственного производства и приобретённый контент. Ключевым в деятельности телевизионного канала «Юрган» является национальное вещание – треть программ создаётся на коми языке.

Таким образом, в настоящее время детально и комплексно исследована тема телевидения в регионе за весь период второй половины XX в.



на материалах федерального телевидения («Коми гор»), начато изучение ряда аспектов темы начала XXI века. Следует также иметь в виду современные тенденции развития телевидения, в том числе связанные с модернизацией телекоммуникаций. Всё это определяет новые исследовательские задачи темы, а именно необходим, на наш взгляд, системный конкретно-исторический анализ деятельности созданной в 2001 г. региональной телекомпании «Юрган» (как это сделано применительно к федеральной телекомпании за период второй половины XX в.). В условиях полиэтнического региона актуальным остаётся исследование этнокультурного компонента в системе телевидения. Активное внедрение Интернета и цифровизация телевидения значительно расширили понятие «электронные СМИ». Телевидение, в том числе региональное, интегрируется в мировое информационное пространство. При этом при переходе с аналогового телесигнала на цифровой крайне актуальным является сохранение регионального и муниципального вещания.

\* \* \*

1. Попов А.А., Линкова Н.Ю. Источники по истории телевидения в Республике Коми // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор (труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). – Сыктывкар, 2018. – Вып. 75. – С.156–160.

2. Линкова Н.Ю. Периодизация процесса становления и развития регионального культурно-информационного пространства через электронные СМИ Республики Коми во второй половине XX века (на материалах телевидения) // Вестник Чувашиского университета. – 2010. – № 4. – С.50–56.

3. Линкова Н.Ю. Материально-техническое оснащение телевидения в Республике Коми в период его становления и развития (вторая половина XX в.) // Клио. – 2013. – № 11 (83). – С.83–85.

4. Линкова Н.Ю. Региональные особенности трансформации Российского телевидения в период 1990-х годов (на примере Республики Коми) // Вестник Чувашиского университета. – 2013. – № 4. – С.37–43.

5. Линкова Н.Ю., Попов А.А. Телевидение и село (на материалах Коми АССР в 1960–1980-е гг.) // Горочные чтения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвящённой 470-летию с. Усть-Цильма (9 июля 2012 г., с. Усть-Цильма). – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. – С.102–104; Попов А.А., Линкова Н.Ю. Этнокультурные аспекты региональной информационной политики (на примере электронных СМИ Рес-





публики Коми) // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всероссийской конф. финно-угроведов (Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. – С.337–339; *Попов А.А., Линкова Н.Ю.* Деятельность межрегионального тележурнала «Финно-угорский мир» (к 25-летию создания) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. статей по материалам VI Всероссийской науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019. – С.531–535.

6. *Линкова Н.Ю.* Становление и развитие телевидения Республики Коми во второй половине XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2014.

7. *Попов А.А., Линкова Н.Ю.* 50 лет в телеэфире (Очерки истории телевидения в Республике Коми). – Сыктывкар, 2014.

8. *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. – М., 1968; *Безносиков Я.Н.* Рассвет над Коми. Очерк истории культурного строительства в Коми АССР. – Сыктывкар, 1986.

9. История Сыктывкара. – Сыктывкар, 1980; Очерки истории Коми областной партийной организации КПСС. – Изд. 2-е, доп. и переработ. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1987.

10. Гостелерадио Коми 50 лет. – Сыктывкар, 1981.

11. *Шаранов А.* Радиовещание и телевидение // Республика Коми: Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997. – Т.1. – С.166–167; *Боброва Н.* Коми гор // Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар, 1999. – Т.2. – С.99–101.

12. *Попов А.А., Нестерова Н.А.* Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). – Сыктывкар, 2000.

13. Летописцы Республики Коми: очерки / сост. Д.М. Леканов, Н.З. Панева, А.С. Петрунев. – Сыктывкар, 2000; От морзянки до интернета. История развития связи в Республике Коми. – Сыктывкар, 2004; Вместе с республикой. К 40-летию телевидения Республики Коми. – Сыктывкар, 2004.

14. *Попов А.А., Линкова Н.Ю.* Становление и развитие электронных СМИ в Республике Коми: конец 1950-х гг. – 2015 г. (на материалах телевидения Республики Коми) // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография): сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. – С.248–255.

15. *Линкова Н.Ю.* Культурный ландшафт Республики Коми в телевизионном измерении (2000–2015 гг.) // Социокультурные аспекты развития Северных территорий (Республика Коми. История и современность): сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. – С.149–155.



УДК 930.2:37

**М.А. Мацук,**

*д-р ист. наук, гл. научный сотрудник  
лаборатории археографии и публикации  
документов по истории освоения  
Европейского Севера России  
Института языка, литературы  
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

## **ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНЫХ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ»**

Научный журнал «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий», созданный в сотрудничестве с Министерством регионального развития Российской Федерации, выходит с 2008 года. В 45 выпущенных номерах опубликовано около 250 научных статей и большое количество (более 100) других материалов (персоналии, статьи о научных организациях и мероприятиях, рецензии и т.д.). Вопросы истории культуры занимают приоритетное место в ряду публикаций журнала. Среди них достаточно много научных статей и материалов, которые повествуют о разных аспектах истории образования и науки в северных регионах России в XX – начале XXI века.

В данной статье мы дадим краткую характеристику этим публикациям научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий».

В данном журнале было опубликовано около 40 научных статей и материалов, в которых рассказывалось о различных аспектах истории образования. В основном они касаются истории высшего и среднего специального образования. Школьному образованию посвящено лишь 5 статей: А.Н. Жуковой [1], А.М. Мацука и Н.А. Юрасовой [2], Г.В. Роббека [3], Т.П. Головацкой [4], Д.В. Оксюзьяна [5]. Причём три из них говорят о проблемах сохранения и развития языков коренных малочисленных народов (коряков, эскимосов, а также проживающих в Республике Саха (Якутия) эвенов, эвенков, долган, чукчей и юкагиров), в том числе и через создание школ для детей оленеводов, кочующих вместе с родителями. Статья А.М. Мацука и Н.А. Юрасовой ставит вопрос о явно недостаточном материале, знающем учащихся с северными народами нашей страны. Д.В. Оксюзьян



повествует о информационно-коммуникативных технологиях, которые использовали учителя школ Коми АССР в советский период истории нашей страны.

Становлению и развитию учебных заведений и курсов по подготовке кадров для потребительской кооперации в 1920-х гг. посвящена статья А.К. Гагиевой [6].

История среднего специального образования раскрывается на страницах журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» в статьях А.М. Мацука [7], рассмотревшего важные аспекты развития системы среднего специального образования на Европейском Севере России в 1950-х–1980-х годах. Он также начал публикацию важных сведений о географическом расположении в субъектах РСФСР техникумов Министерства сельского хозяйства РСФСР и средне-медицинских школ (медицинских училищ) Министерства здравоохранения РСФСР. В двух опубликованных им статьях приведены данные по этим средним специальным учебным заведениям на начало 1950-х годов.

Наибольший интерес у авторов журнала вызвала история высших учебных заведений. Всего этому направлению посвящено 27 публикаций, раскрывающих историю вузов с разных сторон.

Общую характеристику развития высшей школы на Европейском Севере России в 1910–1980-х гг. дала А.Н. Щеглова [8]. Вопрос о работе Петрозаводского государственного университета в эвакуации в г. Сыктывкаре (Коми АССР) в годы Великой Отечественной войны поставила в своей статье Т.А. Малкова [9]. А.Н. Щеглова также осветила проблему преподавания иностранных языков студентам Коми государственного педагогического института в период, предшествовавший Великой Отечественной войне, и в годы войны [10].

Несколько публикаций посвящено истории и современному состоянию Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) [11]. Это связано в основном с тем, что в 2010 г. этому образовательному учреждению, значение которого для развития северных территорий нашей страны трудно переоценить, исполнилось 80 лет.

Показу истории и современного состояния разных структурных подразделений вузов посвящены 5 статей. Е.В. Прокуратова рассказала об Отделе редкой книги научной библиотеки Сыктывкарского госуниверситета и его роли в научной, учебной, выставочной деятельности этого вуза [12]. Т.М. Егорова и К.С. Зайков посвятили свои статьи описанию соответственно Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск) [13] и Арктиче-



ского центра стратегических исследований Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск) [14].

Наконец, А.Н. Щеглова рассказала об истории и деятельности межфакультетской кафедры иностранных языков Коми государственного педагогического института в 1970-х–1980-х гг. [15] и А.А. Петров – о кафедре северной филологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова [16].

В публикациях А.Н. Щегловой и Т.Ю. Сем рассмотрены актуальные вопросы: об обучении студентов иностранным языкам (на примере Сыктывкарского государственного университета) [17] и этнологии (на примере Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена) [18] как базе сохранения национальной идентичности и национальной культуры народов, в первую очередь коренных малочисленных народов.

Наконец, несколько публикаций посвящены преподавателям вузов – их жизненному пути и творческим достижениям. В журнале опубликованы материалы, посвящённые П.А. Колесникову (Вологда) [19], Г.Г. Загвоздкину (Киров) [20], А.И. Гашилову (Санкт-Петербург) [21], Ю.Д. Сверчковой (Санкт-Петербург) [22], Н.И. Гладковой (Санкт-Петербург) [23], Ч.М. Таксами (Санкт-Петербург) [24], В.И. Лыткину (Москва, Сыктывкар) [25], И.В. Куликовой (Санкт-Петербург) [26].

Итак, научный журнал «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» внёс определённый вклад в популяризацию истории образования относительно к северным территориям России. Мы будем продолжать данную традицию и способствовать раскрытию актуальных аспектов одной из важных сторон культуры народов, населяющих Север нашей страны.

\* \* \*

1. Жукова А.Н. Закономерности развития корякской письменности в образовательном пространстве Камчатского края // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2009. – № 2 (6). – С.65–70.

2. Мацук А.М., Юрасова Н.А. Народы Российского Севера в школьном курсе истории // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2009. – № 2 (6). – С.71–75.

3. Роббек Г.В. Как сохранить исчезающие языки коренных малочисленных народов Севера и Арктики // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2009. – № 2 (6). – С.83–88.



4. Головацкая Т.П. Проблемы сохранения и развития языка азиатских эскимосов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 2 (10). – С.113–118.

5. Оксюзьян Д.В. О месте информационно-коммуникативных технологий в деятельности учителей Коми АССР // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2017. – № 1 (37). – С.55–63.

6. Гагиева А.К. Становление системы кооперативного образования в России и на Европейском Севере в 20-е годы XX века // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2009. – № 4 (8). – С.32–49.

7. Мацук А.М. Развитие системы среднего специального образования на Европейском Севере России в 1920-е–1980-е годы: динамика количества техникумов и числа учащихся // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2014. – № 4 (28). – С.46–73; Мацук А.М. Подготовка специалистов среднего звена для транспортных систем регионов Европейского Севера СССР в 1950–1980-х гг. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2015. – № 3 (31). – С.66–84; Мацук А.М. Реформа образования второй половины 1950-х гг. и среднее специальное образование на Европейском Севере РСФСР // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2018. – № 1 (41). – С.101–109; Мацук А.М. Статистические документы как источник по истории среднего специального образования (на материалах Коми АССР 1950-х–1980-х гг.) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2018. – № 2 (42). – С.65–75; Мацук А.М. Техникумы Министерства сельского хозяйства РСФСР. География расположения. Начало 1950-х годов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2018. – № 3 (43). – С.83–101; Мацук А.М. Медицинские училища Министерства здравоохранения РСФСР в начале 1950-х годов. География расположения // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2019. – № 1 (45). – С.7–32.

8. Щеглова А.Н. Высшие учебные заведения на Европейском Севере России: число вузов и студентов (1910-е–1980-е годы) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2016. – № 3 (35). – С.36–55.

9. Малкова Т.А. Эвакуация Карело-Финского университета в г. Сыктывкар в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 4 (20). – С.68–79.

10. Щеглова А.Н. Обучение студентов Коми государственного педагогического института иностранным языкам накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 3 (19). – С.85–89.



11. *Петров А.А.* Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена – особо ценный объект культурного достояния народов России // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2009. – № 3 (7). – С.6–26; *Петров А.А.* Институту народов Севера – 80 лет // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 2 (10). – С.15–17; *Гашилов А.И., Гашилова Л.Б.* Институт народов Севера: годы, события, люди // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 2 (10). – С.18–36; *Иванова Э.В.* Перспективы развития Института народов Севера (РГПУ им. А.И. Герцена) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 2 (10). – С.37–40; *Петров А.А.* Мероприятия, посвящённые 85-летию со дня основания Института народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2015. – № 4 (32). – С.83–85.

12. *Прокуратова Е.В.* Отдел редкой книги научной библиотеки Сыктывкарского госуниверситета в научной, учебной, выставочной деятельности вуза // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2008. – № 3. – С.43–49.

13. *Егорова Т.М.* Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2014. – № 2 (26). – С.12–19.

14. *Зайков К.С.* Арктический центр стратегических исследований САФУ имени М.В. Ломоносова: проекты и люди // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2016. – № 4 (36). – С.40–64.

15. *Щеглова А.Н.* Межфакультетская кафедра иностранных языков Коми государственного педагогического института в 1970-х–1980-х гг. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 2 (18). – С.29–32.

16. *Петров А.А.* Кузница кадров высшей квалификации на северо-востоке Азии // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2016. – № 3 (35). – С.28–35.

17. *Щеглова А.Н.* Университетская система обучения иностранным языкам в регионах России, как условие подготовки специалиста, востребованного в современном мире (на примере Сыктывкарского государственного университета) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2008. – № 1. – С.108–111; *Щеглова А.Н.* Влияние менталитета сельских коми студентов на результативность освоения иностранных языков в университетском курсе (к постановке проблемы) // Вопросы



истории и культуры северных стран и территорий. – 2009. – № 2 (6). – С.102–105; *Щеглова А.Н.* Становление университетской системы обучения иностранным языкам в национальных республиках: кадровая политика ректората (на материалах Сыктывкарского государственного университета) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2011. – № 2 (14). – С.58–62; *Щеглова А.Н.* Развитие университетской системы обучения иностранным языкам в Сыктывкарском государственном университете в 1990-х – начале 2000-х годов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2013. – № 2 (22). – С.84–93; *Щеглова А.Н.* Учебно-методическая работа преподавателей иностранных языков Сыктывкарского государственного университета (1972–1991) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2014. – № 2 (26). – С.75–89.

18. *Сем Т.Ю.* Роль этнологического образования в сохранении культур малочисленных народов Севера в исторической перспективе развития североведения // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2017. – № 4 (40). – С.88–135.

19. *Саблин В.А.* Пётр Андреевич Колесников. Этапы творческого пути (1907–1996) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2008. – № 1. – С.112–121.

20. *Сахарова Л.Г., Трушкова И.Ю.* Киров Памяти доктора исторических наук, профессора Геннадия Григорьевича Загвоздкина // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2008. – № 2. – С.93–95.

21. *Гашилова Л.Б., Булатова Н.Я.* «Я счастлив, что родился на Оби в сибирском племени селькупов» // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 2 (10). – С.127–132.

22. *Сентисова И.В.* Моя учительница Сверчкова Юлия Дмитриевна // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 2 (10). – С.133–135.

23. *Петров А.А.* Гладкова Нина Ивановна – видный учёный-северовед (к 90-летию со дня рождения) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2011. – № 3 (15). – С.114–119.

24. *Петров А.А.* Памяти Чунера Михайловича Таксами // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2014. – № 2 (26). – С.90–94.

25. *Ракин А.Н.* К 120-летию со дня рождения В.И. Лыткина (вспоминая об учителе) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2015. – № 4 (32). – С.77–82.

26. *Петров А.А.* Вспоминая Зою Кымъырултынэ (светлой памяти Идеи Владимировны Куликовой) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2019. – № 1 (45). – С.69–76.



**Н.Ю. Линкова,**  
*канд. ист. наук*

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СИСТЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ ОТРАСЛИ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ**

Реализация Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы» – значимый этап модернизации телекоммуникационной отрасли страны. Её цель – осуществление передачи эфирного цифрового телевизионного сигнала в формате DVB-T2, позволяющего благодаря современным технологиям получать более качественные изображение и звук. Техническая концепция этой программы и срок запуска цифрового вещания в России пересматривались несколько раз. Изначально планировалось, что аналоговое вещание на территории России одновременно во всех регионах будет отключено в конце 2018 года. Однако с учётом ряда технических и социально-экономических причин, связанных с тем, что после отключения аналогового сигнала многие россияне могут остаться без доступа к телевидению, Правительство России приняло решение о поэтапном отключении «аналога» до октября 2019 года. Таким образом, процесс перехода на «цифру» был разделён на 4 этапа: 11 февраля, 15 апреля, 3 июня, 14 октября. Это решение обошлось бюджету Российской Федерации в 30 млрд руб. [1].

До начала осуществления программы цифровизации телевидения 40% россиян могли принимать не более четырёх каналов, а 25% – только два канала. Согласно целевым показателям, указанным в программе, доля населения страны с возможностью бесплатного приёма 20 цифровых общедоступных каналов, включённых в 2 мультиплекса, и трёх радиоканалов должна составлять 98,1%. Для претворения этой задачи в жизнь построено 5 040 объектов цифрового телевидения, установлено 1 080 передатчиков [2]. Большую роль играл фактор информированности населения, активное проведение разъяснительной работы, связанной с переходом с аналогового вещания на цифровое. Для многих россиян телевидение – основной канал поступления информации.





Возможность приёма телепередач в новом формате складывается из нескольких факторов: наличия сигнала в районе проживания, наличия у абонента приёмника с DVB-T2 и его способности настроиться на приём цифрового сигнала с помощью специальной приставки. Немаловажно и то, что все телевизоры, выпущенные после 2012 г., уже снабжены цифровым тюнером и что приём программы цифровых мультиплексов возможен не только по сети эфирного цифрового вещания DVB-T2, но и в других средах: сетях кабельного телевидения (аналогового и/или цифрового), через спутниковых операторов, интернет-провайдеров и т.д. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, к декабрю 2018 г. 95% населения было готово к переходу на «цифру» [3]. В стране не охвачено цифровым эфирным телевидением 18 294 населённых пункта, в которых проживают около 1 млн человек [4]. Для них предусмотрен бесплатный приём 20 обязательных общедоступных телеканалов со спутника. Проживающим в этих регионах гарантируется компенсация за покупку и установку комплекта спутникового приёмного оборудования в размере 5 тыс. рублей.

В первый федеральный мультиплекс Указом Президента РФ № 715 «Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах» включено 10 телеканалов: «Первый канал», «Россия 1», «Россия К», «Россия 24», «НТВ», «Пятый канал», «ТВ Центр», ОТР, «Матч ТВ», «Карусель». Кроме того, в комплект входят радиоканалы «Радио России», «Маяк» и «Вести ФМ». Второй мультиплекс, сформированный Федеральной конкурсной комиссией по телерадиовещанию, включает в себя каналы «Рен ТВ», «Спас», СТС, «Домашний», «ТВ-3», «Звезда», «Пятница», «МИР», ТНТ и «Муз-ТВ». Приём телевизионных и радиоканалов, входящих в первый и второй мультиплекс, предоставляется населению бесплатно.

В Республике Коми в рамках исполнения Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы» строительство сети цифрового эфирного телерадиовещания, включающей в себя 87 объектов, разбито на 3 этапа. На первом этапе силами филиала ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» (далее – РТРС) «Радиотелевизионный передающий центр Республики Коми» (далее – РТПЦ) произведены демонтаж старого оборудования, установка новых антенн и системы энергообеспечения на радиотелевизионных передающих станциях в 11 крупных населённых пунктах: Воркуте, Инте, Печоре, Усть-Цильме, Вуктыле, Троицко-Печорске, Ухте, Усогорске, Сыктывкаре, Усть-Куломе, Койгородке. Строительство 62 станций второго этапа и 14 третьего этапа предусматривало установку башен высотой



от 10 до 70 м и аппаратных контейнерного типа с выполнением технологического присоединения объектов к энергосетям.

В августе 2014 г. в республике запущено цифровое телевидение в тестовом режиме. Это позволило 90% жителей региона бесплатно смотреть 10 каналов, которые вошли в первый мультиплекс. Двадцать шестого декабря 2018 г. цифровая телевизионная сеть региона заработала в полном объёме – специалисты филиала РТРС «РТТЦ Республики Коми» завершили включение передатчиков второго мультиплекса [5]. После ввода в эксплуатацию всех объектов охват населения республики бесплатным цифровым вещанием – а это 20 телевизионных и 3 радиоканала – составляет 97,8%, тогда как в 2010 г. 44% жителей Коми были доступны лишь 4 телевизионных канала.

Аналоговое телевидение на территории Республики Коми отключено 3 июня 2019 г. в ходе третьего этапа. Этому событию предшествовала большая организационная работа. Вопросы перехода на цифровое телевидение разъяснялись по бесплатному телефонному номеру на региональной «горячей линии», которая с 15 марта 2019 г. функционировала на базе центра телефонного обслуживания Многофункциональных центров (ГАУ РК «МФЦ»). Консультации можно было получить также на «горячей линии» РТРС и на сайте [смотрицифру.рф](http://смотрицифру.рф). На общественном портале «Активный регион» проводилось анкетирование жителей о готовности к переходу на цифровое вещание [6], телезрители могли принять участие в викторине от РТРС «Что вы знаете о цифровом телевидении?» [7], в печатных СМИ публиковались иллюстрированные материалы «Как выбрать приставку для приёма цифрового эфирного ТВ» [8], «Как подключить цифровое эфирное ТВ» [9], прямые линии на эту тему проводились в Общественной приёмной Главы Республики Коми [10], сюжеты и интервью размещались в телепередачах, на страницах газет и в информационных лентах. При администрациях всех муниципальных образований республики были созданы волонтерские штабы, оказывающие населению бесплатную помощь по подключению и настройке оборудования для приёма сигнала цифрового телевидения. В Сыктывкаре 25 мая 2019 г. состоялась «цифровая» зарядка с целью акцентировать внимание жителей на необходимости проверить свою готовность к переходу на цифровое вещание. В мероприятии приняли участие представители органов власти, РТТЦ и СМИ, волонтеры, спортсмены, сыктывкарцы и гости столицы республики [11].

Вне зоны принятия цифрового сигнала на территории Республики Коми оставалось 205 населённых пунктов. Например, в Сыктывдинском районе это посёлки Новоипатово, Поинга, Мет-Устье и дер. Морово [12], а в Прилузском районе таковых 22, в них проживают 1 862 человека в 73



домохозяйствах [13]. Для жителей этих местностей приём бесплатных общедоступных телеканалов возможен только со спутника. Для малоимущих семей и одиноко проживающих граждан, пенсионеров, получающих региональную социальную доплату к пенсии, на приобретение необходимого оборудования предусмотрена материальная помощь до 5 тыс. руб., получить которую можно через центры социальной защиты населения [14]. Кроме того, приставками для приёма цифрового телесигнала были обеспечены проживающие в республике ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны. Их выделили РТПЦ, Ростелеком [15], администрации муниципалитетов. В частности, ветеранам из Микуня и столицы республики приставки вручили руководители администраций Усть-Вымского района и Сыктывкара [16].

В число 20 доступных общероссийских телевизионных каналов входит и «Россия 1», на котором размещаются передачи филиала ВГТРК ГТРК «Коми гор». Таким образом, для жителей Республики Коми по-прежнему доступны оригинальные информационные и тематические передачи на русском и коми языках этой телерадиокомпании. В 2019 г. объём телепередач «Коми гор» увеличился в сравнении с 2018 г. на 35%.

Что касается Коми республиканского телевизионного канала «Юрган», объём вещания которого в 2019 г. ежедневно составляет 20 часов, – это программы собственного производства и приобретённый контент, – его передачи получают телезрители, подключённые к кабельным сетям республики, спутниковому телевидению «Триколор» и «Телекарта», IP-телевидению Ростелекома и ТТК. Кроме того, программы «Юргана» доступны на нескольких интернет-платформах [17].

В период перехода в стране от аналогового телевидения к цифровому крайне важно было сохранить региональную составляющую. Поправки в Законы Российской Федерации «О средствах массовой информации» и «О связи», внесённые в 2016 г., ввели понятие «обязательный общедоступный телеканал субъектов РФ»: в каждом регионе выбирается один канал, который операторы кабельного телевидения должны распространять бесплатно. Федеральная конкурсная комиссия по телерадиовещанию Роскомнадзора выбрала обязательные общедоступные телеканалы субъектов Российской Федерации в регионах. В их число включён и Коми республиканский канал «Юрган» [18]. Поправки в законодательство от 2019 г. обязывают кабельных операторов бесплатно транслировать один муниципальный телеканал, продукция которого содержит не менее 75% национальной продукции, при этом не менее 20% от общего времени вещания составляют программы, освещающие вопросы местного значения, а их трансляция осуществляется на территории соответствующего муниципалитета [19].



Кроме того, в эфир «Общественного телевидения России» (ОТР), которое входит в первый мультиплекс, должны быть включены вставки региональных телеканалов: 3 часа утреннего эфира и 2 вечернего для демонстрации местных новостей и программ в цифровом формате [20]. Для этого Правительством РФ выделено из резервного фонда 776 млн руб. в 2019 г., 1,5 млрд руб. – в 2020 г. [21].

Федеральная целевая программа «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы» – сложный проект модернизации телекоммуникаций, включающий в себя множество процессов и затрагивающий интересы разных отраслевых участников. Его осуществление потребовало возведения на территории страны 5 040 объектов цифрового телевидения, установки 1 080 передатчиков. К моменту замены аналогового телесигнала на цифровой в регионах проведена большая разъяснительная работа, в том числе с привлечением волонтеров. Более 98% населения получило возможность бесплатного приёма 20 телевизионных и 3 радиоканалов. Населённые пункты, не охваченные цифровым сигналом, принимают программы двух мультиплексов со спутника. Кроме того, для просмотра цифрового телевидения сегодня не обязательны приставка или телевизор и спутниковое либо кабельное подключение – достаточно мобильного устройства и выхода в Интернет. Региональные и муниципальные телеканалы получили возможность транслировать свои передачи, в том числе в сетях кабельного телевидения. В цифровом формате в утреннем и вечернем эфире «Общественного телевидения России» (ОТР), которое входит в первый мультиплекс, предусматривается включение вставки с трансляцией передач региональных телеканалов. Таким образом, важный этап цифровизации телерадиовещания в запланированные сроки на территории Республики Коми проведён успешно.

\* \* \*

1. Отсрочка перехода на цифровое вещание обошлась российскому бюджету в 30 млрд руб. // Теле-Спутник. – 2018. – 7 дек.

2. Алексей Волин, Минкомсвязи: «Эксперименты на своём населении пусть другие ставят» // Теле-Спутник. – 2019. – 12 февр.

3. Перед отключением аналога торговые сети запасли 800 000 приставок // Теле-Спутник. – 2019. – 29 мая.

4. Опубликован список населённых пунктов, не охваченных цифровым эфирным вещанием // Теле-Спутник. – 2018. – 10 дек.

5. В Коми полностью запущен второй мультиплекс (28.12.2018). – URL: <https://komiinform.ru/news/174151>



6. Жителей Коми приглашают принять участие в опросе о переходе на цифровое вещание // Республика. – 2018. – 25 окт.
7. Викторина от РТРС «Что вы знаете о цифровом телевидении?» // Панорама столицы. – 2018. – 26 нояб.
8. Как выбрать приставку для приёма цифрового эфирного ТВ // Панорама столицы. – 2018. – 26 нояб.
9. Как подключить цифровое эфирное ТВ // Республика. – 2018. – 25 окт.
10. *Власова Л.* Переход на «цифру»: мифы и реальность // Республика. – 2018. – 29 нояб.; *Власова Л.* Республика готовится к переходу на цифру // Республика. – 2019. – 25 апр.
11. *Соловьева С.* Сыктывкарцев приглашают на «цифровую» зарядку // Республика. – 2019. – 23 мая.
12. *Власова Л.* Республика готовится к переходу на цифру // Республика. – 2019. – 25 апр.
13. *Потехина А.* Районы Коми переходят на «цифру» // Республика. – 2019. – 30 мая.
14. *Перова Л.* Малоимущим помогут в приобретении спутникового оборудования // Республика. – 2019. – 4 апр.; *Семенов Р.* Малоимущим помогут подключиться к спутниковому ТВ // Республика. – 2019. – 18 апр.
15. В Коми ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны обеспечат приставками для просмотра цифрового ТВ (18.05.2019). – URL: <https://komiinform.ru/news/180413>
16. *Потехина А.* Районы Коми переходят на «цифру» // Республика. – 2019. – 30 мая; Мэр Сыктывкара Валерий Козлов вручил ветерану телеприставку для подключения цифрового телевидения // Панорама столицы. – 2019. – 10 июня.
17. Официальный сайт Коми республиканского телевизионного канала «Юрган». – URL: [http://www.yorgan.pf/informatsiya/o\\_telekanale/](http://www.yorgan.pf/informatsiya/o_telekanale/)
18. Жизнь и смерть регионального ТВ в цифровую эпоху // Теле-Спутник. – 2018. – 27 июля.
19. Путин подписал закон о 22-й кнопке // Теле-Спутник. – 2019. – 7 июня.
20. Волин: Врезки региональных телеканалов на ОТР могут появиться в ноябре // Теле-Спутник. – 2019. – 18 апр.
21. Медведев уверен в сохранении регионального телевидения при переходе на «цифру» // Теле-Спутник. – 2019. – 17 апр.



УДК 930.2

**М.В. Таскаев,**

*канд. ист. наук, зав. отделом  
истории и этнографии Института  
языка, литературы и истории  
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТЕМА  
ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ  
ФИЦ КОМИ НЦ УрО РАН «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ,  
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ  
ПРОЦЕССЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ  
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КОМИ):  
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ».  
ИТОГИ ВТОРОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ**

Тема (научно-исследовательская работа – НИР) разрабатывается в рамках реализации «Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы» (Направление 103. «Проблемы теории исторического процесса, обобщение опыта социальных трансформаций и общественного потенциала»). Настоящая статья посвящена результатам исследований, осуществлявшихся в 2018 г. в соответствии с календарным планом работ. Направлениями работ историков (сектор отечественной истории, лаборатория археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России, сектор историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера отдела истории и этнографии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) по теме в 2018 г. стали: архивные изыскания, анализ и публикация новых источников (формирование источниковой базы исторической науки); изучение организации научных исследований, что подразумевает анализ деятельности научных учреждений, высших учебных заведений, научных фондов, краеведческих и других самостоятельных обществ по развитию гуманитарных знаний; изучение социально-политических, социально-экономических и демографических процессов.

Несмотря на то что XVI в. до наших дней дошло немного документов, относящихся к истории Коми края, они позволяют получить представление о его народонаселении во второй половине этого столетия; системе



управления и налогообложения; некоторых сюжетах экономического характера (повседневные реалии сельскохозяйственного производства через земледользование, состояние промыслового хозяйства и др.); участия коми в присоединении к Западной Сибири и её освоении; некоторых вопросах истории Русской православной церкви. Впервые опубликованы духовные грамоты (завещания), купчие на участки земли, деловые (грамоты, фиксировавшие раздел имущества); их наличие свидетельствует о существовании частной собственности на землю в среде северных черносошных крестьян. Документы XVI столетия, относящиеся к Коми краю, очень редки, поэтому их поиск и публикация весьма актуальны. Опубликованные документы хранятся в Российском государственном архиве древних актов (фонд Яренской приказной избы) [1].

Реформы 1860–1870-х гг. отменяли основы феодально-крепостнических порядков в России и постепенно замещали их капиталистическими нормами. Источники позволяют коренным образом пересмотреть оценку наделения землёй удельных крестьян Европейского Севера России, ошибочно принятую в историографии. Подобные сопоставления представляются более корректными и объективными, нежели проводимые ранее [2].

Важным результатом архивных изысканий за 2018 г. стала подготовка к изданию сборника документов «Акты ревизий волостных правлений Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии начала XX века» (автор-составитель – С.А. Попов, научный редактор – П.П. Котов, работа выходит в 2019 г.). Сборник представляет собой первое в отечественной исторической науке издание актов ревизий волостных правлений Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии 1913 года. В процессе обследования был выявлен 81 документ: 57 документов характеризуют результаты проверок волостей, 24 – посвящены итогам инспектирования сельских обществ. Датируются они 1909–1910, 1911–1913 и 1916 годами.

Комплекс выявленных церковно-приходских летописей Коми края, хранящихся в Национальном архиве Республики Коми (далее – НА РК), представлен 10 памятниками. Это летописи Аныбской Преображенской, Донской Вознесенской, Подчерской, Палаузской Богородской, Пезмогской Прокопьевской, Позтыкеросской Троицкой, Пожегской Спасской, Щугорской Стефановской, Ибской Вознесенской и Ижемской Преображенской церквей. При анализе содержимого летописей был использован метод тематического контент-анализа, предполагающий формализацию нарратива. Летописи были разбиты на смысловые блоки в соответствии с рекомендацией в «Вологодских епархиальных ведомостях» программой с определением объёма текста каждого из блоков, т.е. нарративный текст был переведён в количественные характеристики. Использование метода тематиче-



ского контент-анализа применительно к приходскому летописанию, особенно в совокупности с модальным, в значительной степени повышает ценность церковно-приходских летописей в качестве исторического источника [3].

При изучении демографических процессов на Севере был проанализирован забытый, несмотря на его уникальность, архивный источник – подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда Архангельской губернии начала XX века. Работа представляет собой комплексное исследование Печорского края: приводятся сведения о климате, почве, быте крестьян, экономических условиях, медицине [4].

В рамках исследования социально-экономических процессов и индустриальной политики СССР на территории Европейского Севера России был изучен комплекс документов. Фундаментом источниковой базы данной проблематики в основном являются протоколы, постановления, справки, акты, отчёты, приказы, распоряжения, материалы заседаний центральных органов власти и управления, отдельных наркоматов и ведомств, а также областных и районных партийных и советских органов, сохранившиеся в НА РК. Обработаны обширные документальные материалы по индустриальной политике СССР в Коми автономной области в 1920–1930-е гг. [5].

В ходе исследования истории системы среднего специального образования в Коми АССР в 1950–1980-е гг. выявлены и успешно использованы статистические документы, отложившиеся в фонде Статистического управления Коми АССР НА РК. На базе их изучения подготовлена монография А.М. Мацука, посвящённая системе среднего специального образования (выход в свет запланирован в 2019 г.).

Весьма информативный современный источник представлен в работе А.А. Попова и Н.Ю. Линковой – это телевизионные передачи государственных телекомпаний в Коми регионе. Источниковая база государственного федерального телевидения (современная телекомпания ГТРК «Коми гор» – филиал ВГТРК и правопреемник всесоюзного телевидения) является наиболее представительной и систематизированной. Её основу составляют документы и материалы фонда Р-1336 НА РК, номенклатура дел которого по всем видам деятельности составляет несколько тысяч единиц хранения (до 1995 г.). Сотни единиц хранения насчитывают незафондированные документы ведомственного (текущего) архива ГТРК «Коми гор». Документы архивных фондов ГТРК «Коми гор» в совокупности с опубликованными материалами позволяют всесторонне исследовать историю федерального государственного телевидения в регионе, начиная с создания





первых трёх городских студий – Воркутинской (1958), Ухтинской (1960) и Сыктывкарской (1964) [6].

В 2018 г. осуществлялось комплексное изучение социально-политических, социально-экономических и демографических процессов с временным интервалом XVI–XX века. Изданы 2 сборника авторских статей, посвящённых различным историографическим и источниковедческим проблемам истории Северной России [7].

При исследовании социально-экономической истории на Севере впервые проведено обобщение материалов по истории развития ярмарок на Европейском Севере России в XIX – начале XX в., раскрыты не исследованные ранее аспекты управления ярмарочной торговлей страны, организации и проведения ярмарок: в частности, дана характеристика распределения полномочий управления ярмарочной торговлей страны среди министерств (Министерство финансов, Министерство внутренних дел, Министерство полиции) с учётом динамики на протяжении XIX в.; охарактеризована система контроля ярмарочной торговли на губернском и уездном уровнях. Подготовлена к изданию монография И.И. Лейман «Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX в.».

В соответствии с планом деятельности продолжалось изучение социально-политических процессов, в частности истории создания органов государственной безопасности в стране и регионе, их роли в государстве и обществе. Впервые понятие «государственного преступления», направленного против существующего в стране политико-правового строя, появляется в «Псковской судной грамоте» (1397), окончательно утверждённой на вече Псковской феодальной республики в 1467 году. В 1826 г. император Николай I учреждает на базе Особой канцелярии Министерства внутренних дел Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии – политическую полицию Российской империи, прообраз современной службы безопасности. С создания в 1917 г. ВЧК начинается современная история органов государственной безопасности Российской Федерации, которая изобилует фактами противодействия внешней и внутренней угрозам государства [8]. Помимо органов государственной безопасности, рассматривались и другие исторические проблемы, касающиеся истории революционных событий в стране, в частности связанные с коминтернациональным движением, политическими репрессиями и т.д. [9].

В 2018 г. Правительством и Государственным Советом Республики Коми при участии историков Института проведена научно-практическая конференция «Ю.А. Спиридонов и его время», посвящённая памяти первого Главы Республики Коми Ю.А. Спиридонова (к 80-летию со дня рождения). Подготовлен для издания сборник документов и материалов



(отв. ред. – А.А. Попов). В сборнике около 40 текстов воспоминаний и свидетельств соратников и современников первого Главы Республики Коми, которые представляют собой цельный корпус редких документов личного происхождения, характеризующих сложнейший период новейшей истории России и Республики Коми конца XX века.

В рамках НИР проводился комплексный анализ различных групп источников демографической информации, отличающихся по степени охвата населения, характеру данных и способу их получения [10]. Подготовленная рукопись монографии В.И. Силина «Географические исследования на территории Коми края» посвящена изучению и освоению территории Республики Коми. Автор рассмотрел историю изучения Европейского Севера России, в том числе и Коми края, в контексте общего исторического процесса изучения и освоения Севера. Исследователь отметил связь между развитием территории и её естественнонаучным изучением. Исследование истории научного изучения природных ресурсов и освоения территории показывает как изменялись представления о регионе, научные географические данные помещались в основу планирования и организации промышленного и сельскохозяйственного производства, трудовых ресурсов, транспортных коммуникаций. Через освещение судеб исследователей автором показан и описан процесс получения знаний о регионе. Деятельность многих учёных (таких как А.И. Якобий, В.К. Солдатов, С.А. Зернов и др.) рассматривается впервые в региональной литературе. Рукопись монографии В.И. Силина представлена к публикации в 2019 году.

Таким образом, проводившиеся в 2018 г. комплексное изучение социально-политических, социально-экономических, социально-культурных и демографических процессов на российском Севере с временным интервалом XVI–XX вв., разработка теоретико-методологических подходов и методов исторического познания, концептуально-историографическое обобщение пространственного опыта регионального развития России в XVI–XX вв. и его отражения в политике, экономике и культуре (общенациональной и региональной) как индикаторов формирования региональной структуры страны – всё это позволило выявить важные экономические, демографические и социальные аспекты истории освоения Европейского Севера России в результате как повседневного труда многонационального населения региона, так и выполнения государственных программ развития её северных территорий. Опубликованы и введены в широкий научный оборот различные исторические документы. Осуществлены сбор, обработка и систематизация архивного и литературного материала по тематическим разделам научно-исследовательской темы, апробированы и введены в научный оборот материалы по теме в научных публикациях и докладах



на научных конференциях международного и всероссийского уровня. По плановой теме сотрудниками исторических подразделений отдела истории и этнографии ИЯЛИ за 2018 г. опубликовано 103 работы общим объёмом свыше 96 п.л., из них 21 публикация в различных базах научных данных (Web of Science, РИНЦ, список ВАК РФ). В рамках НИР подготовлена к защите диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Результаты исследований представлены в 74 докладах на конференциях различного уровня, три из которых (научные чтения и два симпозиума) были организованы в ИЯЛИ по плановой теме. Надо также отметить, что историки ИЯЛИ издают два научных журнала, зарегистрированные в научных базах данных: научный журнал «Историческая демография» (издаётся с 2008 г., ISSN 2304-5922, тираж 300 экз.) и научный журнал «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» (издаётся с 2008 г., ISSN 1998-619X, тираж 100 экз.). Материалы журналов посвящены исследованиям по плановой теме.

Подводя итог сказанному, необходимо констатировать, что задачи, поставленные в ходе работ на втором этапе исследований по теме НИР, реализованы. Полученные результаты соответствуют современному уровню исторических исследований.

\* \* \*

1. *Мацук М.А.* Документы XVI века по истории Коми края // Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография): сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018. – С.5–15; *Мацук М.А.* Крестьянские частнопровольные акты XVI века в фонде Яренской приказной избы РГАДА // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2018. – № 2 (42). – С.24–37.

2. *Котов П.П.* Арендные и покупные земли в удельной деревне Европейского Севера России // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2018. – Февраль. – № 2 (171). – С.49–53; *Котов П.П.* Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2018. – Т.28. – Вып. 1. – С.13–22; *Котов П.П.* Удельные крестьяне Европейского Севера России и реформа 26 июня 1863 года в досоветской историографии // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор (Труды Института языка,



литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). – Сыктывкар, 2018. – Вып. 75. – С.16–23.

3. *Хайдуров М.В.* Церковно-приходские летописи Коми края конца XIX – начала XX вв.: опыт анализа // Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография): сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018. – С.46–56; *Хайдуров М.В.* Изучение синодального периода церковной истории Коми края в конце XX – начале XXI вв. // Литературное наследие региона: сохранение, интеграция в цифровую среду, перспективы чтения: материалы Международной науч.-практ. конф. / сост. Н.В. Гурьева. – Сыктывкар, 2018. – С.307–315.

4. *Вишнякова Д.В.* Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда как источник по демографическим процессам населения Печорского края в начале XX в. // Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография): сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018. – С.65–71.

5. *Нисковский А.А., Нисковская М.И.* История развития железнодорожных коммуникаций Коми края в 1930–1950-е годы в документах региональных архивов // Архив в социуме – социум в архиве: материалы региональной науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н.А. Антипин. – Челябинск: ОАО «Челябинский Дом печати», 2018. – С.225–227; *Турубанов А.Н.* История индустрии Республики Коми XX века в трудах исследователей центральных и региональных научных учреждений СССР – России // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). – Сыктывкар, 2018. – Вып. 75. – С.61–69.

6. *Попов А.А., Линкова Н.Ю.* Источники по истории телевидения в Республике Коми // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). – Сыктывкар, 2018. – Вып. 75. – С.156–160.

7. Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор / отв. ред. М.В. Таскаев (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). – Сыктывкар, 2018. – Вып. 75; Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография) / отв. ред. А.А. Попов. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018.



8. *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Мельникова Н.В.* Всегда в строю, всегда в бою. К 100-летию органов государственной безопасности Республики Коми. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2018.

9. *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Национальное движение в Коми крае в годы Первой мировой войны // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Історыя. – Мінск, 2018. – № 3. – С.23–30; *Жеребцов И.Л., Колесов Б.Р.* Трансформация городской среды Усть-Сысольска – Сыктывкара в первые десятилетия советской власти (по материалам местных газет) // Уваровские чтения – X: Физиогномика города: материалы Всероссийской науч. конф. с международным участием (Муром, 19–21 апреля 2017 г.). – Владимир: ВИТ-принт, 2018. – С.78–85; *Жеребцов И.Л., Меньковский В.И.* Англо-американская ревизионистская концепция «советской модернизации» как альтернатива теории тоталитаризма // Международная научная конференция «Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан»: сб. статей (Оренбург, 7–8 декабря 2018 г.). – Оренбург: ООО ИПК ОГУ, 2018. – С.158–161.

10. *Игнатова Н.М.* Историография принудительных миграций // Вопросы истории. – 2018. – № 6. – С.159–168; *Игнатова Н.М.* Архивные данные по Всесоюзному переучёту выселенцев и спецпоселенцев 1949 г. // Историческая демография. – 2018. – № 1. – С.121–140; *Силин В.И.* Географические исследования Коми края в конце XVIII – первой половине XIX века. Историографический обзор // Университетский научный журнал (Санкт-Петербург). – 2018. – № 38. – С.84–92.

*Научное издание*

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ  
ЧЕЛОВЕКА НА СЕВЕРЕ:  
ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ  
И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ  
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Сборник статей

Редактор *Г.Г. Оверина*  
Корректор *М.С. Жилина*  
Компьютерная вёрстка *И.М. Титовой*

Подписано в печать 05.12.2019. Формат 60x84 1/16.  
Бумага «Снегурочка». Гарнитура «Times». Печать – ризография.  
Усл. п. л. 11,5. Заказ № 25.  
Тираж 200 экз.

Адрес издательства:  
Коммунистическая ул., д. 11, Сыктывкар, 167982

Отпечатано в ГОУ ВО КРАГСИУ